

**ИССЛЕДОВАНИЯ
И МУЗЕЕФИКАЦИЯ
ДРЕВНОСТЕЙ
СЕВЕРО-ЗАПАДА**

Выпуск 4

Санкт-Петербург
2001

Санкт-Петербургский государственный университет
культуры и искусств. Кафедра музееведения

Институт истории материальной культуры
Российской Академии наук

ИССЛЕДОВАНИЯ И МУЗЕЕФИКАЦИЯ ДРЕВНОСТЕЙ СЕВЕРО-ЗАПАДА

Выпуск 4

С.В.Белецкий

**ВВЕДЕНИЕ В РУССКУЮ ДОПЕТРОВСКУЮ
СФРАГИСТИКУ**

Учебное пособие для студентов специальности
“Музейное дело и охрана памятников
истории и культуры”

Санкт-Петербург
2001

Ответственный редактор

доктор исторических наук,
профессор А.Н.Кирпичников

Рецензенты

доктор исторических наук, профессор Г.С.Лебедев
кандидат исторических наук Ю.М.Лесман

Оригинал-макет: О.И.Богуславский, Л.Б.Кирчо

Издание подготовлено при финансовой поддержке
Федеральной целевой программы "Интеграция"
(проект № К-0389)

ISBN 5-201-01210-8 (10)

© С.В.Белецкий, 2001

ВВЕДЕНИЕ

Название сфрагистика происходит от греческого слова σφραγισ, что в переводе означает печать. Иногда применяется также термин — сигиллография, образованный из двух латинских слов — sigillum и graphio, что можно перевести как описание печатей. Таким образом, сфрагистика или сигиллография — это вспомогательная историческая дисциплина, предметом изучения которой являются печати. Именно печати, придававшие документам юридическую силу, позволяют изучать процесс зарождения и становления институтов власти — прообразов позднейших государственных учреждений.

Сфрагистика — обширная область специальных исторических знаний, охватывающая различные эпохи и страны. Свою специфику имеет античная сфрагистика, сфрагистика народов Востока, византийская сфрагистика, сфрагистика западно-европейских государств. В предлагаемом очерке эти разделы науки рассматриваться не будут. Автор — специалист в области средневековой русской сфрагистики. И именно на факты Российской истории, материализовавшиеся в сфрагистических памятниках, мы будем опираться, знакомясь с основным кругом проблем, стоящих перед сфрагистикой. При этом основное внимание будет обращено на памятники актов сфрагистики X — XVII вв.

Период с X по XVII вв. выбран не случайно. Именно на этот отрезок времени — от появления на исторической арене “державы Рюриковичей” и до преобразования Московского царства в Российскую империю — приходится становление и начальные этапы развития тех государственных институтов, дробная дифференцированная структура которых отразилась в многочисленных письменных источниках по истории Российского государства XVI-XVII вв. В период с X по начало XVI вв. протекали те исторические процессы, в результате которых к XVI в. в России складывается система бюрократического централизма, основанная на развитом бумажном делопроизводстве и строгом иерархическом подчинении друг другу учреждениям и должностных лиц. На рубеже XV и XVI столетий в Российском государстве фиксируется и само появление государственных учреждений, то есть — специально организованных государством групп должностных лиц, выполняющих путем принуждения, с помощью

денежных средств и делопроизводства определенные задачи в интересах государства [Ерошкин 1983: 4]. И если для XVI-XVII вв. (уже не говоря о более позднем времени) структура и иерархические отношения государственных учреждений исследуются на материалах собственно писцового делопроизводства, то для XIV-XV вв. количество сохранившихся подлинных памятников такого рода резко сокращается, для XII-XIII в. известны лишь единичные подлинные документы, сохранившие скрепу, а для более раннего времени подлинные акты не сохранились вовсе, и мы располагаем лишь копиями (списками) документов, включенных в текст погодных статей летописи. Единственным источником, позволяющим изучать генезис государственных учреждений в России, прообразы которых зарождались на Руси в эпоху средневековья, остаются акты печати — атрибуты юрисдикции должностных лиц, придававшие документам юридическую силу, то есть — превращавшие письменные документы, в конечном счете, в продукцию делопроизводства.

Интерес к средневековым русским печатям возник в конце XVIII вв. В обширном издании документов по средневековой истории России “Древняя Российская Вивлиофика” [Новиков 1788, 1791] тексты актов сопровождалась описаниями печатей, скреплявших документы. Эти описания привлекли внимание историков к сфрагистическим памятникам русского происхождения: попытки истолкования изображений на печатях в начале XIX в. предпринимали Н.М.Карамзин [1818, примеч.360; 1819, примеч.204, 268, 276, 326] и митрополит Евгений (Болховитинов) [1818: 201-255].

Первый опыт издания прорисовок средневековых русских печатей был предпринят в начале XIX в. Публикация рисунков печатей в капитальном издании “Собрание государственных грамот и договоров” [1813-1828] стала на долгие годы основным пособием для исследователей, обращавшихся к памятникам русской актовой сфрагистики. И хотя в литературе неоднократно отмечалось невысокое качество прорисовок, включенных в это издание, само издание не потеряло своего значения вплоть до настоящего времени.

Этапной в изучении памятников русской сфрагистики стала монография А.Б.Лакиера “Русская геральдика” [1855; переизд.: Лакиер 1990]: значительная часть этого исследования была посвящена истолкованию изображений на русских средневековых печатях. А.Б.Лакиер первым предпринял попытку систематизировать известные к середине XIX в. акты печати древней

Руси, причем многие наблюдения исследователя не потеряли своего значения и в настоящее время.

Во второй половине XIX в. были изданы два специализированных сфрагистических альбома [Иванов, 1858; Снимки, 1882], построенные на материалах разных собраний и, тем самым, дополнявшие друг друга. Благодаря этим изданиям в научный оборот был введен огромный фактический материал.

Событием в русской исторической науке стала небольшая работа А.В.Орешникова “Материалы к русской сфрагистике” [1903]. Крупнейший отечественный нумизмат конца XIX — начала XX вв., А.В. Орешников описал немногим более ста средневековых металлических печатей, главным образом сохранившихся при подлинных документах. Исследователь подвел итоги изучения средневековых русских печатей и показал тесную связь сфрагистики с нумизматикой.

Начало новому этапу в изучении памятников русской сфрагистики было положено трудами Николая Петровича Лихачева (1862-1936 гг.). Являясь не только блестящим источниковедом, но и страстным коллекционером, Н.П.Лихачев (рис.1) на протяжении четверти века целенаправленно собирал памятники сфрагистики — приобретал отдельные печати и целые собрания во время зарубежных научных поездок, а также через контакты с другими коллекционерами и с антикварами. До сих пор коллекция Лихачева, большая часть которой теперь хранится в Эрмитаже (Санкт-Петербург), остается одним из лучших сфрагистических собраний не только в России, но и в мире¹.

Интерес Н.П.Лихачева к памятникам сфрагистики совпал по времени с уникальным открытием. Близ Новгорода находится так называемое “Юриково” городище — детинец древнейшего города Новгорода. В конце XVIII в. мысовая часть городища была уничтожена при прокладке Сиверсова канала, соединившего рукава Волхова (рис.2-3). В результате проведения этих работ оказался разрушен находившийся в земле обширный комплекс документов, являвшийся остатками архивохранилища². Сами документы к моменту прокладки канала полностью истлели, но от них в земле сохранились подвесные металлические печати. Слой, в котором залежали эти печати, был перемещен в отвалы по берегам канала. С конца XIX в. печати,

¹ Подробнее о Н.П.Лихачеве см.: [Шандровская, Янин, 1991: 5-19; Климанов 1991; 1993: 7-28; Валк 1978: 335-340; Шмидт 1998: 11-18; Прохоров 1998: 102-104; Медведев 1998: 105-113].

² Подробнее о городищенском архиве см. Главу 5.

Рис. 1
Николай Петрович Лихачев. Фото 1916 г.

собиравшиеся местными жителями на отмелях канала, привлекли внимание антикваров, а уже в начале XX в. Н.П. Лихачев начал приобретать у собирателей эти находки. Менее чем за два десятилетия коллекция русских средневековых печатей в собрании Лихачева превысила 600 экземпляров [Янин 1970, т.1: 9-10; Янин, Гайдуков 1998а: 5; Климанов 1999: 18-49].

Необходимость издания печатей была очевидна. В 1904-1917 гг. по заказу Н.П. Лихачева было изготовлено более 80 фототипических таблиц, которые включали более 900 древних предметов, в том числе — около 700 актовых печатей и пломб; эти таблицы получили в литературе наименование “Сфрагистический альбом”. Однако осуществить издание не удалось. Основные наблюдения над группировкой и атрибуцией памятников русской сфрагистики Н.П. Лихачев изложил в двух выпусках “Материалов для истории византийской и русской сфрагистики” [1928;

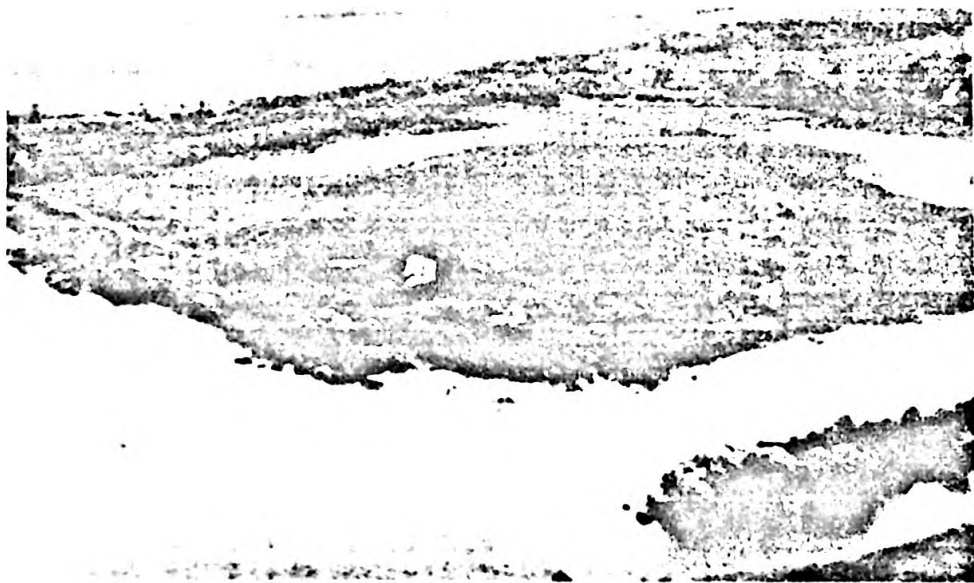

Рис.2

Новгородское ("Рюриково") городище. Фото 1991 г. (по В.Л.Янину и П.Г.Гайдукову)

1930]. Планировался третий выпуск, посвященный печатям XIII-XV вв. однако он остался не издан (СПбОА РАН, ф.246, оп. 1, д.123). В 1930 г. Н.П.Лихачев был арестован и сослан на пять лет в Астрахань; тогда же был уничтожен тираж второго выпуска "Материалов". По возвращении из ссылки Лихачев в неизмеримо трудных условиях сумел завершить работу над рукописью комментариев к таблицам "Сфрагистического альбома", однако труд этот остался неопубликованным [ЛСА].

В 1970 г. часть рукописи Н.П.Лихачева, посвященная древнерусским печатям, была переработана В.Л.Яниным, дополнена новыми находками и включена в двухтомный Корпус "Актовые печати древней Руси X-XV вв." [Янин 1970, т.1-2]. Это издание содержит исследование и каталог, включающий сведения о более чем полутора тысячах актовых печатей, оттиснутых более чем 800 парами матриц. В 1998 г. вышел из печати третий том Корпуса, подготовленный В.Л.Яниным в соавторстве с П.Г.Гайдуковым: в этом томе опубликовано более 1100 моливдовулов, в том числе — более 370 оттисков от неизвестных ранее пар матриц [Янин, Гайдуков, 1998а]. В 1998 и 2000 гг. вышли также два дополнения к Корпусу, содержащие сведения еще о 228 буллах [Янин, Гайдуков 1998б; 2000]. В настоящее время Корпус актовых печатей древней Руси является основным источником по истории русских средневековых металлических печатей.

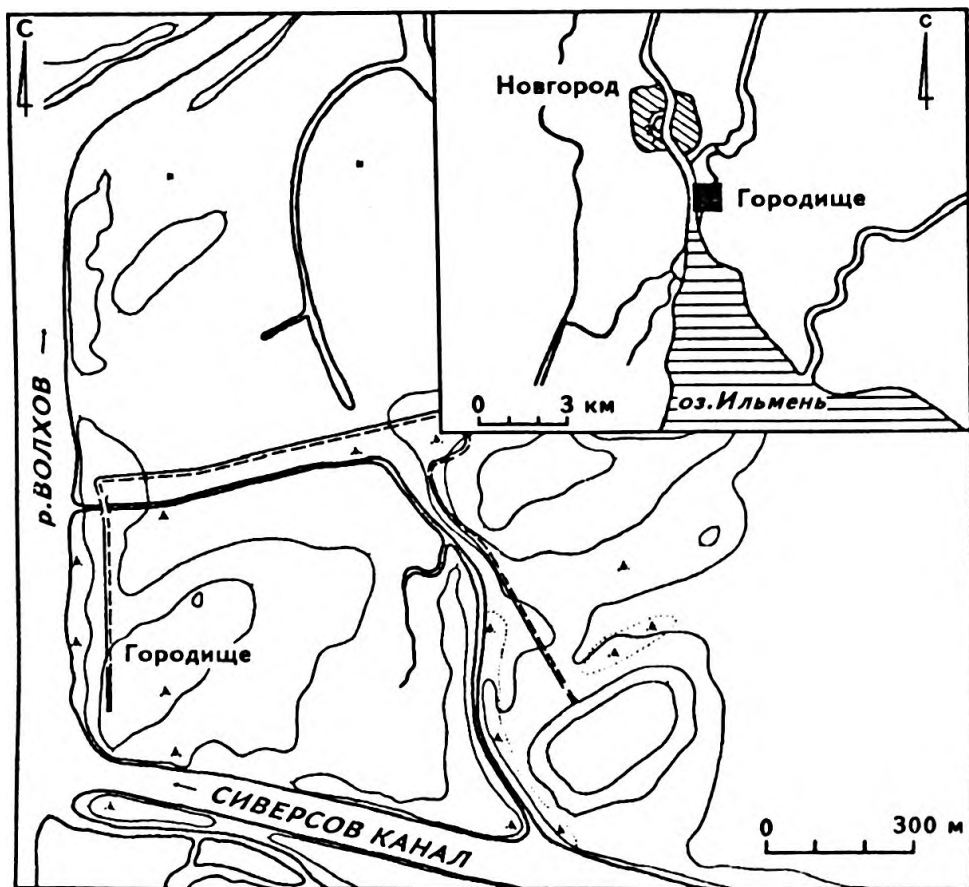

Рис.3

Новгородское ("Рюриково") городище. План. На врезке: соотношение Новгородского городища и Новгорода (по Е.Н.Носову, В.А.Концакому)

Хотя значительная часть известных к настоящему времени древнерусских металлических печатей принадлежит к числу находок на Рюриковом городище, имеющиеся в распоряжении науки сфрагистические памятники X-XV вв. не ограничиваются комплексом новгородского архива. Многие печати эпохи русского средневековья происходят из случайных находок в средневековых поселениях и городах, а также найдены при археологических раскопках (Киев, Чернигов, Тверь, Владимир, Суздаль, Белоозеро, Новгород, Псков, Изборск, Старая Ладога и др.; кроме материалов, включенных в Корпус актов печатей древней Руси, см. напр.: [Белецкий 1994б; 1994в; Белецкий, Петренко 1994; Белецкий, Грушина 1997] и др.). Особо следует отметить

обширное скопление моливдовулов (564 печати и две заготовки для печатей), найденное в Пскове при археологических раскопках руинированной постройки, погибшей в пожаре начала XVI в. и представлявшей собой остатки одной из городских канцелярий второй половины XV — начала XVI вв. [Белецкий 1994а; Белецкий В., Белецкий С. 1995а]¹.

Значительно меньше повезло другой массовой категории сфрагистических памятников эпохи русского средневековья, отпущенных в металл — пломба́м. Хотя свинцовые пломбы известны в науке со второй половины XIX в. свод этих памятников, подобный своду актовых печатей, до сих пор не издан. До настоящего времени не установлено даже общее количество этих сфрагистических памятников, хранящихся хотя бы в государственных собраниях: если Н.П.Лихачев располагал в середине 1920-х годов сведениями о 8,5 тыс. пломб [Лихачев 1930: 58-71], а А.Л.Монгайт называл в конце 1950-х годов цифру “около 15 тысяч” [Монгайт 1959: 117], то Б.Д.Ершевский к 1984 г. констатировал наличие “более 10 тысяч” пломб [Ершевский 1984: 50,51]. Причина расхождений заключается в том, что пломбы до сих пор остаются по настоящему не изучены, хотя в литературе и существуют различные оценки этих памятников.

Воско-мастичные печати эпохи русского средневековья долгое время оставались “в тени” печатей металлических. Хотя прорисовки этих печатей воспроизводились (главным образом, по “Собранию государственных грамот и договоров”) неоднократно, сводное исследование появилось только в 1991 г. [Соболева, 1991]. Это издание содержит интересные комментарии к проблеме “права печати” в эпоху средневековья, а также каталог на 188 печатей северо-восточной Руси XIV — середины XVI вв. (главным образом, сохранившихся при документах) и комментарии к этим печатям.

* * *

Предлагаемое вниманию читателя пособие написано на основе лекций по сфрагистике, читающихся автором в составе курса “Вспомогательные исторические дисциплины” на кафедре музееведения Санкт-Петербургского Государственного университета культуры и искусств. Оно является попыткой обобщить результаты исследований по истории русской допетровской сфрагистики, проводившихся историками на протяжении нескольких десятилетий. При этом автор опирался на персональные

¹ Подробнее о псковском архиве см. Главу 6.

и принципиальные атрибуции печатей, обоснованные в работах Н.П.Лихачева, А.В.Орешникова, В.Л.Янина, П.Г.Гайдукова, Н.А.Соболевой и еще ряда исследователей, а также на собственные разработки. Памятники сфрагистики эпохи Нового и Новейшего времени в пособии не рассматриваются: печати этого времени остаются плохо изучены и в основной своей массе не опубликованы.

Прорисовки большинства печатей, включенные в иллюстрации к пособию, заимствованы из корпуса актовых печатей древней Руси X-XV вв. [Янин 1970, т.1-2; Янин, Гайдуков 1998а; 1998б; 2000], из “Собрания Государственных грамот и договоров” [1813-1828], а также из сборников “снимков с древних печатей” [Иванов, 1858; Снимки, 1882]. Происхождение иллюстраций, взятых из других источников, подкрепляется ссылками на соответствующие издания.

Отдельные части пособия обсуждались в виде докладов на заседаниях Отдела славяно-финской археологии ИИМК РАН (СПб), кафедры музееведения СПбГУКИ, а также на заседаниях семинара “Археология и история Пскова и Псковской земли” в Псковском музее-заповеднике (Псков). Пользуюсь случаем поблагодарить коллег, принимавших участие в обсуждении за доброжелательно-критический интерес к работе.

ГЛАВА 1

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ПАМЯТНИКОВ РУССКОЙ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СФРАГИСТИКИ

Виды сфрагистических памятников древней Руси

Сфрагистические памятники эпохи русского средневековья разнообразны и по внешнему виду, и по функциональному назначению (рис.4). По функциональному назначению печати разделяются на печати-матрицы и печати-оттиски. *Печать-матрица* — это изображения или надписи (часто — то и другое одновременно), вырезанные на металле, кости, камне и других твердых материалах. Печати-матрицы предназначались для оттискивания по мягкому металлу, воску или вошаной мастике. При оттискивании печати-матрицы образуется *печать-оттиск*. Скрепляя документ, печать-оттиск свидетельствует, что данный конкретный документ исходит от того лица или учреждения, которому принадлежит печать-матрица. Таким образом, основное назначение печати-матрицы — удостоверение подлинности документа путем скрепления его печатью-оттиском. Последний же, удостоверяя своим наличием подлинность документа, свидетельствует, что документ действительно исходит от держателя печати-матрицы.

По технике скрепления документа все печати-оттиски разделяются на подвесные и прикладные. *Подвесные (вислые) печати* как правило были двусторонними, то есть — имели изображения

Рис.4

Схема группировки памятников русской средневековой сфрагистики

и надписи на обеих сторонах. Печати привешивались (см., напр.: [Государственное древлехранилище 1971: 19]) на шнуре или нитях к нижней части документа (рис.5). Для прикрепления печати у нижнего обреза пергамента или листа бумаги прокалывали отверстия (иногда одно, чаще — два-три) для каждой печати (если документ скреплялся более чем одной печатью), шнур пропускали сквозь отверстия, иногда — завязывали узлом, а на свободных концах шнура помещали заготовку для печати. Заготовка с пропущенным сквозь нее шнуром помещалась между двумя матрицами и стискивалась. В результате этой операции образовывалась двусторонняя подвесная печать-оттиск.

Дискуссионным является вопрос о конструкции приспособления для оттискивания подвесных печатей. В византийской сфрагистике известны *буллотииры* (см., напр.: [Йорданов 1993: табл.11]) — инструменты, имевшие вид клещей (рис.6), в рабочих поверхностях которых (губы) крепились пластины-матрицы. Матрицы могли вырезаться и непосредственно на губах буллотиирия.

Вплоть до недавнего времени в русской актовой сфрагистике буллотииры известны не были, хотя до нашего времени сохранилась одна подлинная матрица XV в. (рис.8,3). Поэтому в литературе даже высказывалось мнение, что в русском делопроизводстве X-XVI вв. буллотииры могли вообще не применяться [Лихачев 1928: 3]. Однако при археологических раскопках древнерусского города Новгородка (совр. Новогрудок, Беларусь) был найден буллотиирий [Гуревич 1981: 99, рис.77,6], конструктивно близкий византийским (рис.7). Еще один буллотиирий был обнаружен при раскопках в детинце древнерусского города Воиня (городище Воинская Гребля, Украина).

Рис.6
Византийский буллотиирий (уменьшен)
(по И.Йорданову)

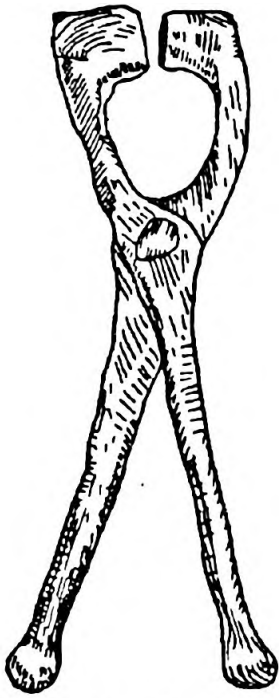

Рис.7
Древнерусский буллотирый (уменьшен)
(по Ф.Д.Гуревич)

Наиболее распространенным видом печати-оттиска на Руси в X-XV вв. были *буллы* — металлические подвесные печати. Как правило, они оттискивались на заготовках из свинца — мягкого пластичного металла, оттиски по которому получались очень отчетливо. Свинцовые подвесные печати называются *моливдовулы*. Подавляющее большинство их оттиснуто на цельнометаллических заготовках (рис.8, 1-2)¹. Образцы таких заготовок, отлитых в специальных формах (рис.9), известны по материалам археологических раскопок в ряде древнерусских городов (Новгород, Псков, Ладога, Дубна и др.): заготовки имеют вид свинцовых кружков, сквозь которые проходит канал для шнура.

При сжатии заготовки клещами буллотирия свинец из более выпуклого центра как бы “растекается” к краям заготовки, происходит ее деформация, канал сплющивается и шнур из печати уже невозможно извлечь, не повредив саму печать.

Кроме свинца для скрепления документа использовались также серебро и золото. Печати, оттиснутые в серебре, называются *аргировулы*, а печати, оттиснутые в золоте — *хрисовулы*. Серебро и золото — более твердые металлы, чем свинец. Поэтому и техника скрепления документа, как правило, была иной: между двумя тонкими пластинами помещали нити или шнур, прикрепляющие печать к документу, периметр заготовки запаивался, а затем производилось оттискивание матрицами буллотирия. Хрисовулы в домонгольское время могли оттискиваться и на цельнолитых заготовках.

¹ В византийской и западноевропейской сфрагистике известны также моливдовулы, оттиснутые на составных заготовках, изготовленных из двух пластин, между которыми помещался шнурок, соединяющий печать с документом. В русской сфрагистике моливдовулы, оттиснутые на составных заготовках исключительно редки.

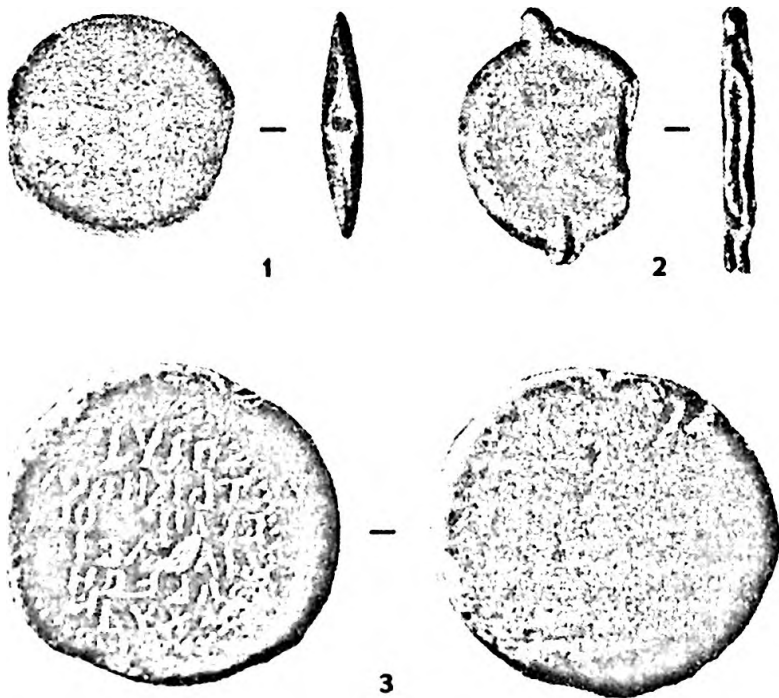

Рис.8

Заготовки (1-2) и матрица (3) для утверждения документа подвешной металлической печатью (по Н.П.Лихачеву)

Техника скрепления документов подвешной воощаной печатью отличается от техники скрепления документа металлической печатью. Воощаные печати изготавливались из более мягкого и более пластичного материала, поэтому на них можно было оттискивать печати с очень сложными изображениями и надписями, а легкость материала позволяла значительно увеличивать размеры печати-оттиска. Так, диаметр Большой государственной печати Ивана IV достигает 112 мм, на двух ее сторонах помещено 26 малых фигур или групп фигур, столько же малых круговых надписей, две большие фигуры и по две большие круговые надписи на каждой стороне.

Двусторонние воощаные печати могли привешиваться к документу на шнурах, нитях, полоске пергамента или бумаги. Документ мог быть также скреплен односторонней подвешной воощаной печатью в ковчеге — деревянной или восковой коробочке с отверстиями, сквозь которые был пропущен шнур; внутри ковчеха шнур (нити) заливали воощаной мастикой, по которой производился оттиск печати-матрицы. Печати же большого

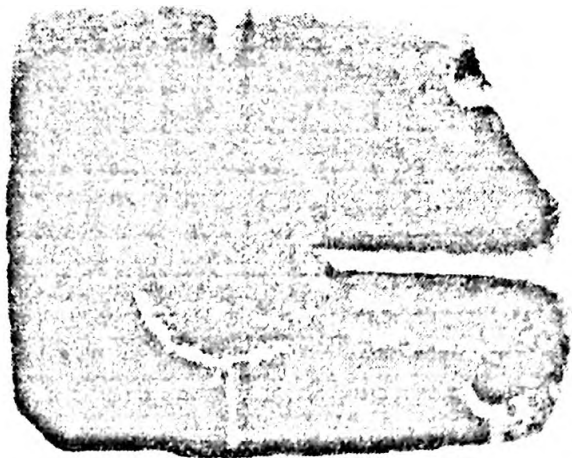

Рис.9

Формочка для отливки заготовок для печати (уменьшена)

размера и большой насыщенности изображениями и надписями оттиснуть вручную при помощи буллотиря сложно: для скрепления документа такой печатью требовалась значительная точность взаиморасположения матриц и уверенность в том, что ни одна из матриц не сместится со своего первоначального места. Такую точность мог обеспечить только станок. Станки, применявшиеся для скрепления документа печатью, известны в европейском делопроизводстве [Климанов 1999: 15] (рис.10). Подобные станки существовали и в России: в городской книге Новгорода под 1696 г. записано, что артель кузнеца Константина Иванова изготовила по заказу Посольского приказа тиски “для печатания его, Великого Государя, грамот” (цит. по: [Каменцева, Устюгов 1963: 47-48]): тиски были сделаны из железа и имели деревянные рукояти.

Воск — материал очень непрочный, поэтому в делопроизводстве применялась т.н. “вошаная мастика” (предшественник современного сургуча); при варке вошаной мастики в воск добавлялись различные компоненты, в том числе — смолы и красители¹. Разнообразие цвета вошаных (воско-мастичных) печатей

¹ Е.И.Каменцева и Н.В.Устюгов приводят, по сведениям новгородской городской книги, “состав красного воска”: для изготовления полпуда вошаной мастики требовалось 12 фунтов воска, 3 фунта киновари, 4 фунта сурика, 7 фунтов смолы, полфунта терпентина. Общий вес приготовленного сырья достигает 26,5 фунтов, так что 6,5 фунтов “угорало” при варке [Каменцева, Устюгов 1963: 46].

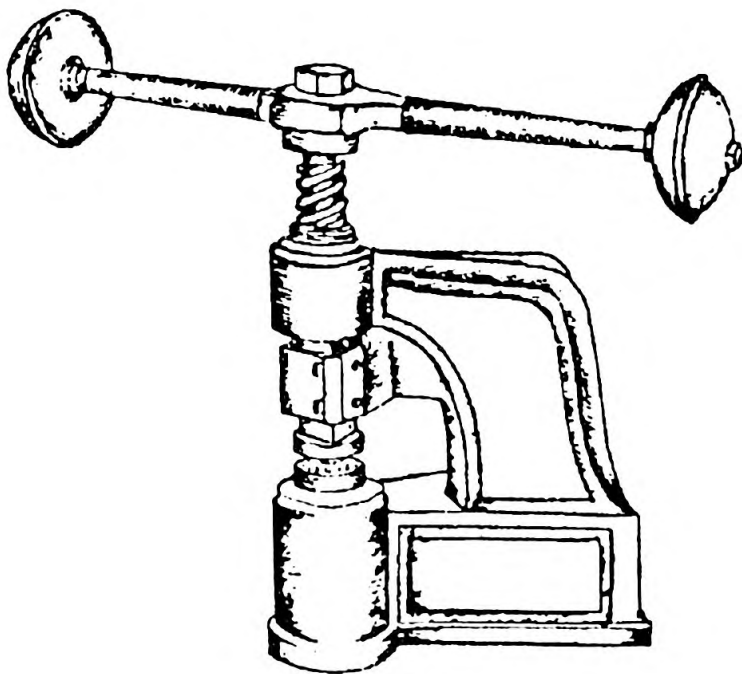

Рис. 10

Пресс для скрепления документа печатью (по Л.Г.Климанову)

зафиксировано не только подлинными печатями, сохранившимися при документах, но также описаниями печатей, имеющимися в позднейших копиях (списках) с документов: “А под подлинной грамотой печать черного воска”, “А у подлинной грамоты печать красного воска” [Каменцева, Устюгов 1963: 46].

Вошанные печати — более хрупкие, чем печати металлические, поэтому для предохранения от разрушения их часто помещали в специальные коробочки — кустодии (от латинского *custodia*, “стража”, “охрана”). Створки кустодий, изготовленных из оловянистого сплава, меди или же низкопробного серебра, найдены при археологических раскопках в Пскове и Новгороде, а деревянные кустодии известны по раскопкам города Мангазея в Сибири.

Техника скрепления документа прикладной односторонней печатью отличается от техники скрепления документа подвешенной печатью. В том месте, где печать должна была быть приложена, в документе прорезались два отверстия, через которые пропусклась полоска бумаги, свободные концы этой полоски выводились на лицевую сторону документа, сгибались, накладывались друг на друга и заливались вошанной мастикой, а после

Рис.11

Печатки-матрицы для оттискивания по восчаной мастике
 (по Д.И.Блифельду, А.Р.Артемьеву, Н.А.Макарову,
 А.В.Чернецову, В.А.Лапшину, М.Д.Полубояриной)

этого производился оттиск печати-матрицы. Таким образом, печать-оттиск прикреплялся к поверхности документа, а бумажная лента оказывалась "в теле" печати. Эти печати иногда называют "отворотчатыми", так как они прикреплялись к документу на "отворотах" (петлях) бумажной полоски [Каменцева, Устюгов 1963: 48]. Чтобы предохранить прикладную воскомастичную печать от разрушения, восчаную мастику иногда прикрывали сверху кусочком бумаги, превышавший по размеру оттиск печати, а сам оттиск производили поверх бумаги:

Рис.12

Печать-матрица X в. из раскопок в Саркеле (уменьшена)(по М.И.Артамонову)

последняя вдавливалась в вошаную мастику и оттиск матрицы читался не непосредственно по воску, а по перекрывшей воск бумажке; такие печати в литературе называют “печать под бумажкой” или “печать под кустодией”.

Матрицы для прикладных печатей имели различный облик и изготавливались из различных твердых материалов: металла, камня, кости (напр.: [Артамонов 1958: 74, рис.52; Блифельд 1977: 151, рис.29; 1999: 291, рис.73,1-2; Макаров, Чернецов 1988: 239, рис.3,9; 1997: 400, рис.1; Лапшин, Чукова, Курбатов, Персов, Черных 1997: 47, рис.7,1; Полубояринова 1971: 96, рис.33; и др.] (рис.11-12). Наиболее распространенными были перстни-печатки — цельнометаллические или со вставкой из камня. Известны печатки, на тыльной стороне которых имелось подобие ручки, в том числе — с отверстием для подвешивания. Иногда таким печаткам (чаще всего — костяным) придавался вид шахматных фигурок. Известны также печати-матрицы в виде пластины с ушком для подвешивания. Все эти печати были не только атрибутами делопроизводства, но представляли собой также регалии власти, предназначенные для ношения и предъявления. Они использовались не только для скрепления юридических документов, но также для “запечатывания” (сокрытия от посторонних глаз) свернутого послания.

Регламентация материала для печати-оттиска

Вопрос о том, имел ли материал, в котором оттискивалась печать, смысловое значение, давно обсуждается в отечественной

и зарубежной дипломатике. Утверждение документов аргировулами и хрисовулами происходило редко. Собственно хрисовулы дошли до нас только от эпохи Московского царства (XVI-XVII вв.), а в древнерусской сфрагистике X-XIV вв. они практически не известны: единственный экземпляр золотой печати домонгольского времени, оттиснутый на цельнолитой заготовке (рис. 23, 2), был найден при археологических раскопках в Новгороде. В древнерусском делопроизводстве вместо хрисовулов употреблялись так называемые *русские хрисовулы* — позолоченные аргировулы. Но и они крайне редки: почти все известные в настоящее время экземпляры сохранились при документах. Уже одно это свидетельствует о том, что серебряные и серебряные позолоченные печати были предназначены для утверждения документов особого ранга.

Принято считать, что русские хрисовулы применялись для утверждения междукняжеских докончаний, договоров князей с Новгородом, международных договоров и других подобных документов повышенной важности. Однако в действительности вопрос решается не столь однозначно. По сути дела, только одна категория актов, сохранившихся в подлинниках от XIV — начала XV вв. традиционно утверждалась русскими хрисовулами — духовные грамоты великих князей. Однако великокняжеские завещания могли утверждаться также и воцаными печатями. Договора Новгорода с великими князьями утверждались, главным образом, моливдовулами, хотя известны и случаи утверждения договоров аргировулами. Договорные междукняжеские грамоты утверждались и свинцовыми, и воцаными печатями. При международных договорах встречены и серебряные, и свинцовые, и воцаные печати. Таким образом, вопрос о дипломатических особенностях скрепы средневековых русских документов не может считаться решенным. Это связано с недостаточным числом дошедших до нас подлинных документов, сохранивших скрепу. Подавляющее большинство печатей-оттисков эпохи русского средневековья, оттиснуто в свинце.

Цветовое решение воцаной мастики на Руси, по-видимому, не было строго регламентировано. Правда, печать на красном воску употреблялась, прежде всего, в делопроизводстве великокняжеской московской канцелярии, однако для утверждения документов от лица великих московских князей употреблялись также черновосковые и желтовосковые печати. Печати на черном воску скрепляли документы, утверждавшиеся от имени московских митрополитов, но в митрополичьей канцелярии

документы скреплялись также красновосковыми и желтовосковыми печатями. И если использование красновосковых печатей, в конечном счете, регламентировалось, то о других печатях такие сведения в источниках отсутствуют.

Примером отсутствия регламентации в цвете воска, использованного для скрепления документов, являются печати великокняжеских наместников Полоцка, сохранившиеся при ряде подлинных грамот. Воевода Андрей Сакович, исполнявший функции наместника с 1445 по 1458 г., пользовался печатью на зеленом воску, однако дважды зафиксированы его желтовосковые печати. Омельян, заменявший Андрея Саковича в моменты его отъездов из Полоцка, пользовался черновосковыми печатями, но по крайней мере однажды скрепил документ печатью на коричневом воску. Наместник Петр Монтигирович, находившийся в должности с 1458 по 1469 г., пользовался исключительно зеленым воском. Его преемник Олехно Судимонтович (1460-1478 гг.) почти всегда пользовался черным воском, но дважды скрепил документы, оттиснутые по воску другого цвета — коричневому и коричневатозеленому. Богдан Андреевич (1478-1484 гг.) пользовался исключительно зеленым воском. Сменивший его Ян Юрьевич Заберезинский скреплял документы печатями на желтом, зеленом и коричневом воску [Хорошкевич 1972]. Строгой регламентации в цвете воска для печати не прослеживается, так что определяющим могло быть наличие в полоцкой великокняжеской канцелярии на момент утверждения документа запаса того или иного воска.

Приблизительно та же картина фиксируется и в делопроизводстве других государств. В королевской канцелярии Кипра и Сицилии XIII-XIV вв. применялся воск красного, белого и синего цвета: красновосковая печать являлась исключительной привилегией королевской юрисдикции, печати же на воску другого цвета не усваивались ни чиновникам определенного ранга, ни определенным типам документов. Исключительное право на красновосковую печать принадлежало румынским господам, а вельможи утверждали документы печатями на воску разного цвета. Кажется, в деятельности французской королевской канцелярии наблюдается некоторая упорядоченность использования красного, зеленого, желтого и белого воска, но только о зеленовосковых печатях известно, что документы, скрепленные такими печатями, имели постоянную юрисдикцию, а для желтовосковых печатей установлено, что они скрепляли документы более низкого ранга по сравнению с печатями другого цвета [Канганов 1982: 30 и сл.].

Диаметр и вес моливдовула

В научной литературе давно обсуждается вопрос о том, случайностью или же закономерностью следует объяснять такие характеристики моливдовула, как его размеры и массивность. Высказывалось мнение, согласно которому размер моливдовула является хронологическим признаком. Действительно, большинство древнейших русских печатей X-XI вв. были сравнительно крупными — до 30-40 мм в диаметре. В XII-XIII вв. преобладали моливдовулы размерами 14-17 мм. В XIV-XV вв. размеры буллы постепенно увеличиваются, и в XVI в. вновь встречаются моливдовулы размером 40 мм и более. Однако диаметр печати, все-таки, не является твердо датирующим признаком: расхождение в размерах близких по времени моливдовулов достигает 5-10 мм.

Редкую возможность сравнивать размеры моливдовулов дает комплекс “архива” из раскопок в Пскове. В составе “архива” имеется ряд печатей, представленных десятками и даже сотнями оттисков от одних и тех же пар матриц, использовавшихся в делопроизводстве в сравнительно короткие интервалы времени — от нескольких десятилетий до нескольких лет. Серийные промеры моливдовулов показали, что колебания диаметра оттисков от одной и той же пары матриц составляли от 18 до 32 мм. По существующим оценкам, такие моливдовулы должны были бы отстоять друг от друга на несколько столетий.

Значительно более показательным является изменение веса моливдовула, определяющегося количеством свинца, залитого в форму при отливке заготовки. Взвешивание показало, что на протяжении второй половины XIV — начала XVI вв. вес печатей в среднем уменьшился в 2,5-3 раза. Таким образом, хронологическим показателем является не диаметр, а вес моливдовулов, и с течением времени происходило не увеличение, а, напротив, уменьшение размера печати. Впрочем, уменьшение массивности свинцовых заготовок для печатей прослеживается и в сфрагистике других государств (Византия, Венеция, Ватикан), так что понижение веса печатей было в эпоху средневековья, очевидно, повсеместным явлением¹.

Изучение моливдовулов из псковского “архива” позволило установить одновременное существование в делопроизводстве до трех стандартов заготовок (малые, средние и большие),

¹ Пользуюсь случаем поблагодарить сотрудников Отдела нумизматики Эрмитажа (СПб) М. Б. Маршак и Е. В. Лепехину, оказавших автору содействие в проведении взвешивания моливдовулов, хранящихся в Эрмитаже.

сосуществование которых прослежено на протяжении более полувека — с середины XV по начало XVI вв. Наряду со стандартными заготовками использовались также заготовки индивидуальной отливки, особенно крупные и массивные. На таких заготовках оттиски матриц значительно отчетливее, а сами заготовки больше по размеру, чем диаметр матриц. Небольшие по размеру буллы, напротив, характеризуются небрежностью оттиска, а матрица зачастую значительно превышала размер заготовки и оттискивалась на ней не полностью. Это дает основание считать, что размер заготовки для моливдовула мог меняться в зависимости от важности документа. Почти полное отсутствие в сфрагистических материалах эпохи русского средневековья хрисовулов и сравнительно небольшое число известных аргировулов могло, таким образом, компенсироваться моливдовулами, оттиснутыми на заготовках индивидуальной отливки, отличающихся от норм своего времени по массивности в два-четыре раза. По-видимому, русские средневековые печати, имевшие особо крупные размеры по сравнению с одновременными им буллами, оттиснутыми на серийных заготовках, своим размером указывали на особое значение скрепленных этими печатями актов.

Судьба матриц актовой печати на Руси

В распоряжении исследователей имеется достаточно большое количество сохранившихся печатей-оттисков из металла, но практически совершенно отсутствуют матрицы, которыми эти печати оттискивались. В области сфрагистики воско-масличной печати-матрицы известны, хотя, главным образом, для XVII-XVIII вв. и более позднего времени. Оттиски печатей на воцаной мастике, сохранившиеся при документах, представлены более или менее серийно, но матрицы, которыми оттискивались именно эти печати, также не известны.

Отсутствие матриц в сохранившемся фонде средневековых сфрагистических памятников русского происхождения следует рассматривать в связи с давно обсуждаемой в научной литературе проблемой: хранились или же уничтожались на Руси матрицы печати после того, как владельцы печатей утрачивали право юрисдикции? Для эпохи средневековья решение проблемы затруднено отсутствием прямых свидетельств уничтожения печатей-матриц после смерти их владельца. Правда, при раскопках могильника Шестовицы близ Чернигова зафиксирован случай помещения печати-матрицы (рис. 11, 1) в могилу вместе

с другими предметами, сопровождавшими умершего в загробный мир. Однако единичность находки не позволяет делать вывод о широком распространении обычая.

С другой стороны известно, что в ноябре 1605 г. Лжедмитрий I скрепил грамоту прикладной печатью, воспользовавшись при этом матрицей аверса Большой Государственной печати Ивана IV [СГГД, т.2, 1819: 228, № 104](рис.76), так что матрицы печати, утратившей юрисдикцию еще в 1584 г., сохранялись в Москве на протяжении двух десятилетий. Случай этот, однако, единственный, а сам факт хранения матриц Большой Государственной печати Ивана Грозного можно расценить в контексте сохранения матриц государственных печатей России более позднего времени (от конца XVII до начала XX вв.) в качестве реликвий [Соболева 1976: 149, примеч.68].

В связи с поставленной проблемой интересным представляются случаи так называемого наследования матриц, то есть — повторного использования в делопроизводстве матриц от более древних печатей [Янин 1970, т.2: 69]. Напомню, что подвесная двусторонняя печать оттискивалась двумя матрицами. Если наследование матрицы буллотирия осуществлялось не сразу же при смене печати, а только с течением времени, то гипотеза о длительном хранении матриц печати, утратившей юрисдикцию, получает документальное подтверждение. Но если при обновлении матриц буллотирия старые матрицы подлежали уничтожению, то наследование новым буллотирием одной из матриц от старого буллотирия было возможно только в том случае, когда новая печать непосредственно сменяла старую. Следовательно, использование для новой печати одной из матриц от старой печати было равносильно уничтожению матриц старой печати, поскольку комплект матриц буллотирия оказывался разрозненным.

Изучение случаев наследования матриц опирается на разработанную в нумизматике методику изучения генеалогии монетных штемпельных пар, поэтому она получила наименование *генеалогия матриц печати*. Анализ всех доступных проверке случаев наследования матриц, зафиксированных памятниками древнерусской сфрагистики, показывает, что в паре матриц новой печати всегда использовалась матрица от непосредственно предшествующей печати. Ни одного случая наследования матрицы от печати, вышедшей из употребления задолго до введения в делопроизводство новой печати пока не зафиксировано (ср., напр.: [Янин 1970, т.2: 69]). Таким образом, можно полагать, что редкость находок матриц актовых печатей связана

с существовавшим на Руси в эпоху средневековья правилом уничтожать матрицы печати после утраты этой печатью юрисдикции. Полагаю, это было связано с желанием обеспечить невозможность фальсифицирования документов. И только с XVI (?) в. матрицы государственных печатей стали сохраняться в качестве реликвий.

Систематизация памятников сфрагистики

При безусловном прокламативном характере, печать является, прежде всего, скрепой письменного документа, так что основной функцией ее было свидетельствование достоверности информации, содержащейся в тексте документа. Следовательно, печать, гарантировавшая подлинность документа, должна была легко и однозначно читаться современниками: если булла скрепляла юридический документ, то по ней можно было определить полномочность держателя буллотирия утвердить данный документ; если же речь шла о переписке, то печать, прежде всего, подтверждала происхождение послания, и по ней, следовательно, можно было определить, действительно ли данное послание исходит именно от того лица, на которое содержится указание в тексте. Иными словами, изобразительные символы и их комбинации на печатях можно рассматривать как своего рода язык — знаковую систему, чтение которой не должно было составлять труда для посвященных лиц. За одними и теми же изобразительными символами на печатях должна была быть, таким образом, скрыта однородная информация, а сфрагистические регалии, оформленные путем комбинации одинаковых символов, не могли использоваться различными властными структурами — в противном случае терялась возможность однозначного “прочтения” комбинации символов, составляющих сфрагистический тип.

Ключ к выявлению скрытой в древнерусских печатях информации был найден Н.П.Лихачевым. Сопоставив изображения на печатях, при документах, со сведениями о владельцах печатей, содержащихся в тексте этих документов, исследователь установил, что изображенные на печатях святые тезоимениты лицам, утверждавшим документы. Таким образом, Н.П.Лихачев пришел к важнейшему заключению: изображение святого на печати в скрытой форме обозначает крестильное имя [Лихачев 1928: 50-54].

Следующим шагом в исследовании русских средневековых печатей является выявление скрытых за печатями институтов власти средневекового государства. Решение этой проблемы требует проведения предварительного источниковедческого исследования,

включающего классификацию и систематизацию печатей. Классификация предполагает выявление элементов, использованных при оформлении печати, установления иерархии этих символов и определение смыслового значения символов в “языке печати”. Задачей систематизации является выявление комбинаций известных элементов и проведение процедуры “чтения печати”. Только детальная классификация и аргументированная систематизация печатей дают возможность выявить правила оформления сфрагистического типа, дешифровать символику элементов, составляющих сфрагистический тип, и выявить скрытую за печатями систему отношений между институтами власти, сфрагистическими регалиями которых являлись печати.

Изобразительные символы на древнерусских печатях

Древнерусская сфрагистическая символика ограничена двенадцатью основными изобразительными символами:

1. Изображение Христа;
2. Изображение креста;
3. Изображение Богоматери;
4. Изображение композиции на тему церковного праздника;
5. Изображение святого;
6. Изображение парных святых;
7. Изображение “эмблемы”;
8. Изображение “правителя”;
9. Изображение “розетки”;
10. Буква кириллического алфавита;
11. Группа точек;
12. “Личина” (схематическое, весьма выразительное изображение человеческого лица).

Кроме того, одна или обе стороны печати могли быть заняты надписью — легендой. И если легенда на печати в прямой речевой форме передает информацию, заложенную в сфрагистический тип, то изобразительные элементы передают информацию в скрытой форме [Беленский 1994б; 1997а].

Изображение Христа. Изображение Христа является на памятниках древнерусской сфрагистики символом самого высокого ранга. В древнерусской сфрагистике изображение Христа помещалось на печатях князей XI–XIV в., носивших титул “великий”, встречено на печатях новгородских посадников и тысяцких XIV–XV вв., на вечевой печати Новгорода XIII в. и на печати новгородского архиепископа XV в. Очевидно,

что данный символ не принадлежал какой-то одной, однородной группе лиц, будь то князья, посадники или же иерархи церкви: единственной общей чертой, присущей властным полномочиям перечисленных лиц является суверенный характер власти. Иными словами, изображение Христа могло обозначать “власть от Бога”, которой обладал владелец печати (держатель буллотирия).

Изображение креста. Можно было бы думать, что изображение креста по своему значению адекватно изображению Христа. Однако этому противоречит факт использования данного изобразительного символа не только суверенами. Крест изображен на печати князя Тимофея-Довмонта (†1299), сохранившейся при документе. Печати с изображениями креста и Богоматери сохранились при грамотах Новгорода XIV-XV вв. и, судя по месту прикрепления к акту, скрепляли документы от имени новгородского архиепископа. Аналогично оформленная печать, скрепляла грамоту Пскова XIV в., составленную “от посадника Сидора... и от всех пльсковичь”. Изображение креста помещено на печати XV в. с легендой, указывающей на принадлежность буллы новгородскому архиепископу Евфимию. Еще на одной печати, датированной XIV в., изображение креста сопровождалось легендой “Печать владычня”. Кроме того, изображение креста характерно для печатей, принадлежавших различным группам новгородских чиновников XIV-XV вв., связанных с управлением в удаленных районах Новгородской земли (Ладога, Двина, Заонежье). Таким образом, изображение креста оказывается характерным для сфрагистических регалий лиц, располагавших принципиально различными полномочиями (князья, иерархи церкви, светские и владычные чиновники разного уровня). Вполне вероятным представляется, поэтому, что в древнерусской сфрагистике смысловое значение изображения креста было шире смыслового значения изображения Христа, соответствуя не только суверенной, но также автономной власти. Иными словами, изображение креста свидетельствовало о том, что держатель буллотирия обладал властными полномочиями, не требовавшими при принятии решений дополнительных консультаций с вышестоящими органами власти¹.

¹ Вряд ли удачной является гипотеза о смысловом значении креста на печати как “сфрагистического выражения обряда крестоцелования” [Мусин 1997: 84]: признав изображение креста в качестве символа крестоцелования, мы будем вынуждены автоматически исключить обязательный характер крестоцелования при вступлении в должность тех должностных лиц, на печатях которых символ креста отсутствует; такое предположение вступает в противоречие с существующими письменными источниками — Новгородской и Псковской Судными грамотами [Белецкий 1997б].

Изображение Богоматери на древнерусских печатях является признаком принадлежности владельца печати к числу лиц, связанных с церковью: на это указывают формулы легенд, размещенных на реверсе епископских и митрополичьих печатей Руси с XI и вплоть до XVII в. Очевидно, смысловым значением изображения Богоматери на древнерусских печатях являлось указание на то, что властные полномочия держателя буллотирия определялись его представительством от лица церкви¹.

Изображение композиции на тему церковного праздника может быть интерпретировано в качестве символа “святыни” — храма или монастыря соответствующего посвящения: именно так можно объяснить присутствие композиции Благовещение на печати Благовещенского монастыря в Новгороде. Изображение Ветхозаветной Троицы является характернейшей особенностью печатей псковских наместников новгородского архиепископа и московского митрополита и символизирует на этих печатях Троицкий собор — главную святыню Пскова, неоднократно названного в летописи “Дом Святой Троицы”.

Изображение святого, как это было установлено еще Н.П.Лихачевым, символизировало на древнерусских печатях крестильное имя лица, имеющего отношение к скрепленному печатью документу: именно изображение святых, тезоименитых владельцу, помещены на княжеских печатях XIII в., сохранившихся при документах. Однако изображение святого на печати могло также символизировать святыню — храм или монастырь: таковы, например, монастырские печати Новгорода, на которых изображение святого сопровождается легендой, содержащей формулу принадлежности печати святыне соответствующего посвящения.

Изображение парных святых. Изображение на одной из сторон печати двух святых одновременно не может быть истолковано в качестве символического обозначения крестильного имени одного конкретного лица, поскольку обозначить одно имя изображениями двух святых в принципе невозможно. В каких-то случаях изобразительный прием подобного рода мог, разумеется, быть использован при оформлении сфрагистической регалии, общей для двух владельцев (князя-дуумвиры?). Однако, обращает на себя внимание преобладание т.п. “парных святых” — свв. Борис и Глеб, Козьма и Дамиан, Петр и Павел и др. Единственным возможным истолкованием изобразительного символа — это передача сведений о храме или монастыре соответствующего посвящения (Борисоглебский, Козмодемьянский, Петропавловский и др.).

¹ О единственном исключении из этого правила речь пойдет в Главе 6.

Изображение “эмблемы” является одним из древнейших в русской сфрагистике: княжеские знаки были изображены уже на печатях X — начала XI вв. Однако затем наступил полутора-столетний перерыв, и вновь изображения княжеских знаков появились на древнерусских печатях только в XII-XIII вв. В середине XIII в. княжеские знаки исчезают из обихода, но зато с этого времени на русских печатях появляются эмблемы индивидуальных типов — хищники, всадники, воины, птицы, фантастические животные и проч.; подобные изображения используются вплоть до XVI-XVII вв. Очевидно, что печати с изображениями эмблем принадлежали лицам, обладавшим полномочиями в пределах той территории и/или той области права, на которые распространялась власть владельца эмблемы. Иными словами, изображения эмблем можно рассматривать в качестве символа территориально и юридически ограниченного правового пространства¹.

Изображение “правителя” — изобразительный символ, крайне редко встречающийся в памятниках русской сфрагистики. Несмотря на условность и схематичность изображений можно считать, что на печатях они были призваны символизировать персону владельца печати.

Изображения “розетки”. Это наименее представительный изобразительный символ: все известные в настоящее время печати с такими изображениями принадлежали одному и тому же владельцу — князю Изяславу Ярославичу (†1078) [Янин 1970, т. 1: 35]. Считать розетку орнаментальной не приходится, поскольку изображение, помещенное на актовой печати, в принципе не могло быть случайным. Решение проблемы кроется, на мой взгляд, в костяном кружке из раскопок Саркела — Белой Вежи: кружок представлял собой печать-матрицу, на одной стороне которой было помещено изображение княжеского двузубца, а на другой — изображение розетки (рис. 12). Помещение на печати, принадлежавшей представителю великого киевского князя, одновременно двух матриц, одна из которых предназначалась для оттиска княжеского двузубца, а другая — для оттиска розетки, свидетельствует о том, что розетка в X в. входила в число символов княжеской власти на Руси. Таким образом, изображение розетки для древнерусской сфрагистики оказывается традиционным. Велик соблазн предположить, что это изображение, расцениваемое исследователями в качестве солярного символа [Гордиенко 1989: 235-239], в дохристианский период истории Руси обозначало суверенный

¹ Разумеется, сказанное не имеет отношения к изображениям на позанных печатях, отгиснутых поддсангичными геммами (подробнее см.: Главы 4 и 7).

характер властных полномочий владельца печати. В таком случае, изображение розетки следует признать синонимичным изображению Христа и стадияльно предшествующим ему.

Буква кириллического алфавита. Группа точек. “Личина”. Три последних изобразительных символа — буква кириллического алфавита, группа точек и “личина” — зафиксированы почти исключительно на пломбах. Значение этих символов пока не получило объяснения.

Изложенные наблюдения для удобства сведены в таблицу 1.

Таблица 1
ЗНАЧЕНИЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ СИМВОЛОВ
НА ДРЕВНЕРУССКИХ ПЕЧАТЯХ

Символ	Хронология	Значение
1. Изображение Христа	XI-XV вв.	Суверенная власть
2. Изображение креста	XI-XV вв.	Автономная власть
3. Изображение Богоматери	XI-XVI вв.	Церковь
4. Изображение композиции	XII-XVI вв.	Святыня
5. Изображение святого	XI-XVI вв.	Крестильное имя или святыня
6. Изображение “парных” святых	XII-XV вв.	Святыня
7. Изображение эмблемы	X-XVI вв.	Полномочия в пределах территориально и юридически ограниченного правового пространства
8. Изображение “правителя”	XI в.	Правитель
9. Изображение розетки	X-XI в.	Верховная власть
10. Буква кириллического алфавита	XII-XIII вв.	Не установлено
11. Группа точек	XII-XIII вв.	Не установлено
12. “Личина”	XII-XIII вв.	Не установлено

Отметим, что большинство изобразительных символов — шесть из девяти (а с учетом хронологического разрыва в употреблении “эмблемы” — семь из девяти) — появляется на русских печатях в XI-XII в., а более половины из них доживает до XV-XVI вв. Большинство символов получает однозначное объяснение. Исключение, казалось бы, составляют изображения святых, которые могут символизировать на печати не только крестильное имя

человека, но так же святыню — храм или монастырь соответствующего посвящения. Однако, оба варианта прочтения по своему информативному значению однородны: и имя лица, и наименование святыни являются, в конечном счете, именем собственным объекта, скрытого за изобразительным символом.

Систематизация печатей и пломб. Сфрагистические разряды

Главной функцией печатей и пломб было свидетельство о правомочности совершенного юридического действия. Поэтому и печати, и пломбы должны были нести одновременно и юридическую (сведения о полномочиях, которыми обладал владелец) и персонифицирующую (сведения о личности держателя буллотирия) информацию. Сопоставляя разновременные памятники сфрагистики между собой необходимо сравнивать сравнимое: лицевые стороны должны сопоставляться с лицевыми сторонами, а оборотные — с оборотными. Несоблюдение этого правила чревато ошибками уже на стадии предварительной группировки булл, когда закладывается фундамент для выявления исторической информативности сфрагистических памятников.

За лицевую сторону буллы (*аверс*) следует принимать ту ее сторону, на которой помещены символы властных полномочий держателя буллотирия, а за оборотную сторону (*реверс*) — ту сторону, на которой помещены сведения о держателе буллотирия, необходимые для персонификации буллы, либо иная информация, дополняющая информацию юридическую. Из одиннадцати изобразительных элементов только четыре — изображения Христа, креста, Богоматери и “розетки” — не могли нести персонифицирующей информации, так что эти изображения, по преимуществу, помещались на аверсе печати (исключения из этого правила требуют в каждом конкретном случае специального комментария). Остальные элементы в разных сочетаниях оказываются либо носителями юридической информации, либо — информации дополнительной (персонифицирующей и проч.). Сочетания изобразительных элементов, использованных при оформлении печатей и пломб, позволяют сгруппировать известные памятники древнерусской сфрагистики в 40 разрядов, объединенных в 11 классов (табл.2).

Таблица 2
СФРАГИСТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ И РАЗРЯДЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Класс/разряд	Печати	Пломбы
I/1. Христос — Богоматерь	+	
I/2. Христос — святой	+	
I/3. Христос — “эмблема”	+	
I/4. Христос — 2 святых	+	
I/5. Христос — легенда	+	
I/6. Христос — “правитель”	+	
II/1. Крест — Богоматерь	+	
II/2. Крест — святой	+	+
II/3. Крест — “композиция”	+	
II/4. Крест — 2 святых	+	
II/5. Крест — легенда	+	
II/6. Крест — крест		+
II/7. Крест — эмблема		+
II/8. Крест — буква		+
II/9. Крест — группа точек		+
II/10. Крест — личина		+
III/1. Богоматерь — святой	+	
III/2. Богоматерь — 2 святых	+	
III/3. Богоматерь — легенда	+	
IV/1. “Эмблема” — “эмблема”	+	+
IV/2. “Эмблема” — святой	+	+
IV/3. “Эмблема” — легенда	+	+
IV/4. “Эмблема” — буква		+
IV/5. Эмблема — группа точек		+
IV/6. Эмблема — “личина”		+
V/1. “Композиция” — святой	+	
V/2. “Композиция” — легенда	+	
VI/1. Святой — святой	+	+
VI/2. Святой — легенда	+	
VI/3. Святой — буква	+	+
VII/1. 2 святых — святой	+	
VII/2. 2 святых — 2 святых	+	
VII/3. 2 святых — легенда	+	
VIII/1. “Правитель” — святой	+	
VIII/2. “Правитель” — легенда	+	
IX/1. “Розетка” — святой	+	
IX/2. “Розетка” — “правитель”	+	
X/1. Легенда — легенда	+	
XI/1. Буква — личина		+

Каждый из выявленных разрядов объединяет сходно оформленные сфрагистические типы, так что печати и пломбы одного и того же разряда должны были восприниматься как одинаковые по правовому статусу. Исключение составляют разряды I/5, II/5, III/3, IV/3, V/2, VI/2, VII/3 и VIII/2 — общим для них является наличие изобразительного символа на одной из сторон, в то время как другую сторону занимает текст (легенда). Легенды представлены также на некоторых буллах, несущих изобразительные символы на обеих сторонах, а разряд X/1 составляют печати эпиграфического типа, изобразительные символы на которых отсутствуют.

Систематизация односторонних печатей (как прикладных, так и подвешных) представляет известную трудность, поскольку информация и о владельце печати (институте власти), и о его правовом статусе концентрировалась на ограниченном пространстве одностороннего оттиска. Заметим, однако, что изобразительные символы, известные по оттискам односторонних печатей (изображения Христа, креста, Богородицы, святого, эмблемы, композиции, правителя, а также тексты легенд), соответствуют изобразительным символам двусторонних печатей. Исключением являются многочисленные оттиски перстневых печаток, в оправу которых были заключены позднеантичные геммы. Очевиден случайный характер изображений на таких печатках, так что эти изображения уверенной систематизации не поддаются. И, в любом случае, каждая из подобных печаток нуждается в самостоятельном комментарии.

Легенды

Основное назначение легенды — необходимость в речевой форме передать информацию о принадлежности регалии и/или полномочиях держателя буллотирия. Несмотря на значительное разнообразие легенд на древнерусских печатях, подавляющее большинство их представляет собой стереотипные формулы благопожелания, указания или принадлежности.

Формулы благопожелания. Легенды, содержащие эту формулу, могли быть написаны по-гречески и по-русски. Тексты стандартны: “Господи, помози рабу своему...”, “Спаси, Господи, раба своего...”, “Воззри на меня...” и различаются только именами, включенными в легенду, а также наличием или отсутствием указания на статус владельца печати (титулы князей, церковных иерархов и высокопоставленных чиновников).

Формулы указания содержат имя либо имя и титул владельца печати; известны печати, легенда на которых содержит указание на святыню или властную структуру.

Формулы принадлежности — наиболее разнообразны. Они обычно включают слово “печать” и содержат имя, имя и титул или же только титул владельца печати. Среди владельцев печатей известны князья и великие князья, великокняжеские тиуны, митрополиты, архиепископы, епископы и игумены, новгородские посадники и тысяцкие, сотский, новгородские тиуны и старосты, владычные и региональные наместники и др. Известны также печати с формулой принадлежности городу, городскому концу, “святыне”. Отметим наличие на ряде печатей формулы двойной принадлежности. В некоторых легендах слово “печать” отсутствует.

Легенды индивидуальных типов. Наряду со стереотипными, на средневековых русских печатях встречаются иногда легенды индивидуальных типов: круговая надпись “Все сѧ минеть” на аверсе печати в.кн.Дмитрия Ивановича (Донского); надпись “Дьнѣслово” на реверсе большой группе домонгольских печатей; легенда, содержащая информацию летописного характера (“Печать псковская тогда и Перси свьръшішь камены”); легенды, содержащие даты на псковских печатях XV в. и др. Каждая из легенд индивидуального типа требует особого комментария.

Дешифровка сфрагистического типа: “чтение” печати

При наличии на печати легенды персонификация и атрибуция буллы во многих случаях (хотя далеко не всегда) упрощаются. Но для печатей, лишенных легенды, дешифровка информации, заложенной в сфрагистический тип, представляет существенную трудность. Для того, чтобы установить, кому именно могла принадлежать печать, утратившая связь с документом, следует установить, какой из изобразительных элементов, составляющих сфрагистический тип, является символом властных полномочий держателя буллотирия, а какой — указывает на личность держателя буллотирия. Иными словами, требуется определить порядок и процедуру *чтения печати*. Но предварительно надо определить место печати среди известного сфрагистического материала, установить хронологию использования печати в делопроизводстве, выявить географию распространения печатей данного типа и разряда. И только после этого возможно прочтение печати, то есть — *выявление возможных вариантов истолкования сочетания элементов, использованных при оформлении сфрагистического типа и выбор среди этих вариантов наиболее вероятного.*

ГЛАВА 2 НАЧАЛО РУССКОЙ СФРАГИСТИКИ (X — НАЧАЛО XI В.)

Начало русской сфрагистики восходит к первым страницам истории Российской государственности. В “Повести временных лет” под 944 г. помещен текст договора Руси с греками, и в этом договоре особо оговаривается обязательное предъявление русскими послами и купцами, прибывающими в Константинополь, письменных документов, подтверждающих официальный характер миссии: “Раньше носили послы золотые печати, а купцы серебряные, ныне же ваш князь повелел посылать грамоты к нам, царям..., чтобы из этих грамот мы узнали, что пришли они с мирными целями” [ПВЛ: 232]. А в тексте договора Руси с греками, заключенном в 971 г., специально подчеркивается: “Не сомневайтесь в правде того, что мы обещали вам ныне и написали в харатье этой, и скрепили своими печатями” [ПВЛ: 250]. Таким образом, процедура составления письменного документа, утвержденного печатью, вводится на Руси в самом конце правления в.кн. Игоря Рюриковича (+945) и безусловно существует в период правления его сына, Святослава Игоревича (+972).

Сведения летописи о появлении на Руси в середине — третьей четверти X в. института письменного документа, утвержденного печатью, подтверждаются подлинными сфрагистическими материалами. В 1912 г. при археологических раскопках ц. Богородицы (Десятинной) в Киеве была найдена свинцовая печать, на обеих сторонах которой помещены изображения княжеского знака в форме простого двузубца, окруженного фрагментарно сохранившейся надписью “(Σφενδο)σθλα(βοζ)” (рис. 13, 2)¹. Печать, несомненно принадлежавшая Святославу Игоревичу [Янин 1970, т.1: 38-41; Молчанов 1988: 50-52], подтверждает летописные сведения о том, что в середине X в. на Руси уже существовало делопроизводство, организованное по византийскому образцу: документ писался на харатье (пергамене) и скреплялся подвесной металлической печатью.

При общем сходстве делопроизводства Руси X в. с одновременным делопроизводством Византии, печати оформлялись по-разному: в то время как для византийских печатей X в. характерными являются изображения христианских символов (Христос,

¹ Чтение “...стла...” (= “...σθλα...”) предложил Н.П.Лихачев, отказавшийся, однако, от персонификации буллы [ЛСА: 506, табл. LIII, 14].

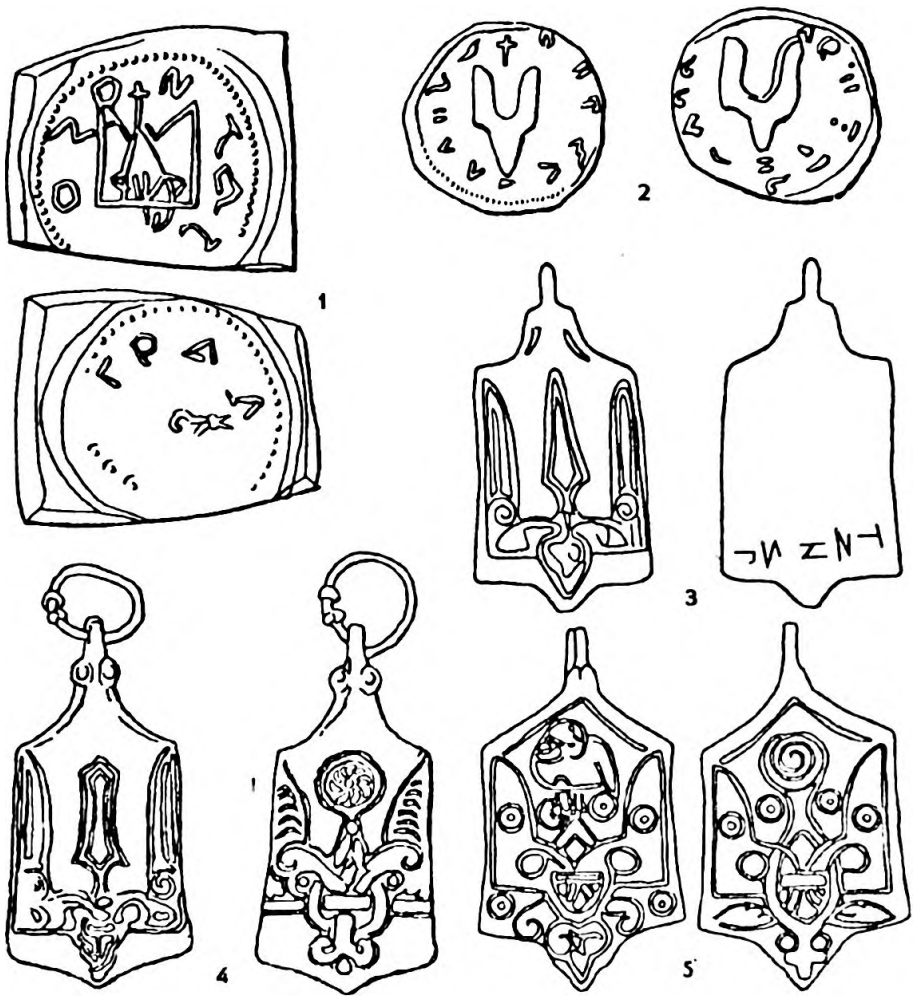

Рис.13

Древнейшие русские печати и "геральдические подвески". X-XI вв.

3-5 — уменьшены

(по В.Л.Янину, С.В.Белепкому)

крест, Богоматерь, святые), на печати Святослава помещены изображения двузубца — родового символа Рюриковичей. Этот принцип оформления печати находит аналогию в так называемых *геральдических подвесках* — небольших предметах трапециевидной формы, изготовленных из серебра, меди или

кости и несущих на одной или на обеих сторонах изображения княжеских знаков (рис.13,3-5)[Белецкий 2000: 65-84]. Подвески представляют собой верительные знаки княжеских чиновников; в том числе, серебряные подвески являются, вероятнее всего, купеческими “серебряными печатями”, упомянутыми в договоре 944 г. А.А.Молчанов [1976; 1986; 1997] предположил, что использование геральдических подвесок на Руси восходит к скандинавской традиции употребления в дипломатических отношениях особых верительных знаков (*jarategnir*), и это весьма вероятно.

Отмеченный для печати Святослава принцип оформления княжеской сфрагистической регалии сохранялся на Руси и при преемниках Святослава. Об этом свидетельствует уникальная булла, найденная при археологических раскопках в Новгороде (рис.13,1): на одной стороне ее помещено изображение княжеского трезубца, окруженного надписью “Изаслаосо”; на другой стороне изображение, как будто бы, отсутствовало, и имелась только круговая (к сожалению, нечитаемая) надпись. Печать принадлежала сыну в.кн.Владимира Святославича Изяславу (+1001) [Янин 1970, т.1: 41]. Правда, эта печать оттиснута не на обычной заготовке, а на массивном свинцовом бруске со шелевидным каналом, через который был пропущен кожаный ремешок; возможно, эта уникальная печать являлась *sigillum citationis* (печатью вызова в суд, “позовницей”, см.: [Каштанов 1988: 164-165]) или же своеобразно оформленной геральдической подвеской. Однако при изготовлении печати Изяслава использовался обычный буллотирый, употреблявшийся и для скрепления документов.

От периода правления Владимира Святого подвесные металлические печати-оттиски, скреплявшие документы, пока не известны. Однако до нас дошла печать-матрица для оттискивания по воско-мастичной основе, найденная при археологических раскопках погребения мальчика-подростка в кургане конца X в. в могильнике Шестовицы близ Чернигова [Блифельд 1977: 150-155]. Захоронение было совершено по дружинному обряду, что указывает на высокий социальный статус погребенного. На щитке печати вырезано погрудное изображение Христа (рис.11,1). На Руси в эпоху правления Владимира Святого, безусловно, знали, что изобразительным символом императорской власти в Византии являлось изображение Христа, помещавшееся на императорских печатях и на монетах. Именно изображение Христа было помещено на древнейших русских монетах — златниках и сребренниках Владимира, оформленных

по образцу византийских солидов и милиарисиев. Очевидно, что изображение Христа уже в конце X в. должно было восприниматься на Руси как символ “власти от Бога”.

Таким образом, традиция письменного делопроизводства, пришла на Русь в X в. и из Византии, однако древнерусская сфрагистика уже на начальном этапе своего существования не была полностью скопирована со сфрагистики византийской: тип древнерусской княжеской печати сформировался на основе слияния элементов византийского сфрагистического типа с традиционным для “империи Рюриковичей” типом печати-подвески — верительного знака удостоверившего полномочия княжеских представителей и предназначенного для ношения и предъявления.

ГЛАВА 3

СФРАГИСТИКА ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ (XI — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIII В.)

Домонгольский период в истории русского делопроизводства является важнейшим — в XI-XII вв. появляется большинство древнерусских сфрагистических разрядов. Именно поэтому принадлежность печати к тому или иному разряду, как правило, не является хронологическим признаком: время употребления сфрагистических регалий в делопроизводстве определяется, прежде всего, стилистическими признаками.

Среди домонгольских печатей древней Руси выделяются три стилистически компактные группы — *печати греко-русского типа, печати с кириллической легендой, печати с формулой "Дыѣслово"*. Кроме того, в домонгольское время существуют также сфрагистические разряды, остающихся за пределами перечисленных групп.

Печати греко-русского типа

Печати греко-русского типа — это буллы, на аверсе у которых помещены изображения Богоматери или святого, а на реверсе размещены написанные по-гречески легенды. Преобладают формулы благопожелания, однако имеются также формулы указания и формулы принадлежности. Подобный тип печати был широко распространен в Византии.

Светские печати

Дошедшие до нас греко-русские светские печати относятся к разряду VI/2. Известны печати князей и княгинь, а также редчайшие буллы высокопоставленных светских чиновников. В легенду на княжеской печати, кроме имени владельца могло быть включено указание на статус держателя буллотирия, таковы, например печать Владимира-Василия Мономаха (†1125) с легендой "Печать Василия, благороднейшего архонта России, Мономаха" (рис. 14, 3); печать князя Давида Игоревича (†1112) с легендой "Господи, помози Давиду, архонту России" (рис. 14, 2) и печать князя Мстислава-Андрея Всеволодича (†1113) с легендой "Мстислав, великий архонт России" (рис. 14, 4). Однако чаще формула легенды содержала только имя владельца печати. Это могло быть двойное имя (крестильное и мирское), как на печати князя Вячеслава-Меркурия Ярославича (†1057) с легендой

Рис.14
Греко-русские княжеские печати XI – начала XII вв. (уменьшены)
(по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

“Господи, помози рабу своему Меркурию-Вентеславу” (рис.14, 1), но чаще — только имя крестильное: печати с легендами “Господи, помози рабу своему Василию” (рис.14, 5), “Господи, помози рабу своему Михаилу” (рис.14, 6) и др. Не исключено, что печати, содержащие в легенде только имя владельца, могли использоваться лицами, располагавшими также и печатями с указанием статуса владельца: на такую возможность

указывает серия булл, принадлежавших князю Всеволоду-Андрею Ярославичу (†1093) — наряду с печатями, в легенде на которых (“Господи, помози рабу своему Андрею-Свладу”) отсутствовало указание на статус владельца (рис.14, 8), известна также печать, легенда которой именует Всеволода “архонтом Всея Руси” (рис.14, 9).

Особенностью княжеских печатей является помещение на аверсе святого, тезоименитого владельцу печати — изображения св.Василия на печати Владимира Мономаха, св.Давида на печати Давида Игоревича и т.д. Исключение составляет печать (рис.14, 10) с легендой “Печать Марии монахини, благородной архонтиссы”: на аверсе этой печати помещено изображение апостола Андрея Первозванного, символизирующее Андреевский монастырь в Киеве, а сама печать атрибутируется дочери князя Всеволода Ярославича княжне Янке, во иночестве Марии (†1113), выступавшей представителем своего монастыря [Белецкий 1998: 115-119].

Особняком среди других светских печатей греко-русского типа находится печать, на аверсе у которой помещено погрудное изображение святой в короне, а на реверсе размещена надпись в три строки “η αμα Χριστινα”, “святая Христина” (рис.14, 7). Если буквально читать формулу легенды, то владельцем печати являлась “св.Христина”, то есть — лицо, выступавшее представителем святыни соответствующего посвящения. Однако ни храмы, ни монастыри во имя св.Христины на Руси не известны. Возможно, прав Н.П.Лихачев [1928: 166], предположивший, что печать могла принадлежать жене кн.Мстислава Владимировича Христине (†1122), причем печать эта была не официальной, а личной печатью княгини, поскольку формула легенды “только намекает, что владетельница печати именовалась Христиной”¹.

Греко-русские печати должностных лиц, оформлены аналогично княжеским печатям: на аверсе также помещены

¹ Известны две христианские святые мученицы, носившие имя Христина, и обе они не были царицами, так что на аверсе буллы могло быть помещено изображение самой княгини; в этом случае печать следует относить к разряду VIII/2. Развивая гипотезу Н.П.Лихачева, В.Л.Янин не исключал теоретическую возможность того, что “на печати Христины изображена сама княгиня”, хотя здесь же добавил: “И, тем не менее, по-видимому, следуют отказаться от такого истолкования сюжета. В росписи Спасо-Нередицкой церкви св.Христина изображена именно в короне”. Исследователь полагал, что “в Новгороде использовался лицевой подлинник с ошибочно указанными атрибутами, который и лег в основу обоих дошедших до нас ... изображений” [Янин 1970, т.1: 33].

Рис.15

Греко-римские печати должностных лиц XI – начала XII вв. (уменьшены)
(по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

изображения святых, а на реверсе размещена греческая легенда. Тем не менее, между печатями суверенов и их уполномоченных лиц имеется важное отличие: в то время как на печатях князей помещены святые, тезоименитые владельцу буллы, на печатях чиновников изображены святые, тезоименитые не самому владельцу печати, а его сюзерену. Таковы печать с изображением на аверсе архангела Михаила и легендой “Господи, помози рабу своему Евстафию” (рис.15,2), а также печать с изображением на аверсе архангела Михаила и легендой “Господи, помози рабу своему Андрею” (рис.15,1): в первом случае Евстафий являлся представителем своего сюзерена, носившего в крещении имя Михаил. Во втором случае Андрей выступал от имени сюзерена, также носившего крестильное имя Михаил. Наиболее известными среди печатей должностных лиц являются буллы с изображением на аверсе св.Федора и греческой легендой “Возри на меня, протопроедра Евстафия”. К настоящему времени зафиксирована 36 печатей протопроедра Евстафия, оттиснутые двумя парами матриц (рис.15,3,4). География распространения находок необычайно широка: печати протопроедра найдены в Киеве, Белгороде, Витичеве, Новгороде, Белоозере, Ладоге Пскове, Волковийске. При этом большинство булл (22 экз.) скрепляли документы, осевшие “на вечное хранение” в новгородском городищенском архиве. Это указывает на активную

роль Евстафия в политической жизни Руси и свидетельствует о широчайших полномочиях протопроедра в пределах всего Киевского государства: подобными полномочиями мог быть наделен глава боярского совета (“первопредседательствующий”) при князе, носившем крестильное имя Федор. Во второй половине XI — начале XII вв. единственным русским князем, носившим это крестильное имя, был старший сын Владимира Мономаха Мстислав-Федор Владимирович (†1132) — его и следует признать сюзереном протопроедра Евстафия¹.

Чрезвычайные полномочия, которыми обладал Евстафий, объясняются особенностями биографии Мстислава Владимировича (будущего великого киевского князя): в 1088 г. 12-летний княжич был посажен на новгородский княжеский стол, причем его положение не было прочным — через пять с небольшим лет, в начале 1094 г., Мстислав был, по распоряжению великого киевского князя Святополка Изяславича, заменен на новгородском княжении двоюродным дядей, Давидом Святославичем, и возвратил новгородский стол только в 1096 г. В подобной ситуации существование в 1088-1094 гг. при юном новгородском князе боярского совета, главой которого был протопроедр Евстафий, представляется весьма вероятным. А.В.Куза [1977] предполагал, что Евстафий, представлявший интересы Михаила, и протопроедр Евстафий — это одно и то же лицо; эта гипотеза представляется весьма правдоподобной.

Печати иерархов церкви

Иерархи русской православной церкви пользовались греко-русскими печатями, относящимися к разрядам III/3 и VI/2, только одна булла относится к разряду X/1. Существенной особенностью печатей, принадлежавших представителям церкви, является обязательное включение в формулу легенды сведений о статусе владельца печати. От XI — XIII в. до нас дошла представительная серия печатей киевских митрополитов (рис. 16, табл. 3). В большинстве случаев легенда на реверсе печатей содержит формулу благопожелания, а на аверсах помещено

¹ В литературе широко распространена гипотеза, согласно которой протопроедр Евстафий — это новгородский посадник Завид или Миронег, крестильное имя которых нам неизвестно [Янин 1962: 60-62; 1970, т.1: 64-67; Молчанов 1987: 26-27]. Однако единственным основанием для этой гипотезы служит предположение, согласно которому новгородские посадники уже в конце XI в. должны были иметь печать. Никаких сфрагистических оснований для этого предположения нет.

изображение Богоматери. Исключениями являются печать эпиграфического типа (рис.16,9), принадлежавшая митрополиту Никифору II (1182-1198), а также печати, принадлежавшие митрополитам Георгию (1068-1073), Феопемпту (1037-1043) и Ефрему (1054-1068).

Таблица 3
Греко-русские печати киевских митрополитов
XI-XIII вв.

Митрополит	Аверс	Реверс
Феопемпт (1037-1043)	Св.Иоанн Предтеча	Господи, помози Феопемпту, митрополиту России
Ефрем (1054-1068)	Архангел	Господи, помози Ефрему, протопроедру и митрополиту России
Иоанн II (1077-1089)	Богоматерь	Богородица, помози рабу своему Иоанну, митрополиту России
Иоанн III (1090-1091)	Богоматерь	Иоанн, протосинкелл и митрополит России
Георгий (1068-1073)	Св.Георгий	Господи, помози Георгию, митрополиту Росси и Синкеллу
Николай (1096-1104)	Богоматерь	Печать проедра России Николая
Никифор I (1104-1121)	Богоматерь	Пресвятая, воззри на меня, Никифора России
Иоанн IV (до 1037 г.)	Богоматерь	Богородица, помози Иоанну, митрополиту России
Никита (1121-1126)	Богоматерь	Печать Никиты, епископа России
Михаил (1131-1147)	Богоматерь	Печать Михаила, архипистыря России
Константин I (1156-1159)	Богоматерь	Печать проедра России Константина
Константин II (1167-1174)	Богоматерь	Константин, Божией милостью митрополит всея России
Никифор II (1182-1198)	Богоматерь	Христос, воззри на меня, твоим промыслом архипастыря России
Кирилл I (1225-1233)	Богоматерь	Кирилл монах, Божией милостью архиепископ митрополии России

На аверсе у печати митрополита Георгия помещено изображение тезоименитого владыке святого (рис.16,3), аверсы у печатей митрополитов Феопемпта (рис.16,1) и Ефрема (рис.16,2), заняты изображениями святых, тезоименитых

Рис.16

Греко-русские печати киевских митрополитов XI-XIII вв. (уменьшены)
 1 – Феонемит; 2 – Ефрем; 3 – Георгий; 4 – Иоанн II; 5 – Михаил; 6 –
 Никита; 7 – Иоанн III; 8 – Кирилл I; 9 – Никифор II; 10,12 – Иоанн IV;
 11 – Константин II
 (по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

владельцам печатей. Помещение на печати митрополита Ефрема изображения архангела (арх. Михаил?) объясняется тем, что киевский владыка выступал в своей деятельности представителем патриарха Михаила Кирулария (1043-1058), рукополагавшего Ефрема в сан, так что печать по своему оформлению соответствует печатям светских должностных лиц: аверс — изображение святого, тезоименитого сюзерену владельца печати; реверс — легенда, содержащая имя и титул владельца печати.

Это же объяснение можно было бы адресовать и печати митрополита Феопемпта, поскольку на ней изображен св. Иоанн Предтеча, изображение которого помещено также на печати патриарха Алексея Студита (1025-1043), рукополагавшего киевского святителя в сан. Однако сравнительно недавно диакон А.Е. Мусин связал изображение св. Иоанна Предтечи на печатях Феопемпта и Алексея Студита с вероятной принадлежностью обоих иерархов к Студийскому братству, поскольку Студийский монастырь находился под патронатом св. Иоанна Предтечи [Мусин 2000: 43]; эта гипотеза представляется весьма правдоподобной.

Кроме печатей киевских митрополитов до нас дошла серия греко-русских печатей, принадлежавших владыкам, которые занимали святительские кафедры в Новгороде, Смоленске, Полоцке, Галиче, Ростове и Тмутаракани (рис. 17, табл. 4).

По своему оформлению епископские печати повторяют сфрагистические типы киевских митрополитов: аверс в подавляющем большинстве случаев занят изображением Богоматери, а на реверсе, как правило, помещена благопожелательная формула с указанием имени и статуса владельца печати. Имеются, впрочем, и исключения: на реверсе печати смоленского епископа Мануила (1137-1167?) вместо благопожелательной формулы помещена формула указания (рис. 17, 3), а на реверсе печати полоцкого епископа Дионисия (+1183) — формула принадлежности (рис. 17, 12); на аверсе печати архиепископа Митрофана (рис. 17, 7) помещено изображение святителя в крещатых ризах, а в легенде отсутствует указание на местоположение святительской кафедры.

Отметим также, что в легендах на большинстве греко-русских печатей, принадлежавших новгородским епископам, отсутствует имя владыки (рис. 17, 1, 2, 5, 8). Размещение на аверсах большинства булл изображения св. Иоанна (Богослова?) позволило предположить, что эти печати могли принадлежать епископу Ивану Попьяну [Янин 1978: 47-56; Янин, Гайдуков 1978а: 28, 29; Янин, Гайдуков 2000: 287].

Таблица 4
Греко-русские печати епископов XII-XIII вв.

Епископ	Аверс	Реверс
Новгород		
Анонимные	Св.Иоанн Богослов	Пресвятая, воззри на меня, пастыря новгородского
Анонимная	Богоматерь	Пресвятая, воззри на меня, пастыря новгородского
Нифонт (1131-1153)	Богоматерь	Пресвятая, воззри на меня, Нифонта новгородского
Смоленск		
Мануил (1137-1167?)	Богоматерь	Мануил, епископ смоленский
Полоцк		
Дионисий (+1183)	Богоматерь	Печать Дионисия, епископа полоцкого
Галич		
Косьма (1157-1165?)	Богоматерь	Матерь Божия, воззри на меня, Косьму галицкого
Ростов		
Леонтий	Богоматерь	Господи, помози Леонтию, архиепископу ростовскому
Тмутаракань		
Григорий	Богоматерь	Господи, помози Григорию тмутараканскому
?		
Митрофан	Святитель	Воззри на меня, архиепископа Митрофана

Действительно, если считать изображенного на аверсе святого тезоименитым владыке, то владельцем печатей можно было бы считать епископа Ивана Попьяна (1110-1130). Но тогда оказывается, что принцип оформления печати новгородского епископа в первой трети XII в. повторяет принцип оформления печатей киевского митрополита Георгия, занимавшего святительскую кафедру за четыре с лишним десятилетия до рукоположения новгородского владыки. Другое объяснение особенностей оформления печатей "пастыря новгородского" заключается в анонимной формуле легенды: предполагая, что эти печати по своему оформлению были ориентированы на печати митрополита Ефрема, следует признать, что изображенный на аверсе святой передавал в скрытой форме не имя владельца печати, а имя

Рис.17

Грeco-русские печати епископов XII-XIII вв. (уменьшены)
 1,2,5,8 – Новгород, анонимные; 3 – Мануил, Смоленск; 4,10 – Нифонт, Новгород; 6 – Козьма, Галич; 7 – Митрофан, без указания кафедры; 9 – Леонтий, Ростов; 11 – Григорий, Тмутаракань; 12 – Дионисий, Полоцк (по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

современного ему киевского митрополита. Вэтом случае печати с изображением св. Иоанна могли принадлежать, например, епископу Герману (1078-1096), находившемуся на новгородской Софийской кафедре в период киевского святительства митрополита Иоанна II. Анонимная булла с изображением на аверсе Богоматери (рис. 17, 8), в отношении принадлежности которой

исследователи не пришли к единому мнению (ср. [Янин 1970, т.1: 54-55; Янин, Гайдуков 1998а: 29], занимает промежуточное положение между печатями с изображением св. Иоанна и печатями епископа Нифонта (рис. 17, 4, 10), так что она могла принадлежать как епископу Никите (1096-1107), так и сменившему его на Софийской кафедре епископу Ивану Попьяну.

Печати с кириллической легендой

Печати с кириллической легендой приходят на смену печатям греко-русского типа как в светской, так и в церковной сфрагистике. Однако происходит это в разное время: в светской сфрагистике — на рубеже XI-XII вв., а в сфрагистике церковной — в XII и даже в XIII в.

Светские печати

Известны печати князей, княгинь и высокопоставленных светских чиновников. Большинство печатей относится к разряду VI/2. В легенду на реверсе княжеских печатей могло включаться указание на статус держателя буллотирия, как это зафиксировано на печати Владимира-Василия Мономаха (рис.18, 1) — “Г(оспод)и, помози рабу своѣму Василь(ю), князю русьского”. Но чаще формула легенды содержит указание только на крестильное имя владельца печати: “Г(оспод)и, помози рабу своѣму Василью”, “Г(оспод)и, помози рабу своѣму Феѡдору, ам(инь)” и др. (рис.18, 2, 4-7). Исключение составляет печать, с легендой “Г(оспод)и, по(м)ози рабѣ своеи Мари(и)” на реверсе: на аверсе буллы помещено поясное изображение женщины в царских регалиях, сопровождавшееся надписью “Мари(⬢)” (рис.18, 3), так что булла должна быть отнесена к разряду VIII/2.

Список имен, содержащихся в текстах легенд, достаточно представительен: Борис, Василий, Давид, Даниил, Дмитрий, Иаков, Иоанн, Кирилл, Константин, Мария, Михаил, Павел, Петр, Феодор. Возможно, печати с изображением св.Василия Кесарийского и именем Василий в легенде принадлежали Владимиру Мономаху, а печати с изображением св.Федора и именем Федор в легенде — старшему сыну Мономаха, Мстиславу-Федору Владимировичу (+1132). Однако большинство русских князей конца XI — первой трети XII в. известны нам только по их мирским именам, так что персонификация булл затруднена. Очевидно только, что наиболее ранними княжескими печатями с русской

благопожелательной надписью пока являются печати Владимира Мономаха¹.

Печати должностных лиц с кириллическими легендами на реверсе, как и печати должностных лиц с легендами греческими, крайне редки и также принадлежат к разряду VI/2. На аверсе печати князя Аведа-Дмитрия псковского наместника новгородского князя Всеволода-Гавриила Мстиславича (†1138), помещено изображение архангела Гавриила, а реверс занят легендой “Ав(е)д(о)ва п(е)ч(а)ть”, вырезанной на матрице без учета на оттиск (рис.18,8). Аналогично печати Аведа оформлены печати с изображением святого воина (св.Дмитрия Солунского) и легендами “(С)в(а)т(о)сла(вл)а” (“(С)в(а)т(о)сла(вл)а печ(а)ть”), принадлежавшие Святославу, доверенному лицу одного из князей-Дмитриев XII — начала XIII в. (рис.18,10,12), а также печать с изображением св.Николая Мирликийского и легендой “Твердиславл(а) печ(а)т(ь)”. Группа печатей с легендой “Ѡ Ратибора” (“Ѡт Ратибора”) на реверсе (рис.18,9,11) принадлежала Ратибору — тмутараканскому посаднику, киевскому тысяцкому, ближнему боярину Всеволода Ярославича и его сына, Владимира Мономаха [Орешников 1903: 137-141; Лихачев 1930: 19-20; Янин 1970, т.1: 60-64]. Изображение на аверсе св.Кирилла Иерусалимского принято считать патрональным Ратибору, а сами печати, вероятнее всего, являлись не официальными регалиями власти, предназначенными для утверждения юридических документов, а буллами, предназначенными для переписки: на это указывает уникальное построение формулы легенды — “От такого-то”.

¹ В литературе высказывалось предположение, согласно которому часть печатей с изображениями святых и формулой “Господи, помози...” могла принадлежать не князьям, а новгородским посадникам [Янин 1970, т.1: 72-75]. Основанием для этого предположения является, во-первых, обнаружение печатей в Новгороде, и, во-вторых, совпадение нескольких изображений святых на печатях с именами новгородских посадников первой трети XII в. Однако совпадающие имена принадлежат к обычным крестильным именам на Руси (Дмитрий, Константин, Борис, Даниил, Петр, Иоанн), а большинство находок из Новгорода происходит с Городецка, то есть — связано с документами, отложившимися в городищенском архиве. Поэтому разделение однородного сфрагистического разряда между двумя противостоящими институтами власти только на том основании, что для одних булл удалось подобрать удовлетворительные персонификации среди князей, а для других — нет, представляется искусственным. Очевидно, что все печати с кириллической благопожелательной надписью и изображением святого, теломениного владельцу принадлежали князьям, а те из булл, которые пока остаются не персонифицированы, принадлежали князьям рубежа XI-XII вв. и первой трети XII в., и известным в письменных источниках только под своими мирскими именами.

Рис.18

Княжеские (1-7) и боярские (8-12) печати XII – XIII вв. (уменьшены)
(по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

Печати иерархов церкви

Печати киевских митрополитов с кириллическими легендами на реверсе пока неизвестны, а единственная представительная серия епископских печатей разряда III/3 принадлежит новгородским святителям. В настоящее время известны печати, принадлежавшие епископу (позднее — архиепископу) Илье-Иоанну (1163-1186), епископу Мартирию (1193-1199), архиепископам Митрофану (1200-1210, 1220-1223), Антонию (1210-1220, 1226-

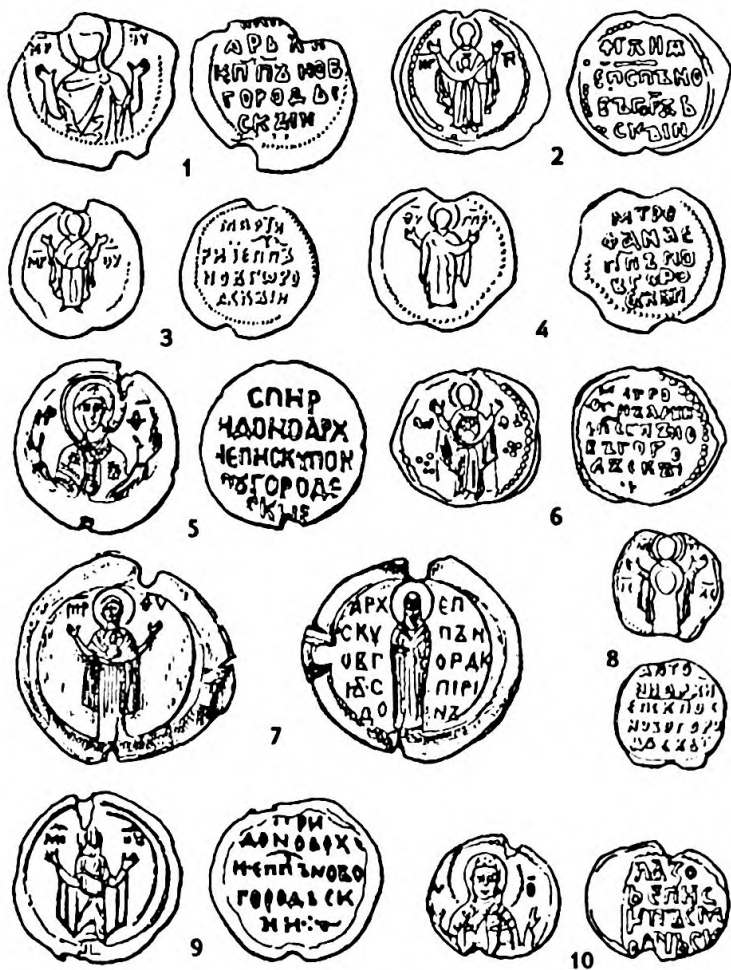

Рис. 19

Печати новгородских (1-9) и смоленского (10) епископов XII-XIII вв. (уменьшены)
 1-2 – Илья; 3 – Мартирий; 4,6 – Митрофан; 5,7,9 – Спиридон; 8 – Антоний;
 10 – Лазарь

(по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

1228, 1229) и Спиридону (1229-1249). На аверсах большинства печатей помещено изображение Богоматери, а на реверсах — формула указания, содержащая имя и титул владыки (рис. 19, 1-6, 8, 9). Исключение составляет одна из печатей архиепископа Спиридона (рис. 19, 7), на реверсе которой, кроме легенды, помещено также изображение святителя (св. Спиридона ?); эта булла должна быть отнесена к разряду III/1.

Кроме новгородских владык печати с кириллическими легендами на реверсе, использовали и иерархи, находившимся на других кафедрах, однако такие печати единичны. По сути дела, пока известна всего одна печать, принадлежавшая смоленскому епископу Лазарю (рис.19, 10), занимавшему кафедру в начале XIII в.: на аверсе помещено изображение Богородицы, на реверсе — стереотипная формула указания. Сам факт исключительной редкости печатей, принадлежавших святителям русской православной церкви XII-XIII вв. дает основание для важного вывода: иерархи церкви пользовались не только печатями разряда III/3, но и иными печатями, на которых принадлежность буллы не была обозначена так явно, как на печатях, несущих на реверсе легенду. Судя по печати новгородского архиепископа Спиридона (рис.19, 7), речь должна идти о буллах разряда III/1 (рис.20, 1-10). К сожалению, дошедшие до нас списки русских епископов XII-XIII вв. отличаются крайней неполнотой, поэтому большинство известных печатей данного разряда пока персонифицировать не удается.

Печати с формулой “Дьнѣслово”

Среди печатей с кириллической легендой на реверсе выделяется группа печатей (рис.21), включающая буллы разрядов III/3 и VI/2: их объединяет общая легенда — “Дьнѣслово” или “дѣнѣслово”. Печати датируются концом XI — первой половиной XII вв., а география их распространения охватывает всю территорию Руси — от Киева до Ладоги и от Дрогичина до Ярополча. Главной загадкой является формула легенды.

Н.П.Лихачев первым разделил легенду на два слова — “Дьнѣ” и “слово”. Предложив читать текст “(Въ) дьнѣ слово” т.е. — “Слово внутри” [Лихачев 1930: 23-29, 279], исследователь полагал, что смысл надписи сводится к приглашению прочесть скрепленный печатью документ (аналогично легенде на анонимных византийских печатях — “Чьей печатью я являюсь узнаешь, взглянув на написанное”). Развивая идею Лихачева, Б.А.Рыбаков полагал, что печати с формулой “Дьнѣслово” являлись атрибутами тайной переписки и переводил текст формулы как “Скрытое (сокровенное) слово” [Рыбаков 1963: 319]. В.Л.Янин, полемизируя с Рыбаковым, вернулся к первоначальной версии Лихачева: “Смысл надписи (на печати — С.Б.) сводится к тому, что она приглашает прочесть скрепленный печатью документ: слово внутри, разверни и читай” [Янин 1970, т.1: 85].

Рис. 20
Печати русских епископов XII-XIII вв. (уменьшены)
(по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

Принципиально иную гипотезу о расшифровке надписи на печатах предложил украинский филолог В.В.Нимчук: приняв разделение формулы на слова, предложенное Лихачевым, Нимчук предложил рассматривать первую часть формулы в качестве отглагольного существительного дѣнѣ (речь, сообщение). Вторую часть словосочетания Нимчук предлагает считать сфрагистическим вариантом "притяжательного прилагательного

Рис. 21
 Печати с формулой "Дѣслово" (уменьшены)
 (по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

среднего рода, именительного падежа, единственного числа — сыово, производного от существительного *сль* — *посол, посланец, доверенное лицо, вестник*". В целом надпись переведена Нимчуком как "речь посла" [Нимчук 1990: 175-178].

Версия В.В.Нимчука представляется мне наиболее перспективной. Написание формулы на реверсах разных печатей

различное: наряду с самым распространенным “дѣньслово” (рис.21, 1, 3, 4, 9-13) зафиксированы также формулы “дньслово[о]” (рис.21, 2), “дѣньслово” (рис.21, 7), “денестлово” (рис.21, 8), и “дѣньслово” (рис.21, 5). Поэтому ничто невероятного в том, что первая часть словосочетания рассматривается Нимчуком как “дѣнь”, а не как “дѣнь”: в памятниках средневековой русской сфрагистики встречены самые неожиданные сокращения ключевых слов легенды. Однако конечный вывод исследователя о том, что печати “дѣньслово” “скрепляли тексты посольских речей, подкрепляя тайные конфиденциальные сообщения”, дабы “не возникли сомнения и прения вокруг того, точно ли посол передал речь адресанта” [Нимчук 1990: 177], представляется модернизацией версии Б.А.Рыбакова и может быть уточнен.

На мой взгляд, первая часть словосочетания “дѣньслово” (дѣньслово) может быть прочтена как сокращенное написание существительного “дѣ(Ѧ)н(и)ѣ” (*деятельность*, от глагола *дѣѦти, делать, творить, совершать, поступать, говорить*). Принимая вторую часть словосочетания за притяжательное прилагательное с суффиксом *-ов-* — с(ѣ)слово, от *сѣль, посол* — надпись в целом может быть переведена как “деяние посла”. В таком случае, документ, скрепленный печатью “дѣньслово” (дѣньслово), очевидно, содержал сведения о полномочиях посла, то есть — являлся посольской верительной грамотой. Существование института верительных грамот в делопроизводстве иерархов церкви зафиксировано находкой печати с изображением на аверсе Богоматери (рис.21, 11), но, в основном, суверенами, на правявшими посольства, были князья. Список имен, скрытых за изображениями святых, достаточно обширен — Василий, Георгий, Дмитрий, Давид, Иоанн, Ирина, Мина, Михаил, Серафим, Федор. Затрудняясь пока персонифицировать большинство лиц, направявших посольства, отметим, что наиболее представительная группа печатей “дѣньслово” объединяет изображение на аверсе св. Федора (рис.21, 4, 10), и эти печати, вероятнее всего, связаны с дипломатической деятельностью в.кн. Мстислава-Федора Владимировича (Великого).

В.Л.Янин в осторожной форме высказал предположение о том, что появление печатей “дѣньслово” связано с киевской инициативой по унификации сфрагистических регалий на Руси [Янин 1970 т.1: 85]. Думается, что речь должна идти не об унификации, связанной со слиянием “княжеских и церковных печатей” [Янин 1970, т. 1: 85], а о разработке процедуры дипломатических

отношений, в частности — об оформлении единого для Руси типа вверительной посольской грамоты.

Кроме рассмотренных печатей в домонгольское время на Руси появляются сфрагистические разряды, остающихся вне перечисленных групп. Большинство из этих разрядов составляют единичные буллы, и только разряды I/2, II/1, II/2, III/1, IV/2, VI/1, VIII/1, IX/1, IX/2 представлены серийными памятниками.

Печати с изображениями “правителя” и святого (разряд VIII/1)

В литературе печати разряда VIII/1 обозначают как печати “архаической традиции”, объединяя их в одну группу вместе с рассмотренными в главе 2 печатями Святослава Игоревича и Изяслава Владимировича [Янин 1970, т.1: 34-41]. Известные буллы разряда VIII/1 принадлежали князьям Ярославу Владимировичу (+1054) и Святополку Ярополчичу (†ок.1019) — сыну и усыновленному племяннику Владимира Святого (рис.22, 1,2) [Янин, Гайдуков 1998а: 13-19]: на аверсе помещено изображение самого князя, а на реверсе — изображение святого, тезоименитого владельцу печати (св.Георгий на печати Ярослава и св.Петр на печати Святополка). На аверсе печати Ярослава рядом с изображением князя имеется сопроводительная кириллическая надпись “ярославъ кнѣзь роусскыи”, а сам князь изображен в остроконечном шлеме, причем изображение выполнено в традициях скандинавского мужского “портрета” [Михайлов 1996: 93-94]. Святополк Ярополчич, напротив, изображен на печати в церемониальных одеждах византийского императора и в нимбе. Подобным же образом в нимбе и императорском одеянии Святополк изображался на монетах, и точно так же изображался на монетах сам Владимир Святой [Сотникова 1995: 173, 177, 181, 188, 192].

К тому же разряду VIII/1 относятся и печати, атрибутированные сыну Ярослава Мудрого, Святославу (+1076): на реверсе помещено изображение патронального князю св.Николая Мирликийского, а на аверсе — изображение самого князя в рост с крестом в руке. Печати Святослава Ярославича известны уже в нескольких экземплярах от разных пар матриц (рис.22, 3-5); на некоторых из них изображение на аверсе сопровождается надписью “Свя[тослав]” или “С[вя]тос[лав]”. Отметим, что в делопроизводстве князя использовались заготовки для печатей

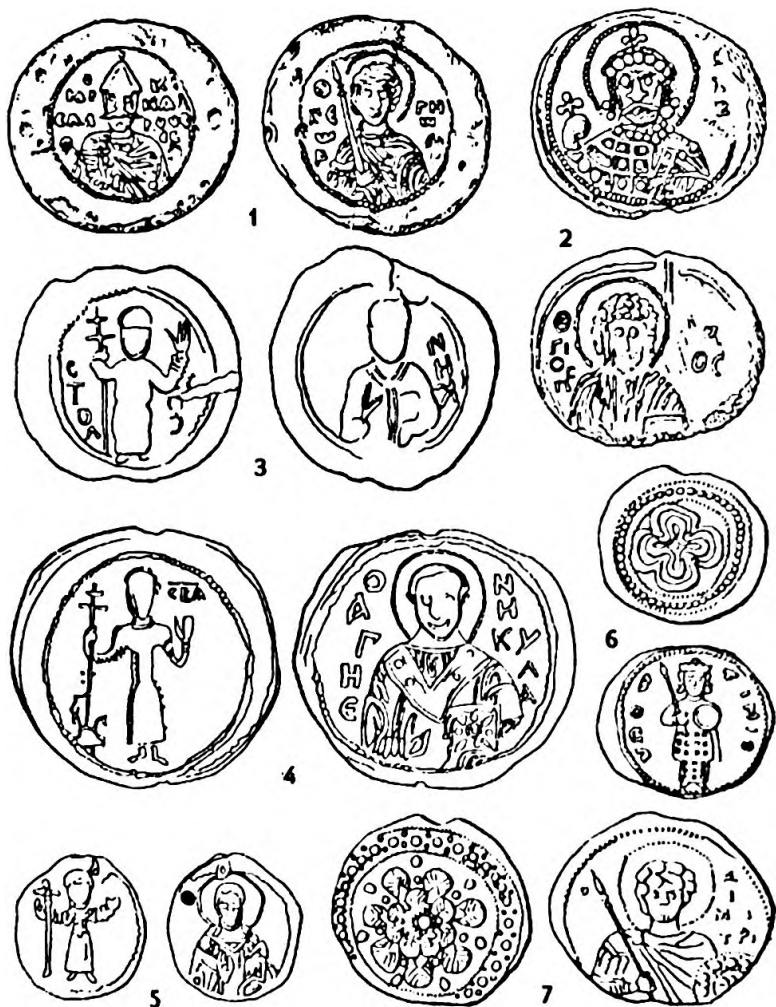

Рис. 22
Княжеские печати XI в. (уменьшены)
(по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

различного размера — от сравнительно небольших (рис.22,5) до крупных и массивных (рис.22,4), причем размер заготовки не обязательно был связан с диаметром матриц печати.

**Печати с изображением “розетки”
(разряды IX/1-2)**

Все известные печати этого разряда атрибуированы сыну Ярослава Мудрого Изяславу-Дмитрию Ярославичу (+1078).

Рис.23

Печати XII-XIII вв. с изображениями святых на обеих сторонах (уменьшены)
(по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

Буллы разнотипны: в одном случае (разряд IX/2) на реверсе помещено изображение “правителя” в регалиях, с мечом и щитом, окруженное плохо читаемой греческой надписью “Димитрий” (рис.22,6); в другом случае (разряд IX/1) на реверсе помещено погрудное изображение св.Дмитрия Солунского, патронального Изяславу (рис.22,7). И те, и другие печати по способу передачи сведений о владельце сближаются с печатями разряда

VIII/1, отличие же заключается в том, что на аверсах всех печатей Изяслава помещены изображения розетки. Таким образом, печати Изяслава Ярославича оказываются одними из наиболее архаичных булл древней Руси, восходящими в своем оформлении к дохристианской структуре власти в государстве¹.

Печати с изображениями святых на обеих сторонах (разряд VI/1)

Это — самый представительный сфрагистический разряд домонгольской Руси: в настоящее время известно более 600 булл, оттиснутых 180 парами матриц (рис.23). География распространения находок охватывает всю территорию древнерусского государства — от Белоозера и Ладogi на севере до Крыма на юге и от Владимира Волынского на западе до Поволжья на востоке. Печати с изображением святых на обеих сторонах связаны с деятельностью русских князей XII-XIII вв.: принципиальная атрибуция разряда была установлена Н.П.Лихачевым, и он же убедительно показал, что изображения святых на печатях передают крестильные имена владельца печати и его отца [Лихачев 1928: 52-53].

Процедура установления владельцев печатей разряда VI/1 справедливо уподобляется в литературе “расклатыванию небывалого пасьянса” [Янин 1970, т.1: 89], когда необходимо учитывать многие факторы: крестильные имена князей и их отцов, количество найденных оттисков от одних и тех же пар матриц, географию находок печатей, технические и стилистические особенности булл и проч. Однако предлагавшиеся в литературе опыты персонификации для большинства известных печатей разряда VI/1 пока остаются, все-таки, гипотетичными.

Нетрудно заметить, что печати с изображениями святых на обеих сторонах лишены юридического аверса: принимая за лицевую сторону буллы ту ее сторону, на которой помещено изображение святого, тезоименитого владельцу печати, мы тем самым лишь определяем начало подписи (“имя”), окончание которой (“отсутствие”) перенесено на оборотную сторону. Такое оформление буллы является свидетельством неофициального характера печатей. Следовательно, печати разряда VI/1 не принадлежали к числу регийной власти, а являлись личными печатями князей, предназначенными, в первую очередь, для междукняжеской переписки, следы которой дошли до нас в виде скрытых цитат, включенных в погодные статьи летописи [Рыбаков 1963: 319-334].

¹ Подробнее о семантике “розетки” см. Главу I.

Рис.24
Печати XI-XIII вв. с изображениями креста и святого (уменьшены)
(по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

**Печати с изображением на аверсе креста
(разряды III/1-2)**

Большинство печатей XII-XIII вв. с изображением креста несут на реверсе изображение святого (разряд II/2). Как установил еще Н.П.Лихачев [1928: 51-52], эти печати, как и печати разряда VI/1, принадлежали русским князьям (рис.24). Список имен, скрытых за изображениями святых, достаточно широк:

Федор, Симеон, Борис, Глеб, Захария, Константин, Прокопий, Давид, Иоанн, Михаил. Кроме того, из-за плохой сохранности ряда печатей установить, какой именно святой изображен на реверсе, не удастся, очевидно только, что среди них имеются изображения святителей, святых воинов и святых мучеников.

К XII-XIII вв. относится также появление первых печатей разряда II/1, на реверсе у которых помещено изображение Богоматери (рис.25, 1-5). Буллы с изображением креста и Богоматери употреблялись в делопроизводстве новгородского архиепископа, связанном с теми его полномочиями, которыми владыка обладал в качестве высшего должностного лица в новгородском правительстве [Белецкий 1997в: 199-203]. В XII-XIII вв. подобной печатью, очевидно, скреплялись единичные документы, требовавшие участия архиепископа в качестве главы светской власти Новгорода, и только с рубежа XIII-XIV вв. печати разряда II/1 становятся одним из самых массовых сфрагистических разрядов Новгорода Великого¹.

Печати с изображением на аверсе Христа (разряды I/1-2, 5)

Из пяти сфрагистических разрядов, общим для которых является изображение Христа на аверсе печати, в домонгольское время появляются четыре, причем два из них (разряды I/1 и I/4) представлены единственными буллами.

Печати с изображением Христа и святого (разряд I/2), как установил еще Н.П.Лихачев, [1928: 51-52] принадлежали князьям. Древнейшая из известных в настоящее время печатей этого разряда — булла, принадлежавшая кн.Святославу Ярославичу (+1076): на аверсе помещено изображение сидящего на троне Христа Пантократора в крещатом нимбе и с кодексом в левой руке,² а на реверсе — Св.Николая Мирликийского (рис.25, б). Хотя сопроводительных надписей, указывающих на владельца печати, на булле нет, принадлежность печати Святославу Ярославичу устанавливается благодаря исключительной близости изображения Св.Николая на этой печати и печатях разряда VIII/1, принадлежавших князю (рис.22, 3-5) [Янин, Гайдуков 1998а: 20].

¹ Подробнее о печатях разряда II/1 см. Главу 5.

² В.Л.Янин и П.Г.Гайдуков убеждены в том, что на печати изображен “князь... в виде торжественно восседающего на троне и украшенного нимбом автократора: нимб здесь означает символ сана, а не святости” [Янин, Гайдуков 1998а: 20]. С этим выводом, однако, решительно невозможно согласиться, поскольку нимб крещатый.

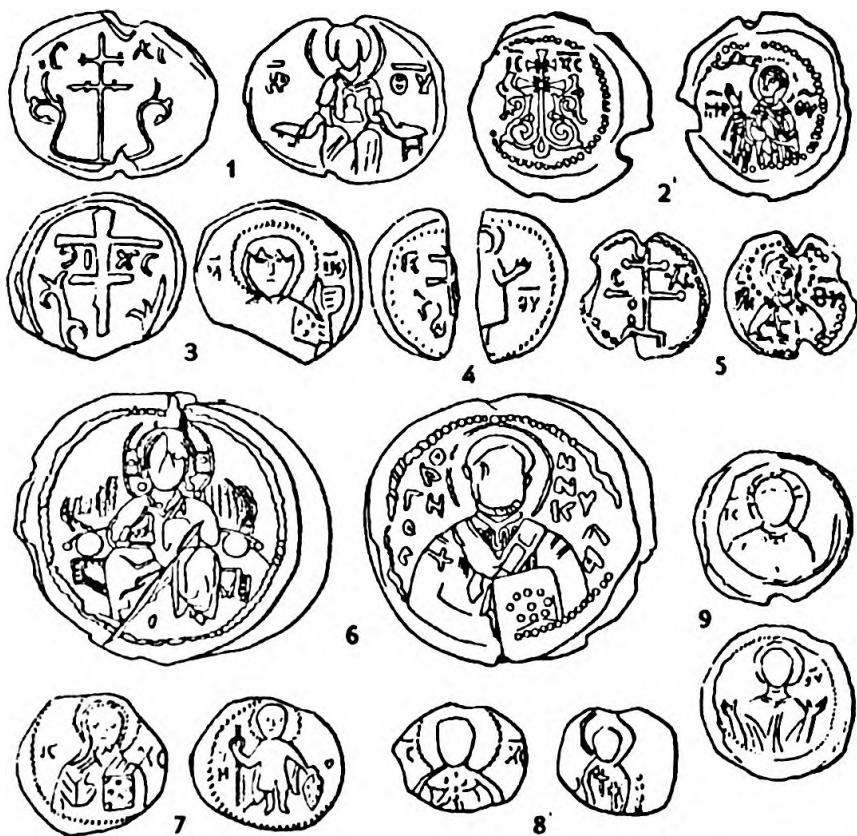

Рис.25

Печати XI-XIII вв. с изображением креста и Христа (уменьшены)
(по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

В домонгольскую эпоху печати разряда 1/2 употреблялись, по-видимому, достаточно редко. Несомненно, к XII в. относятся печати с изображением св.Георгия (рис.25, 7) и святого мученика (рис.25, 8). Все остальные печати разряда 1/2 датируются более поздним временем.

Печать разряда 1/1 (рис.25, 9), стилистически может быть датирована XII в. Читается она достаточно легко — это регалия суверенного (изображение Христа) деятеля русской церкви (изображение Богоматери). Теоретически им мог быть митрополит киевский. Однако уникальность буллы определенно указывает на то, что подобный тип печати не принадлежал к числу стандартных сфрагистических регалий высших иерархов русской православной церкви. В этой связи заметим, что всем своим оформлением печать

недвусмысленно повторяла тип великокняжеской печати с изображением Христа на аверсе. Именно это обстоятельство делает чрезвычайно соблазнительной попытку увидеть в появлении данной печати результат одной из великокняжеских попыток поставить во главе русской церкви вместо митрополита-грека иерарха, избранного собором русских епископов: им мог быть, например, ставленник Изяслава Мстиславича митрополит Климент (Клим Смолятич), чье избрание на соборе русских епископов в 1147 г. положило начало 17-летней смуте на русской митрополичьей кафедре.

Единственная домонгольская булла разряда I/5, к сожалению, слишком фрагментирована, чтобы быть уверенно прочтенной [Янин, Гайдуков 1998а: табл. 6, № 121ж].

Печати с изображениями княжеского знака (разряды IV/2-3)

Печати разряда IV/2 (рис. 26, 1-13) — последний из сфрагистических разрядов домонгольской Руси, представленный серийными находками: зафиксировано не менее 84 печати от 37 пар матриц. На протяжении длительного времени печати с изображением княжеского знака и святого расценивались историками как сфрагистические регалии русских князей, причем подразумевалось личное участие князя в утверждении документа такой печатью. Только после исследований В.Л. Янина стало очевидно, что печати принадлежали не князьям, а чиновникам княжеского аппарата [Янин 1970, с. 1: 137-146], облеченным властными полномочиями, предоставленными им князем (аверс) и несшим персональную ответственность (реверс) за совершенные юридические действия.

География распространения печатей разряда IV/2 охватывает всю территорию Руси. Однако большинство находок происходит из Новгорода и Новгородской земли; одна булла найдена в Киеве; еще одна — в Вышгороде под Киевом; три печати происходят из Белоозера и три — из Городца на Волге (крупных городов Владимиро-Суздальской земли, традиционно являвшихся объектами интересов Новгорода); по одной печати найдено в Смоленске и Старой Рязани, являвшихся стольными городами своих земель; одна булла происходит с территории Туровского княжества; еще одна печать найдена в Дубне, являвшейся в XII начале XIII вв. таможенным пунктом на границе между новгородскими и владими́ро-суздальскими землями. Очевидно, что юрисдикция лиц, пользовавшихся печатями разряда IV/2 распространялась, прежде всего, на Новгород

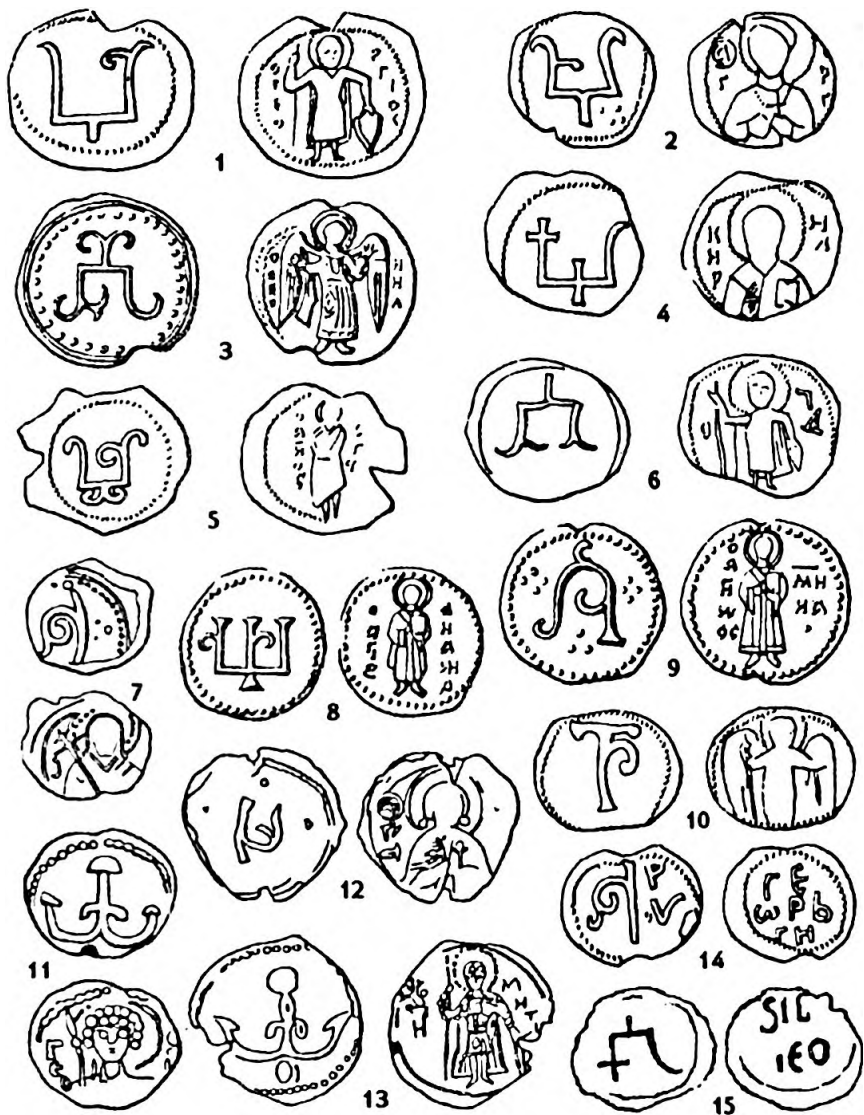

Рис.26

Печати XII-XIII вв. с изображением "эмблемы" (уменьшены)
 (по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову, К.В.Болсуновскому)

и Новгородскую землю, но была также ориентирована на внешнеполитические связи Новгорода, причем значительное число документов, скрепленных печатями разряда IV/2, попадало "на вечное хранение" в городищенский архив. Таким образом, широта полномочий, которыми располагали владельцы печатей,

свидетельствует, что эти лица занимали ведущее место в структуре управления Новгорода. Такой фигурой в правительственных структурах Новгорода XII-XIII вв., являлись посадники, с деятельностью которых и следует связывать печати разряда IV/2 (см. также: [Молчанов 1984: 69-81; 1987]).

Разряд IV/3 представлен двумя печатями, одна из которых происходит из Новгорода (рис.26, 14), а другая — из Дрогичина (рис.26, 15). Кириллическая легенда на реверсе новгородской печати содержит имя владельца печати — Геврьги. [Лихачев 1930: 206,207; Янин 1970, т.1: 221, №309] На реверсе дрогичинской буллы легенда сохранилась только частично, однако в ней угадывается слово Sig(illum), 'Печать' [Болсуновский 1984: табл. XXXI, L]. В обоих случаях княжеские знаки, помещенные на аверсах печатей, могут быть определенно отнесены к числу лично-родовых знаков князей-Рюриковичей, так что обе печати принадлежали уполномоченным лицам, представлявшим интересы русских князей. Латиноязычная формула легенды на дрогичинской печати легко объясняется географическим положением Дрогичина — древнерусского города, занимавшего ключевые позиции на русско-польском пограничье.

Печати с изображениями Композиции (разряды II/3 и V/1-2)

Среди печатей с кириллическими благопожелательными надписями выделяются две буллы от разных пар матриц, которые отличаются от прочих печатей с благопожелательной формулой легенды наличием изобразительных элементов на обеих сторонах: на аверсе помещено изображение композиции "Преображение Господне", а на реверсе — изображение св.Евфросинии, окруженное легендой "Г(оспод)и, помози рабе своеи, Ефросинии нареченои" (рис.27, 1-2). Очевидна принадлежность печати монахине, выступавшей в своей деятельности от имени Спасо-Преображенского монастыря. Речь может идти об инокине полоцкого Спасского монастыря Евфросинии (+1173), в миру княжне Предславе Ростиславне, внучке знаменитого полоцкого князя-чародея Всеслава Брячиславича (+1101) [Янин 1970, т.1: 231-232; Янин, Гайдуков 1998а: 41].

По составу изобразительных символов печати Евфросинии должны быть отнесены к разряду V/1, и, таким образом, они оказываются ключевыми для понимания всего разряда, объединившего сфрагистические регалии лиц, выступавших представителями монастырей (аверс). Судя по "именному" характеру буллы (реверс),

Рис.27

Печати XII-XIII вв. с изображениями композиции (уменьшены)
(по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

владельцы печатей несли за свои действия персональную ответственность, так что нет оснований связывать печати разряда V/1 с игуменами, представлявшими монастырь по своему должностному положению: речь может идти о ктиторах монастыря, получавших за заслуги перед обителью персональное право выступать от ее имени.

Предлагаемая гипотеза объясняет редкость сфрагистических типов, составляющих разряд V/1: кроме печати Евфросиньи Полоцкой к этому разряду можно отнести печать с изображениями композиции “Богоявление” и святого воина (рис.27, 12), печать с изображениями композиции “Воскресение Христово” (“Сошествие во ад”) и св.Федора (рис.27, 10)¹, а также три сфрагистические группы общим для которых является изображение на аверсе композиции “Благовещение”. В двух первых случаях речь может идти о принадлежности печатей лицам, полномочным выступать от лица Богоявленского и Воскресенского монастырей. На реверсе единственной печати разряда V/2, составляющей первую из этих групп, помещена легенда “Сп(а)си, Г(оспод)и, кн(а)язя Ивера Всеволо(д)ич(а)” (рис.27, 9). Владельцем печати был, таким образом, ктитор Благовещенского монастыря князь Ивор Всеволодич, не известный по письменным источникам². На реверсе печатей разряда V/1, составляющих две другие группы, помещены изображения св.Федора (рис.27, 5-8) и св.Иоанна Предтечи (рис.27, 3-4). Датируя печати XII в., их можно связать с устройством Благовещенского монастыря в Новгороде (основан в 1170 г.), братьями Ильей-Иоанном и Григорием-Гавриилом, занимавшим новгородскую архиепископскую кафедру соответственно в 1163-1186 и 1186-1193 гг. [Белецкий, Петренко 1994: 200-203].

Разряд II/3 представлен печатями, на реверсе которых помещено изображение композиции “Успение Богородицы” (рис.27, 11, 13). Русское происхождение печатей несомненно, однако образом при изготовлении матриц наверняка послужила византийская булла³. Печати являлись сфрагистическими регалиями

¹ Хотя булла найдена на новгородском городище [Янин, Гайдуков 1998а: 158, № 347а], не исключено, что она византийская, а не русская: стилистически и изображению на аверсе этой буллы близко изображение композиции “Сошествие во ад” на византийском моливдулове X-XI вв. из собрания И.П.Лихачева [Искусство Византии 1977: 143, № 779]. Заметим, что на аверсе печатей патриархов Иерусалимских Амальрика (1158-1180) и Ираклия (1180-1191) помещено изображение композиции “Воскресения Христово” (“Сошествия во ад”), а в легендах содержится указание на ц.Святого Воскресения [Лихачев 1991: 172-173].

² Высказывалось мнение, что этим князем был сын Всеволода-Гавриила Мстиславича, крещенный Иваном [Янин 2001: 25-27], однако это мнение опирается на истолкование композиции Благовещение в качестве символической передачи имени Гавриил, на принципиальную невозможность такого истолкования указывал И.П.Лихачев [1930: 33].

³ На это указывает, прежде всего, тип изображенного на аверсе печатей креста на ступенях, символизирующих Голгофу (см., напр.: [Лихачев 31, № LVIII-1; 33, № LVIII-4; 37, № LVIII-6, 7]). Подобные изображения Голгофы для памятников русской сфрагистики не характерны. Возможно, образцом для этих печатей действительно [Янин, Гайдуков 1998а: 61, 62] послужила византийская печать, найденная при археологических раскопках в Сураде [Седова 1988: 272-279].

святых — Успенского собора или монастыря (реверс), причем лицо, выступавшее от имени храма или обители, располагая суверенными или, как минимум, автономными полномочиями, несло за свои действия должностную, а не персональную ответственность. География распространения печатей — Старая Рязань, Городец на Волге, Новгород — свидетельствует, что владельца печати следует искать в северо-восточной Руси, и за композицией “Успения” может быть скрыт, например, кафедральный Успенский собор г. Владимира. Уникальность стилистического оформления булл и отсутствие в составе разряда иных сфрагистических типов допускает предположение об экстраординарных событиях, стоящих за появлением данных сфрагистических регалий. Соблазнительно было бы предположить, что владельцем печатей являлся ставленник Андрея Боголюбского “нареченный архиепископ” Феодор (“Феодорец Белый Клобучок”), направленный в 1163 г. к константинопольскому патриарху с просьбой об учреждении во Владимире митрополичьей кафедры и получивший от патриарха Луки Хрисоверга отказ в рукоположении.

Печати с изображением двух святых (разряды I/4, II/4, III/2, VII/1-3)

Печати с изображением двух святых на одной стороне буллы также принадлежат к числу редких сфрагистических типов. Более или менее представительным является только разряд VII/1, объединяющий печати с изображениями на аверсе “парных святых” — свв. Бориса и Глеба, Космы и Дамиана и Флора и Лавра (рис. 28, 13, 14, 19). С наибольшим вероятием буллы являлись регалиями власти лиц, которые выступали представителями святых (аверс) и несли за свои действия персональную (реверс) ответственность. Типологическое сходство этих печатей с печатями разряда V/1 позволяет атрибутировать печати разряда VII/1 ктиторах монастырей соответствующего посвящения.

Прочие печати с изображением двух святых на одной стороне буллы крайне редки. По сути дела, каждая из них составляет самостоятельный сфрагистический разряд и требует специального комментария. Печать разряда I/4, на реверсе у которой помещены изображения св. Дмитрия Солунского и святого воина (рис. 28, 7) стилистически не выходит за пределы XII в. “Непарный” характер святых на реверсе не исключает принадлежность ее князьям-соправителям, один из которых носил в крещении имя Дмитрий.

Рис.28
 Печати XII-XIII вв. с изображением двух святых на одной стороне
 (уменьшены)
 (по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

Печать разряда II/4 с изображением на реверсе свв. Бориса и Глеба (рис.28, 12), относится ко второй половине XII — первой половине XIII вв. Булла являлась, вероятнее всего, сфрагистической регалией Борисоглебского храма или монастыря (реверс), причем владелец печати (настоятель собора?, игумен

монастыря?) располагал значительными по объему полномочиями (аверс) и нес за свои действия должностную, а не персональную ответственность (анонимный характер буллы).

На реверсе единственной печати разряда III/2 помещено изображение свв.Бориса и Глеба (рис.28,2). Датируя печать домонгольским временем, можно связывать ее с Борисоглебским храмом или монастырем (реверс), отметив при этом, что представитель храма или обители, нес за свои действия должностную, а не персональную ответственность (анонимный характер буллы), а полномочия его ограничивались областью церковного права (аверс).

Уникальна печать разряда VII/2 (рис.28,3), на одной стороне которой помещены изображения “парных святых” (апостолы Петр и Павел), на другой — святых “непарных” (два святых воина). Предполагая, что за изображением апостолов скрыт Петропавловский монастырь, буллу можно было бы, по аналогии с печатями разряда VII/1, рассматривать в качестве сфрагистической регалии одновременно двух лиц, являвшихся ктиторами данной обители. Однако обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, матрица реверса этой печати была использована также в составе комплекта матриц у печати разряда VI/2 с легендой “Г(осподи), помози рабу своему Ѡеодору ...жр...” (рис.28,1), что делает вероятной принадлежность обеих печатей одному владельцу. Во-вторых, из двух святых воинов на реверсе буллы был поименован только св.Федор (колончатые надписи “оагiос Ѡеодорос”, размещенные по сторонам от изображения), а рядом с изображением второго воина надписи отсутствуют. Не связано ли отсутствие надписей рядом со вторым воином, а также несколько меньшие размеры фигуры последнего с тем, что на печати был изображен св.Федор Стратилат в сопровождении слуги Уара? В этом случае вторая фигура была помещена на печать для того, чтобы отличить св.Федора Стратилата от св.Федора Тирона (также святого воина), и смысловое значение при “прочтении” печати получает только изображение св.Федора. Само “прочтение” печатей в этом случае не составит особого труда: булла разряда VI/2 оказывается адекватной прочим княжеским печатям с кириллическими легендами, а булла разряда VII/2 сопоставима с прочими ктиторскими печатями разряда VII/1.

Пломбы

К домонгольскому времени относится также широкое использование свинцовых пломб — маленьких булл, оттиснутых

на заготовках, имевших, зачастую, неправильную форму. Обычно такие предметы называют “пломбами дрогичинского типа” (по городу Дрогичину на западной окраине Волынской земли, откуда происходят наибольшее число известных ныне пломб), однако это название условное, поскольку пломбы найдены во многих древнерусских городах (Новгород, Псков, Ладога, Киев, Тверь, Дубна, Белоозеро и др.). Наиболее ранние из известных пломб несут изображения княжеских знаков, принадлежавших в.кн. Владимиру Мономаху, позднейшие из пломб определенно датируются XIII в.

Различить пломбы и печати по внешнему облику удается далеко не всегда. Многие пломбы оттиснуты на заготовках, значительно превышающих диаметр матриц буллотирия (напр.: рис. 29, 7, 18-20, 26), так что пломба оказывается близка по своим размерам небольшим актовым печатям. С другой стороны, среди безусловных актовых печатей встречаются оттиски на чрезвычайно маленьких заготовках (напр.: рис. 16, 12; 23, 16; 28, 10), и даже единственный домонгольский хрисовул (рис. 23.2) по размеру следовало бы скорее причислить к пломбам, нежели к печатям. Как будто бы, единственным более или менее надежным критерием отличия пломб от печатей является размер не заготовки, а матриц буллотирия: у пломб диаметр матриц как правило менее 10 мм, в то время как у печатей диаметр матриц превышает 15 мм, что отчетливо фиксируется даже на тех буллах, в площадь которых оттиск матриц вошел не полностью. Важным показателем является также массивность буллы: даже небольшие по диаметру печати оттискивались на массивных заготовках, вес которых превышает 8 г, в то время как вес даже крупных пломб редко достигает 3-4 г.

Показательно сравнение древнерусских печатей и пломб по составу сфрагистических разрядов (глава 2, табл. 2): печати заметно разнообразнее, представлены, по крайней мере, 30 разрядами, в то время как среди пломб удается выявить пока только 16 разрядов, однако из них лишь 6 находят себе соответствие среди безусловных актовых печатей.

Хотя ряд сфрагистических разрядов, в которые объединены пломбы, соответствует сфрагистическим разрядам актовых печатей (II/1, II/2, IV/1, IV/2, IV/3, VI/1, VI/3, см.: рис. 29, 1-3, 12-15), основная масса пломб отличается от печатей и по составу изобразительных символов, и по их сочетанию на булле: только на пломбах встречены такие изобразительные символы, как “личина”, группа точек, большинство разновидностей креста (типа потент, круассанте,

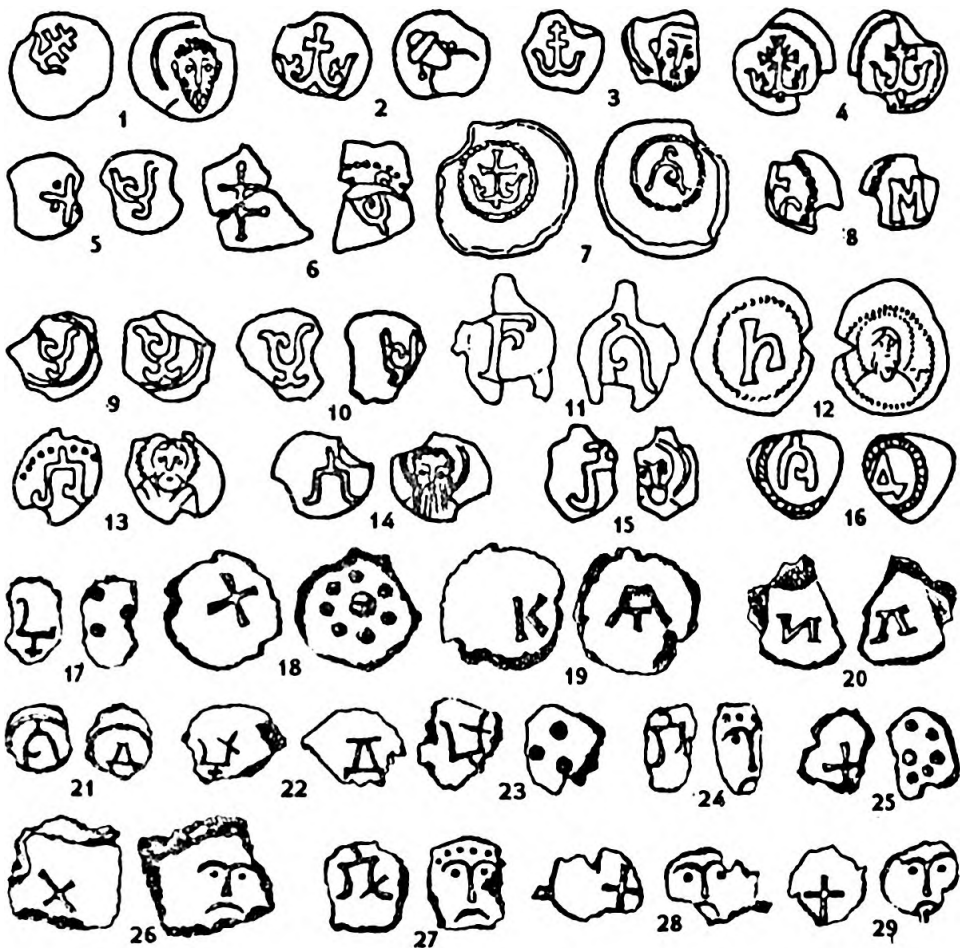

Рис. 29

Пломбы XII-XIII вв. (уменьшены)

(по С.В.Белсцкому, В.П.Петренко, Н.П.Лихачеву, К.В.Болсуновскому, В. Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

фурше, помме, крапоне и др.), только среди пломб встречены буллы разрядов II/6, II/7, IV/4, XI/1, оба изобразительных символа на которых известны также и на актовых печатях.

Существенным подтверждением различия между двумя основными категориями сфрагистических памятников древней Руси является также разная представительность одинаково оформленных пломб и печатей. Так, среди актовых печатей буллы

разряда VI/1 являются самыми массовыми находками, в то время как среди пломб такие буллы представлены исключительно редко. Буллы разряда II/2, сравнительно с другими актовыми печатями, встречаются не часто, а оттиски двух и более экземпляров от одной пары матриц исключительно редки, в то время как среди пломб буллы этого разряда достаточно многочисленны (рис.29,5-7), а оттиски от одних и тех же пар матриц дошли до нас представительными сериями. Среди актовых печатей пока известна только одна булла разряда IV/1 (рис.13,2), датированная к тому же X в., а среди пломб XII-XIII вв. буллы данного разряда представлены весьма широко (рис.29,9-11).

Сказанное свидетельствует о том, что печати и пломбы нельзя рассматривать как однопорядковые явления древнерусской сфрагистики, хотя принципы оформления и тех, и других подчинялись одним и тем же законам. Возможно, отличие пломб от печатей заключается в функциональном назначении тех и других памятников: если функции актовых печатей сомнений не вызывают, то функции древнерусских пломб остаются предметом дискуссии. Какая-то часть пломб, безусловно имеет непосредственное отношение к товарно-денежным отношениям: пломбы могли скреплять, например, тюки с товарами или же связки шкурок пушных животных либо утверждать т.н. " меховые деньги" в качестве мелкой разменной монеты. Однако очевидно и то, что часть пломб наверняка привешивалась к письменным документам: находки пломб на Новгородском городище и по берегам Сиверсова канала определенно указывают на то, что в составе городищенского архива находились не только документы, утвержденные печатями, но также документы, скрепленные пломбами.

ГЛАВА 4 РУССКАЯ СФРАГИСТИКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII — XV В.

В XIII в. из делопроизводства исчезают печати одиннадцати разрядов (I/1, I/4, II/3, II/4, III/1, III/2, V/1, VI/3, VII/1, VII/2, VII/3). К началу XIV в. перестают использоваться практически все разряды древнерусских пломб. К середине XIV в. из делопроизводства выводятся еще пять разрядов печатей (I/2, I/3, II/2, IV/2, VI/1). С учетом того, что печати двух разрядов (IX/1, IX/2) не известны позднее XI в. можно констатировать — со второй половины XIV в. в делопроизводстве находится менее трети (13 из 40) от числа сфрагистических разрядов существовавших в делопроизводстве домонгольской Руси.

Печати второй половины XIII — первой половины XIV вв., лишенные легенд, соответствуют по своему оформлению сфрагистическим регалиям домонгольской Руси. Кроме того, ряд анэпиграфических печатей сохранились при подлинных документах. Все это позволяет сравнительно легко устанавливать принадлежность печатей. Наличие же на подавляющем большинстве русских печатей XIV-XV вв. легенд, включающих указание на имя и титул (должностное положение) владельца либо на институт власти, регалией которого являлась печать, позволяет группировать печати XIV-XV вв. не только по формально-типологическим признакам, но, прежде всего, на основании сведений о принадлежности печатей. От XIV-XV вв. сохранились *печати князей¹, иерархов церкви, светских и церковных должностных лиц, а также печати различных структур управления в Новгородской и Псковской боярских республиках*. Новгородские и псковские печати будут подробно рассмотрены в следующих главах, здесь же мы сосредоточим внимание на памятниках великокняжеской и церковной сфрагистики.

¹ Когда мы говорим о *княжеских печатях*, не надо думать, что князь лично брал в руки буллотирий и утверждал каждый документ, под которым висит его печать. Разумеется, в большинстве случаев печать князя привешивал или прикладывал к документу чиновник, которому это действие было вменено в обязанность, хотя весьма велика вероятность личного присутствия князя при утверждении документа этими печатями. Под термином *княжеская печать* следует понимать такую печать, оформление которой указывает на принадлежность сфрагистической регалии не конкретному должностному лицу княжеского аппарата, а непосредственно самому князю.

Рис.30

Княжеские печати XIII-XIV вв. (уменьшены)

1-3 — кн.Ярослав-Фелор Всеволодич; 4 — кн.Андрей Ярославич; 5,6 — кн.Дмитрий Александрович; 7 — кн.Тимофей-Довмонт; 8 — кн.Михаил Ярославич; 9 — кн.Александр Михайлович; 10 — кн.Даниил Александрович (по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

Княжеские печати

Металлические печати

Во второй половине XIII — первой половине XIV вв. в делопроизводстве русских князей, использовались подвесные металлические печати пяти разрядов — 1/2, 1/6, II/2, VI/1 и VIII/1 (?). Печати разряда 1/2 дошли до нас представительной серией находок (рис.30). При документах сохранились печать кн. Михаила Ярославича (†1319) с изображением на реверсе архангела Михаила (рис.30,8) и печать кн. Александра Михайловича (†1339)

Рис.31
Княжеские печати XIII-XIV вв. (уменьшены)

1,2 — кн. Тимофей-Довмонт; 3 — аргировул кн.Ивана I Даниловича (Калиты);
4,5 — кн.Ярослав-Федор Всеволодич (?)
(по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову, СГГД)

с изображением на реверсе св.Александра-воина (рис.30,9), а две духовные грамоты кн. Ивана Даниловича (+1340) были скреплены одинаковыми печатями с изображением на реверсе св.Иоанна Предтечи (рис.31,3)¹. На аверсе печати с изображением св.

¹ Сохранявшаяся при второй духовной Ивана Калиты на одном шнурке с великокняжеской печатью маленькая печать-пломба, вероятно всего, была привешена к грамоте при утверждении ее в Орде [Орешников 1903: 14-15]. Комментируя это предложение Н.П.Лихачев, впрочем, отмечал: "Пломба аэпиграфна и происхождение ее ничем не подтверждается... Вопрос остается открытым, татарское, золотордынское происхождение пломбы как ханского утверждения — только возможно, но не доказано" [ЛСА, л. 105].

Рис.32

Княжеские печати XIII-XIV вв. (умньшены)

1-4 — кн.Александр Ярославич (Невский); 5,7 — кн.Ярослав-Афанасий Ярославич-Федорович; 6 — кн.Михаил Ярославич-Афанасьевич; 8,10 — кн.Даниил Александрович; 9 — кн.Дмитрий Михайлович (Грозные Очи)
(по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

Дмитрия (рис.30,6) по сторонам от изображения Христа сохранился фрагмент легенды “Кнѣжа печат(ь)”. Круг святых, изображения которых помещены на реверсах печатей разряда 1/2, достаточно ограниченный: кроме упомянутых известны буллы с изображениями свв. Федора Тирона, Андрея Критского, Дмитрия Солунского, Даниила Столпника и Тимофея Газского. Это позволяет персонифицировать буллы, утратившие связь с документами, князьям Ярославу-Федору Всеволодичу (†1246)¹,

¹ Принадлежность печатей с изображениями Христа и св. Федора Стратилата в композиции “Чудо о Змие” (рис. 30, 1, 2) подробно анализировалась В.Л.Яниным [1970, т. 2: 16-21]. Сюжет изображения на реверсе буллы был детально исследован Н.П.Лихачевым [1928: 12-19].

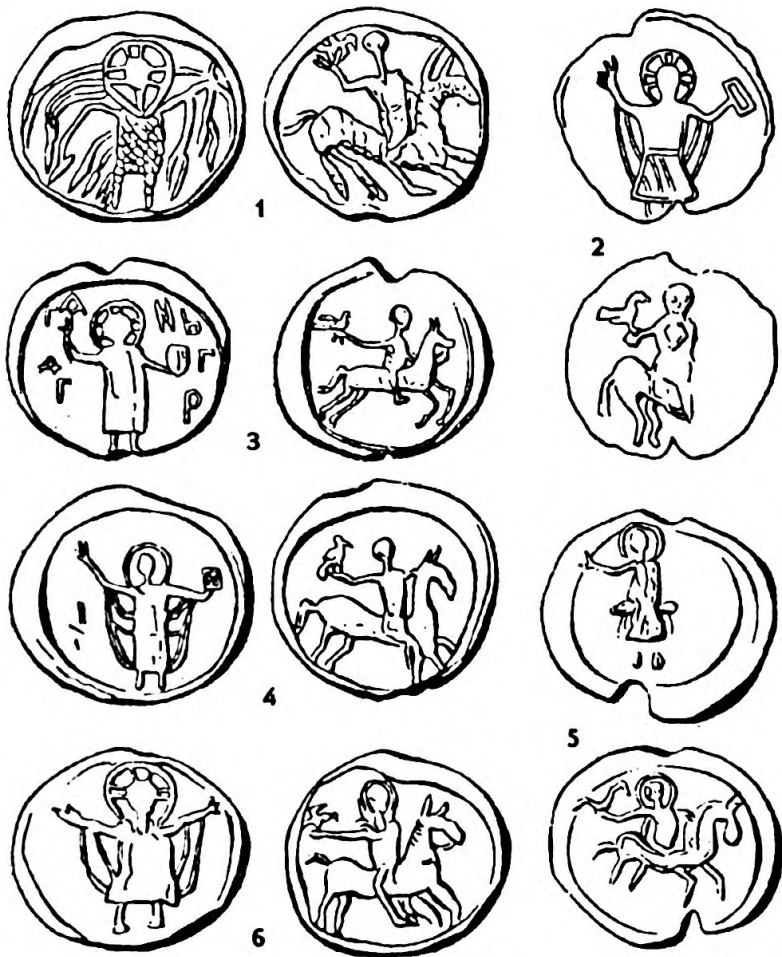

Рис.33
Княжеские печати XIII-XIV вв.
1-6 — кн.Андрей Александрович
(по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

Андрею Ярославичу-Федоровичу (†1264), Довмонту-Тимофею (†1299), Дмитрию Александровичу (†1294) и Даниилу Александровичу (†1303). Заметим, что большинство из них в разное время носили титул *великий князь*.

Печати разряда II/2 для второй половины XIII — XIV в. не характерны: фактически, известны всего две буллы с изображением на реверсе св.Тимофея Газского. Одна из печатей (рис.31, 2) сохранилась при документе конца XIII в., написанном "Довмонтовым писцом", так что булла наверняка принадлежала

Рис.34

Княжеские печати (аргировулы) XIV — начала XV в. (уменьшены)
 1 — кн.Дмитрий Иванович (Донской); 2 — кн.Семен Иванович (Гордый); 3 —
 кн.Иван II Иванович (Красный); 4 — кн.Василий I Дмитриевич
 (по СГГД)

кн.Тимофею-Довмонту; ему же обычно атрибуируют и вторую печать (рис.31, 1).

Печати разряда VI/1 во второй половине XIII — начале XIV в. составляют заметную серию. При подлинных документах сохранились печати кн. Ярослава-Афанасия Ярославича-Федоровича (†1271) с изображениями св. Афанасия и св. Федора (рис.32,5,7) и печать кн.Михаила Ярославича-Афанасьевича с изображениями арх. Михаила и св. Афанасия (рис.32,6). Конечно, не все печати разряда VI/1 могут быть уверенно персонифицированы, однако буллы с изображениями св. Александра-воина и св. Федора (рис.32,1-3), возможно, принадлежали кн.Александру Ярославичу-Федоровичу Невскому (†1263), печати с изображением св. Даниила Столпника и св. Александра-воина (рис.32,8,10), наверняка

Рис.35

Княжеские печати XIV-XV вв. (уменьшены)

- 1, 2 — кн. Иван I Данилович (Калита); 3, 4 — кн. Семен Иванович (Гордый); 5 — кн. Иван II Иванович (Красный); 6, 7 — кн. Дмитрий Иванович (Донской); 8, 10 — кн. Василий I Дмитриевич; 9 — кн. Василий II Васильевич (по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

принадлежали кн. Даниилу Александровичу (†1303), а печати с изображением св. Дмитрия и арх. Михаила (рис.32, 9), скорее всего, принадлежали кн. Дмитрию Михайловичу Грозные Очи (†1325).

Некоторое затруднение вызывает установление сфрагистического разряда для печатей с изображением на аверсе светского всадника в короне, а на реверсе — св. Федора (рис.31, 4, 5). Изображение всадника теоретически следует считать эмблемой, а сами буллы следует относить к разряду IV/2, расценивая их

Рис. 36

Княжеские печати XIII-XV вв. (уменьшены)

- 1 — кн. Дмитрий Иванович (Донской); 2 — кн. Василий I Дмитриевич; 3 — кн. Михаил Александрович; 4 — кн. Федор Юрьевич; 5-8 — кн. Всеий II Васильевич (по В.Л.Янину и П.Г.Гайдукову)

как сфрагистические регалии должностного лица, носившего крестильное имя Федор и выступавшего в своей деятельности представителем другого лица, эмблемой (гербом?) которого было изображение конного мечника. Однако конного мечника на аверсе печатей можно расценить и как изображение “правителя”, считая в этом случае изображенного на реверсе св.Федора тезоименитым владельцу печатей; тогда вероятным владельцем печатей являлся в.кн. Ярослав-Федор Всеволодич. Заметим, что изображение св. Федора на этих печатях близко изображению св.

Рис.37

Княжеские печати XV в. (уменьшены)

1,3 — кн.Иван III Васильевич; 2 — кн. Василий I Дмитриевич; 4 — кн.Андрей Ольгердович (?); 5 — кн.Василий II Васильевич
(по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

Федора на печатях разряда 1/2 (рис. 30, 1, 2), принадлежавших Ярославу Всеволодовичу¹.

¹ В.Л. Янин [1970, т.2: 7, 8], ссылаясь на мнение Н.П.Лихачева, уверенно объединяет печати с изображениями коронованного всадника и св. Федора Стратилата (рис. 31, 4, 5) с печатями, несущими изображение св. Александра-воина и св. Федора (рис. 32, 3, 4), и все эти печати атрибуирует кн. Александру Ярославичу (Невскому) Этот вывод безоговорочно приняли и другие исследователи [Вилинбахов 1981: 117; Соболева 1991: 205; Хорошкевич 1993: 18; 1995: 140-145; Зиборов 1995: 146-150]. На мой взгляд, объединение светского и святого всадников сомнительно: если за образом светского всадника действительно может быть скрыто изображение самого князя, то в образе святого всадника совершенно не обязательно видеть не только "портретное" изображение правителя,

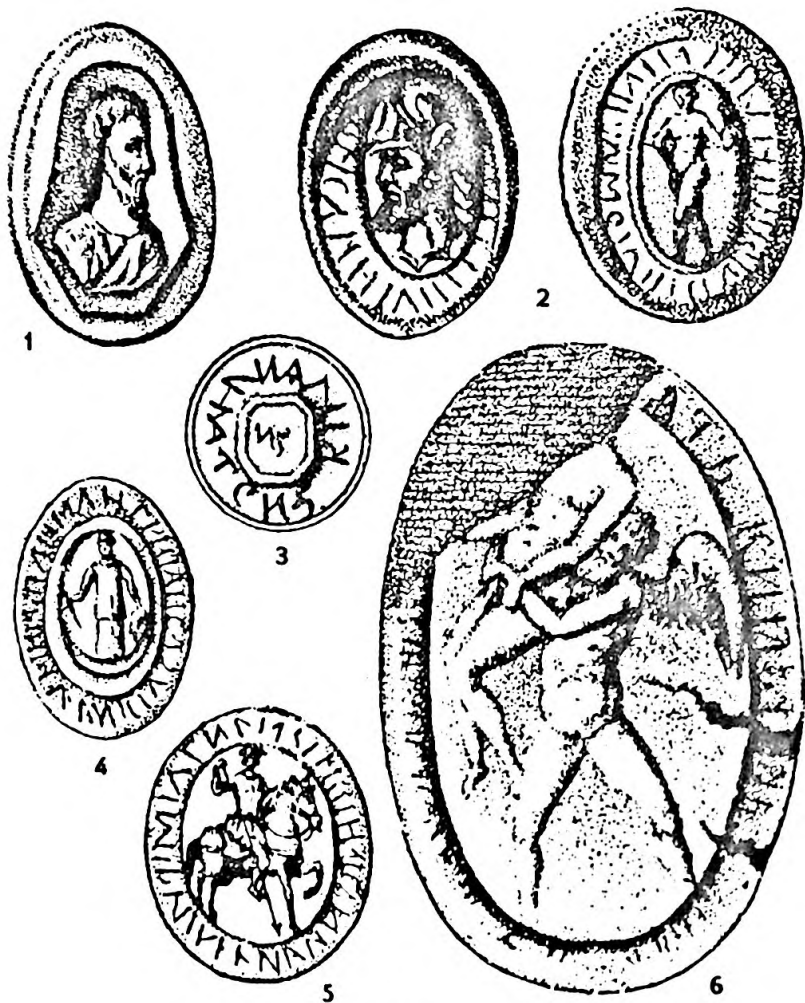

Рис.38

Княжеские печати XIV-XV вв. (увеличены)

- 1 — в.кн.Иван II Иванович (?); 2, 4 — кн.Владимир Андреевич серпуховской;
 3 — кн.Андрей Иванович (?); 5 — в.кн.Василий I Дмитриевич;
 6 — в.кн.Софья Витовтовна
 (по СГГД, П.Иванову)

но даже изображен конкретного святого — в виде всадников изображались и св. Димитрий, и св. Георгий, и св. Александр. Ссылка на мнение Н. П. Лихачева, как представляется, не может служить аргументом, поскольку Лихачев подчеркивал особое положение буллы с изображением коронованного всадника относительно прочих печатей, атрибутированных Александру Невскому, причем особое положение буллы связывал именно с отсутствием нимба у всадника: “Разновидность стоит особняком. Сохранился лишь фрагмент, но ясно видно, что всадник без нимба и глава его украшена короною” (курсив мой — С.Б.) [Лихачев 1928: 91].

Рис.39
 Княжеские печати XV в. (увеличены)
 1-5 — в.кн.Василий II Васильевич
 (по СГГД, П.Иванову)

Особое место среди печатей рубежа XIII-XIV вв. занимают буллы, на одной из сторон у которых помещено изображение сокольника. На аверсе одной из печатей (рис.33,3) по сторонам от изображения Христа хаотично размещены буквы легенды, в которой угадывается имя "Аньдр[еи]". Две печати сохранились при документах: одна из булл (рис.33,1) скрепляла договор Новгорода с Любском, Готским берегом и Ригой 1301 г. (Любекский и Рижский экземпляры), а вторая (рис.33,4) — скрепляла посольскую грамоту Новгорода в Колывань 1302 г. Вобоих случаях печати утверждали документы от имени в.кн.Андрея Александровича (†1304). Рассматривая изображение сокольника в качестве личной эмблемы в.кн.Андрея, печати с изображениями

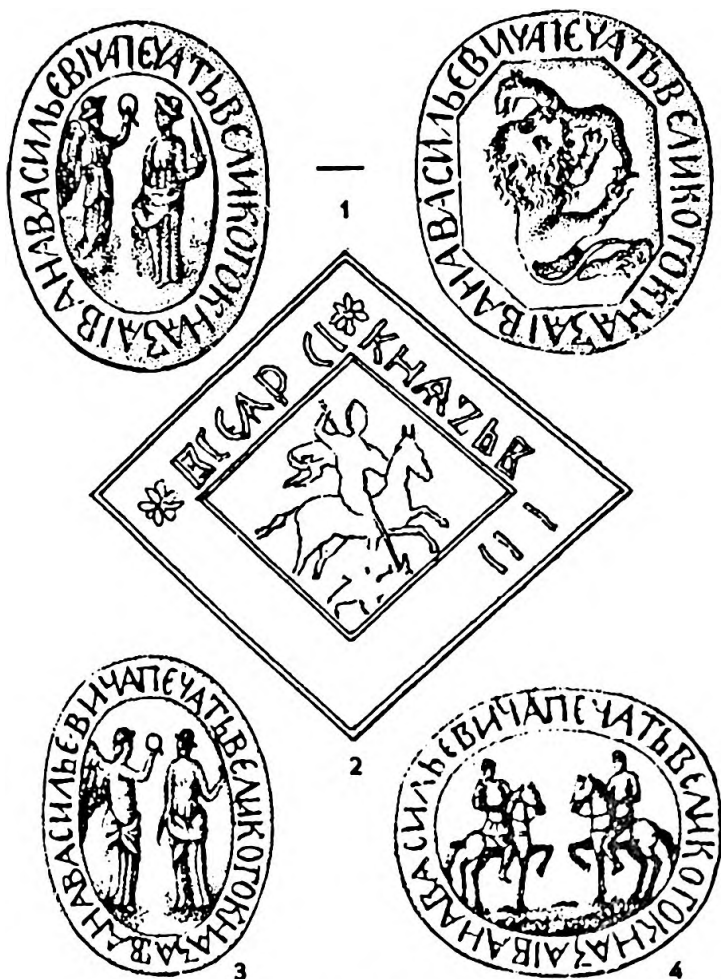

Рис.40
 Княжеские печати XV в. (увеличены)
 1-4 — в.кн. Иван III Васильевич
 (по СГД, П.Иванову)

Христа и сокольника следовало бы относить к разряду 1/3. Однако вопрос о том, считать ли эти печати великокняжескими или же нет, остается открытым. Дело в том, что в момент утверждения названных документов в.кн. Андрей Александрович в Новгороде отсутствовал. Поэтому не исключено, что печати с изображениями Христа и сокольника являлись не собственно княжескими буллами, а сфрагистическими регалиями княжеского уполномоченного, располагавшего должностным (анонимный характер буллы) правом выступать представителем великого

Рис.41

Княжеские печати конца XIV — XV вв. (увеличены)

1-3 — кн. Юрий Дмитриевич галицкий; 4 — кн. Андрей Дмитриевич
можайский; 5 — кн. Петр Дмитриевич дмитровский;

6 — кн. Константин Дмитриевич углицкий
(по СГГД, П.Иванову)

князя (реверс) и при этом располагавшим в отсутствие князя всей полнотой власти (аверс). Таким лицом мог быть глава великокняжеской администрации, канцлер-печатник в.кн. Андрея Александровича.

Великокняжеская сфрагистика начала меняться со времен вокняжения на Москве Ивана I Даниловича (+1340). Правда, Иван I еще использовал печать разряда 1/2 (рис.31,З), но на обеих сторонах буллы уже появились круговые легенды,

Рис.42

Княжеские печати XV в. (увеличены)

1,2 — кн.Дмитрий Юрьевич (Шемяка); 3,4 — кн.Василий Ярославич серпуховской и боровский; 5-7 — кн.Иван Андреевич можайский; 8 — кн.Андрей Васильевич (Большой) углицкий; 9 — кн.Михаил Андреевич верейский и белозерский
(по СГГД, П.Иванову)

содержащие имя и титул владельца — “Печать великого / князя Ивана”, а занимавшие великий московский стол потомки Ивана I вообще перестали пользоваться печатями с изображением Христа.¹ С того же времени перестают использоваться

¹ Исключение составляет одна из печатей в. кн.Василия I Дмитриевича (рис.37.2), на которой помещено погрудное изображение Христа в святительских ризах. Однако это изображение появилось благодаря “редактированию” матрицы аверса, при котором нимб изображенного на печати св.Василия Великого был дополнен перекрестием, превратившем изображенного святого в Христа.

Рис.43

Княжеские печати XV в. (увеличены)

- 1 — кн.Василий Михайлович (Удалый) верейский; 2 — кн.Иван Борисович
 рузский (волоцкий); 3 — кн.Федор Борисович волоцкий; 4 — кн.Борис
 Васильевич волоцкий; 5 — в.кн.Борис Александрович тверской; 6 —
 в.кн.Михаил Борисович тверской (увеличены)
 (по СГГД, П.Иванову)

печати разряда VI/1, и им на смену приходят печати разряда VI/2 (рис.34-35). Известны буллы, принадлежавшие самому Ивану I, а также его сыновьям Симеону Гордому (†1341) и Ивану II Красному (†1359), Дмитрию Ивановичу Донскому (†1389), Василию I Дмитриевичу (†1425) и Василию II Васильевичу (†1462). Во всех перечисленных случаях на аверсе

Рис.44

Печати великокняжеских тиунов (1,10), служивых князей (5,6,7,9) и лиц без обозначения должности (2-4,8) (уменьшены)
(по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

княжеских печатей разряда VI/2 помещено изображение тезоименитого князю святого.

В делопроизводстве русских князей появляются также буллы, относящиеся к разряду IV/3. Таковы печати с изображением хищника (рис.36,3,4,6), принадлежавшие в.кн.Михаилу Александровичу тверскому (†1399),кн.Федору Юрьевичу смоленскому и в.кн.Василию II.На печати в.кн.Василия I,на аверсе помещено изображение пешего воина (рис.36,2), а на печати в.кн. Ивана III Васильевича изображен конный копейщик

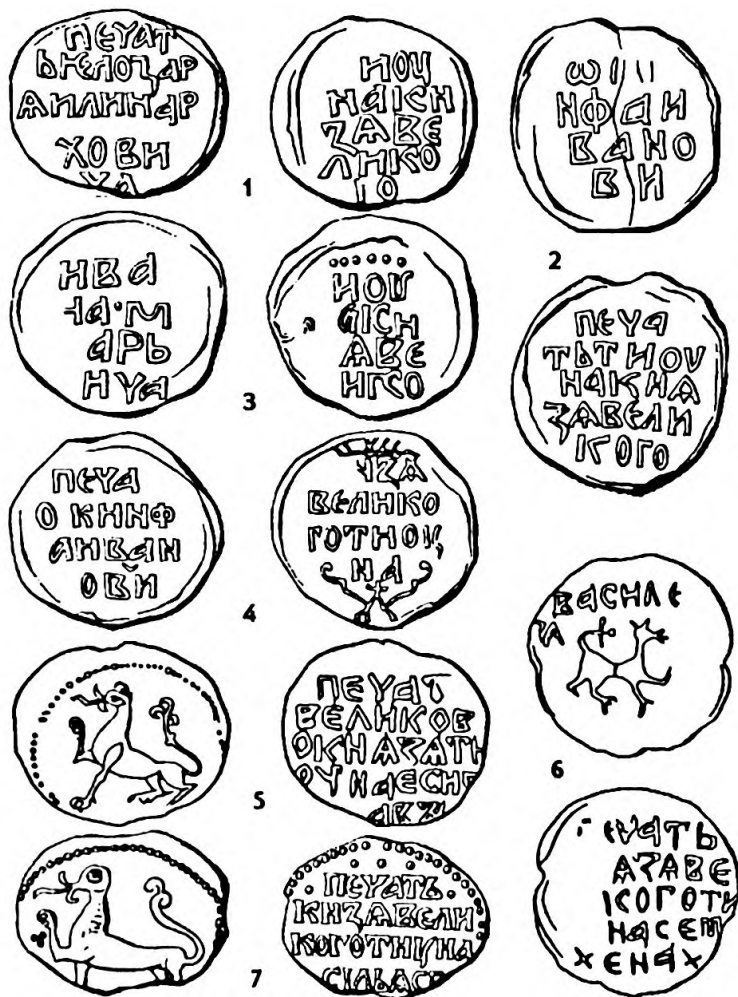

Рис.45

Печати великокняжеских тиунов (уменьшены)
(по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

(рис.37, 1, 3). Древнейшей среди русских княжеских печатей разряда IV/3 является, как будто бы, печать в.кн.Федора Ростиславича Черного (†1299), скреплявшая смоленские грамоты 1284 г. (рис.36, 4)¹. В большинстве случаев принцип выбора эмблемы на аверсе печати остается не ясен. Исключение составляет только изображение конного копейщика, являвшееся со времен

¹ Персонификация этой печати признается не всеми исследователями; в частности, В.Л.Янин и П.Г.Гайдуков [1998а: 108-110] полагают, что печать принадлежит в.кн.Федору Святославичу.

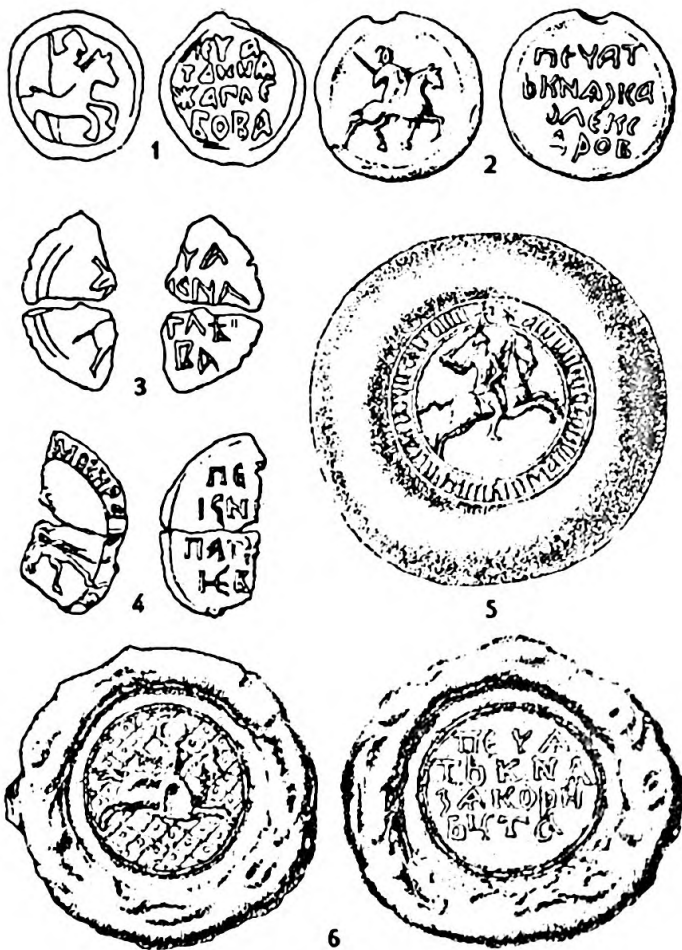

Рис. 46

Печати литовских князей и князей, вассальных Литвет (уменьшены)
 1, 3 — кн. Глеб-Наримунт Гедиминович; 2 — кн. Александр Михайлович
 тверской; 4 — кн. Патрикий; 5 — в.кн. Витовт; 6 — кн. Дмитрий-Корибут
 (по СГГД, Сборнику снимков, В.Л. Янину, П.Г. Гайдукову)

правления в.кн. Василия I традиционной эмблемой московских князей и ставшее при в.кн. Иване III, впуке Василия I, изобразительным символом Московского государства.

Кроме перечисленных, в делопроизводстве русских князей использовались также печати, несущие на аверсе изображения, которые пока не поддаются объяснению. К числу таких сфрагистических уникалов относится одна из печатей Дмитрия Донского: на аверсе у нее помещено изображение мужской головы в короне (царь Давид?) в окружении надписи "Все сж минеть" (рис. 36, 1).

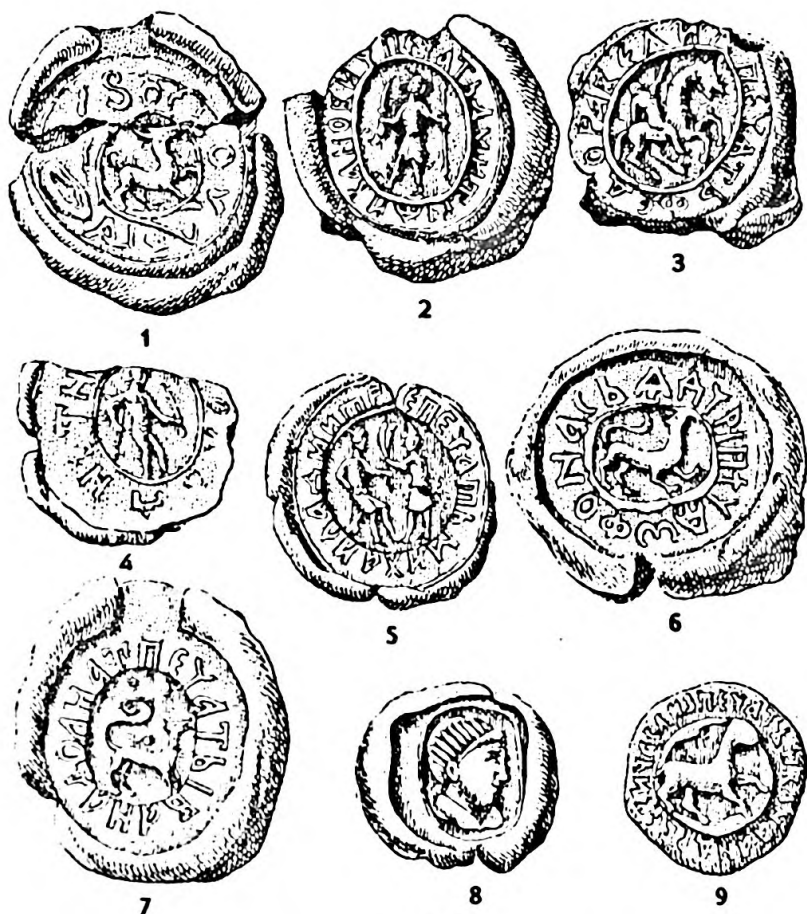

Рис.47

Печати должностных (1,4-8) и частных (2,3,9) лиц (увеличены)

- 1 — Борис Константинович Шея-Зернов, боярин в.кн.Василия I Дмитриевича;
 2 — Дмитрий Иванович Годунов, послух; 3 — Федор Вельяминович Зернов,
 послух; 4 — Иван Семенович Голова, судья; 5 — Михаил Дмитриевич
 Шапкин, судья; 6 — Афанасий Матвеевич Дуров, судья; 7 — Иван Иванович
 Далматов, разъездчик; 8 — Владимир Дмитриевич Зверев, судья, 9 — Иван
 Андреевич Слизнаев, вотчинник
 (по П.Иванову)

Вощаные печати

Вторым существенным изменением в княжеской сфрагистике, приходящемся на первую половину XIV в., является широкое распространение с этого времени вощаных перстневых печатей. Преобладают прикладные печати, хотя не редкостью являются и подвесные печати, у которых разные стороны представляют собой оттиски разных перстней, принадлежавших одному владельцу.

Рис.48

Печати митрополитов московских и Всея Руси XIV — начала XVI вв.
 1,3 — Алеский (1341-1378); 2 — Феодосий (1461-1464); 4 — Геронтий (1473-1479); 5 — Иона (1448-1461); 6 — Симон (1495-1511)
 1, 2, 4-6 — аргировулы (уменьшены); 3 — вошаная (увеличена)
 (по СГГД)

Все известные в настоящее время оттиски прикладных (в том числе — перстневых) печатей сохранились при подлинных документах. Наиболее ранними из них являются печати сыновей Ивана Калиты, Ивана II Красного (рис.38, 1) и Андрея (рис.38, 3), а также печати кн.Владимира Андреевича серпуховского (рис.38, 2, 4). Со второй половины XIV в. практика использования князьями северо-восточной Руси для скрепления документов оттисков перстневых печатей становится повсеместной:

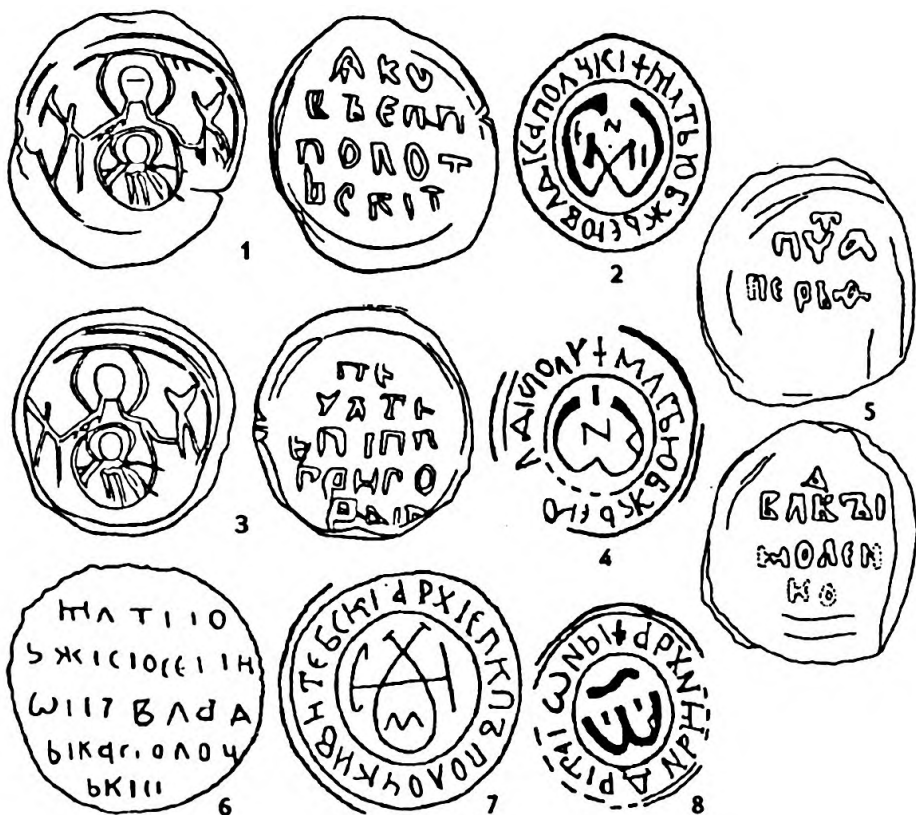

Рис.49

Печати епископов (1,2,4-9) и церковнослужителей (3)
конца XIII — начала XVI вв. (уменьшены)

- 1 — полоцкий епископ Яков (ок.1298-1300 гг.); 2 — полоцкий епископ Симеон II (70-е годы XV в.); 3 — полоцкий епископ Григорий (ок.1331 г.); 4 — полоцкий епископ Иона (1487 г.); 5 — смоленский епископ Перьф[илий] (конец XIII в.); 6 — полоцкий епископ Симеон I (1440-е годы); 7 — полоцкий епископ Евфимий (начало XVI в.); 8 — архимандрит полоцкого Никольского монастыря на Лучне Иона (1487 г.)
(по А.Л.Хорошкевич, В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

таковы печати в.кн.Василия I Дмитриевича (рис.38,5), в.кн.Софьи Витовтовны (рис.38,6), в.кн.Василия II Васильевича (рис.39,1-5), в.кн.Ивана III Васильевича (рис.40,1-4), кн.Юрия Дмитриевича галицкого (рис.41,1-3), кн.Андрея Дмитриевича Можайского (рис.41,4), кн.Петра Дмитриевича Дмитровского (рис.41,5), кн.Константина Дмитриевича Углицкого (рис.41,6), кн.Дмитрия Юрьевича Шемяки (рис.42,1,2), кн.Василия Ярославича Серпуховского и Боровского (рис.42,3-4), кн.Ивана Андреевича Можайского (рис.42,5-7), кн.Андрея Васильевича (Большого) Углицкого

Рис.50

Печати церковнослужителей XV в. (увеличены)

- 1 — Кассиан, игумен Кириллова Белозерского монастыря (1448-1465, 1466-1470); 2 — Филофей, игумен Ферапонтова монастыря (1467-1471); 3 — Нифонт, игумен Кириллова Белозерского монастыря (1476-1482); 4 — Фалелей, монастырский слуга Московского Симонова монастыря (ок.1463 г.); 5 — келарская печать Троице-Сергиева монастыря (1470-е — 1480-е гг.); 6 — Федор, старец Кириллова Белозерского монастыря (1485); 7 — Фадей, белозерский поп (1485); 8 — келарская печать Троице-Сергиева монастыря (ок.1462-1463 гг.). 1-8 — вошанные (по П.Иванову)

(рис.42,8), кн.Михаила Андреевича верейского и белозерского (рис.42,9), кн.Василия Михайловича (Удалого) верейского (рис.43,1), кн.Ивана Борисовича волоцкого (рис.43,2), кн.Федора Борисовича волоцкого (рис.43,3); кн.Бориса Васильевича волоцкого (рис.43,4); в.кн.Бориса Александровича тверского (рис.43,5); в.кн.Михаила Борисовича тверского (рис.43,6) и др. В качестве печатей использовались позднеантичные или западноевропейские геммы, заключенные в перстневую оправу, по ободку которой была вырезана легенда, включающая формулу принадлежности или, реже, формулу указания.

Печати светских должностных и частных лиц

Металлические печати

Должностные лица княжеского аппарата в XIV-XV вв. пользовались печатями разрядов IV/3, VI/3 и X/1. Особенностью печатей разряда VI/2 является помещение на аверсе печати изображения святого, тезоименитого не самому владельцу печати, а его господину: таковы печати XIV в., принадлежавшие великокняжеским тиунам (рис.44, 1, 10), служилым князьям (рис.44, 5-7), а также уполномоченным без указания должности (рис.44, 2-4, 8, 9); среди последних, как будто бы, оказываются лица, обладавшие княжеским титулом (рис.44, 9). Позднее в конце XIV — начале XV вв., должностные лица княжеского аппарата пользовались, по преимуществу, печатями эпиграфического типа (рис.45, 1-4). К XV в. относится также использование великокняжескими тиунами печатей разряда IV/3 с изображением “лютого зверя” (рис.45, 5-7).

Среди печатей разряда IV/3 особую группу составляют печати князей, принадлежащих к литовскому дому или находящихся от него в зависимости. На аверсе этих печатях помещено изображение конного мечника — традиционной с первой четверти XIV в. эмблемы Великого Литовского княжества (см., напр. воцаные печати в.кн. Витовта¹ и кн. Дмитрия-Корибута: рис.46, 5, 6). Таковы печати кн. Глеба-Наримунта (рис.46, 1, 3), кн. Патрикия Наримунтовича (рис.46, 4), а также кн. Александра Михайловича Тверского, получившего княжеский стол в Пскове “из руки” в.кн. Гедиминаса (рис.21, 2).

В связи со сказанным привлекает особое внимание печать в.кн. Василия II (рис.36, 7), на которой также помещено изображение конного мечника. Не исключено, что эта печать появилась в начальный период великого княжения Василия Васильевича, находившегося в это время в вассальной зависимости от своего деда, в.кн. литовского Витовта.

Воцаные печати

Должностные лица великокняжеского аппарата, как и князья, пользовались перстневыми печатями. Таковы печати боярина в.кн. Василия I Бориса Константиновича Шея-Зернова

¹ О принадлежности в.кн. Витовту печати, скреплявшей вторую и третью духовные грамоты в.кн. Василия I Дмитриевича, см. [Белецкий 1985; Соболева 1991: 150].

(рис.47,1), судей в.кн.Ивана III Михаила Дмитриевича Шапкина (рис.47,5), Ивана Семеновича Головы (рис.47,4), Афанасия Матвеевича Дурова (рис.47,6), Владимира Дмитриевича Зверева (рис.47,8), разъездчика Ивана Ивановича Далматова (рис.47,7) и др. Перстневыми печатями пользовались и частные лица, такие как вотчинники Иван Андреевич Слизнев (рис.47,9), Дмитрий Иванович Годунов (рис.47,2) и Федор Вельяминович Зернов (рис.47,3). Отличием печатей должностных лиц от печатей княжеских является только отсутствие княжеского титула в круговой легенде. В тех же случаях, когда легенда на печати отсутствует (напр.: рис.47,8), установить принадлежность печати можно только исходя из сведений документа, который был скреплен данной печатью.

Печати иерархов русской церкви и церковнослужителей

Печати митрополитов Московских и Всея Руси в XIV-XV вв. оформлялись стереотипно: на аверсе было помещено изображение Богоматери, а на реверсе размещалась многострочная легенда, содержащая стереотипную формулу указания имени и титула владыки (рис.48,1,2,4-6); различий в оформлении печати металлической (аргировулы) и вошаной, как будто бы, не было. Исключением является подвесная односторонняя вошаная печать митрополита Алексия (1354-1378), на которой помещено изображение святителя Николая (Николы Можайского) в рост (рис.48,3). По образцу митрополичьих печатей оформлялись и печати (как металлические, так и вошанные) епископов (рис.49,1,3), хотя в конце XIII и в конце XV в. использовались также печати эпиграфического типа (рис.49,5,6). В конце XV — начале XVI вв. получили распространение вошанные епископские печати эпиграфического типа, у которых центральная часть поля печати занята выполненным вязью именем владыки, а титул помещен в круговой надписи (рис.49,2,4,7). По образцу этих печатей оформлялись также вошанные печати архимандритов (напр.: рис.49,8).

Впрочем, большинство известных к настоящему времени сфрагистических регалий XV в., принадлежавших церковнослужителям низшего сана, представлены (кроме печатей новгородского и псковского происхождения), отгисками по воску. Среди них имеются как отгиски перстней со вставками (рис.50,1-4,6,7), так и отгиски специально изготовленных матриц (рис.50,5,8), причем сведения о должностном и социальном положении владельца печати, как правило, включались в формулу легенды.

ГЛАВА 5 СФРАГИСТИКА НОВГОРОДА XIII – XV ВВ.

Новгород – один из древнейших городов Руси, впервые упомянутый в недатированной части Повести временных лет. Город находится близ истока р. Волхов из оз. Ильмень. Центром левобережной (Софийской) стороны Новгорода является Детинец, к которому примыкали три административных района города – Людин, Загородский и Неревский концы. На правобережной (Торговой) стороне города размещались торговая площадь, княжий двор (“Ярославово дворище”), вечевая площадь и еще два городских конца – Славенский и Плотницкий. В XIV-XV вв. территория города была окружена валами и рвами Окольного города.

В конце IX – XI вв. Новгород являлся вторым по значению центром древнерусского государства, управление в котором осуществляли назначенные сюда представители великого киевского князя. На рубеже XI-XII вв. или в самом начале XII в. в Новгороде, наряду с великокняжескими представителями, появляются местные *посадники* (представители новгородской аристократии) и *тысяцкие* (представители неаристократических слоев свободного населения) – высшие должностные лица представительной власти Новгорода, избиравшиеся на вече. В 1156 г. впервые вводится процедура избрания новгородского епископа (с 1163 г. – архиепископа), и с этого времени владыка не только возглавляет новгородскую епархию, но становится также главой светского правительства Новгорода. В XIII-XV вв. Новгород и Новгородская земля признают верховным сюзереном великого князя владимирского (позднее – московского), однако отношения с князьями определяются специальными договорами. Управление в Новгороде и в Новгородской земле в эти столетия осуществляется местными чиновниками, а высшие должностные лица избираются и смещаются по решению веча. В 1478 г. Новгород был присоединен к Московскому государству.

Новгородские средневековые печати: общие сведения

Сфрагистическое собрание новгородского происхождения поражает своей масштабностью – из Новгорода происходит более половины всех средневековых русских металлических печатей. Если же не учитывать печати, сохранившиеся при документах

(более 160), а также печати, сведения о происхождении которых отсутствуют (более 250), то печати, из Новгорода, составляют более 63% всего наличного сфрагистического материала эпохи русского средневековья — более 2 тыс. ед. хр. Большая часть находок хранится в Отделе нумизматики Эрмитажа (Санкт-Петербург), в фондах Новгородского музея-заповедника, в Отделе нумизматики Российского исторического музея (Москва) и на кафедре археологии Московского Государственного Университета. Некоторые буллы находятся также в частных собраниях Санкт-Петербурга и Новгорода.

Печати XI — начала XIII вв., найденные в Новгороде, характеризуют весь спектр древнерусской домонгольской сфрагистики. Подавляющее большинство булл принадлежит к общерусским сфрагистическим типам и разрядам. Собственно новгородская республиканская сфрагистика начинает формироваться только с середины XIII в., при этом важной особенностью большинства печатей является включение в формулу легенды сведений о принадлежности регалии конкретному институту власти или же о должностном положении держателя буллотирия.

Печати высших органов власти Новгорода

Древнейшей из печатей, утверждавших документы от имени “всего Новгорода”, является булла разряда I/5, (рис. 51, 1), сохранившаяся в двух экземплярах при договоре Новгорода с Ганзой 1262-1263 г.¹ Судя по формуле легенды (“Печать всего Новгорода”), властная структура, пользовавшаяся этой печатью, выступала от лица новгородского веча, а сфрагистическая регалия была оформлена не без оглядки на оформление одновременной великокняжеской печати. (ср. рис. 30) Очевиден прокламативный характер “Печати Всего Новгорода” — скрытая попытка декларировать равенство высшего органа власти Новгородской республики великому князю.

“Печать Всего Новгорода” долгое время оставалась хронологически изолированной: между ней и большой группой т.н. “новгородских печатей” (с легендами “Новгородская печать”, “Печать новгородская” и “Печать Великого Новгорода”) существовала хронологическая лакуна. Датировка “новгородских печатей” XV в. сомнений не вызывает, подтверждаясь сохранностью

¹ Наличие двух комплектов печатей при договоре 1262-1263 г. объясняется включением в текст договора полного текста “Правды” 1189/99 г., сохранившей свое действие еще в конце XIII в.: подтверждение старой “Правды” потребовало дополнительной скрепы.

Рис.51
 Вечевые печати Новгорода XIII-XIV вв. (умнены)
 (по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

ряда булл при подлинных документах. Подавляющее большинство “новгородских печатей” относится к разряду IV/3 – на аверсе размещены изображения птицы (“орель”), хищника (“а се лють зверь”), конного или пешего воина (рис.51, 2, 3, 6-8; 52, 1-7); возможно, эти изображения связаны с кончанской эмблематикой Новгорода [Янин 1962: 366; 1970, т.2: 141-143]; известна также печать эниграфического типа (рис.51, 9). Правда, среди наиболее ранних “новгородских печатей” имеются буллы

Рис. 52
 Вечевые печати Новгорода XV в. (уменьшены)
 (по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

разряда 1/5 (рис.51,2), однако лакуна между этими печатями и “Печатью Всего Новгорода” достигает полутора столетий. На этом основании В.Л.Янин рассматривал использование “Печати Всего Новгорода” как случайный эпизод в практике новгородского делопроизводства [Янин 1970, т.2: 133], полагая, что институт власти, выступающий представителем новгородского веча, появился не ранее конца XIV в. или даже в начале XV в. Полуторастолетнюю хронологическую лакуну отчасти заполняла печать

эпиграфического типа с легендой “Новъгорочкаъ печать // и посаднича”, сохранившаяся при грамотах 1371 и 1372 г. (рис.51,5). Однако уникальный характер формулы, фиксирующей двойную принадлежность буллы (разделение формулы легенды по сторонам двусторонней буллы, а также отделение одной части формулы от другой союзом “и” свидетельствуют самостоятельный характер правового положения институтов власти, скрытых за каждой из двух частей формулы), позволял расценивать и эту печать как случайный эпизод в практике новгородского делопроизводства [Янин 1970, т.2: 133].

Между тем, на длительное непрерывное существование властной структуры, выступавшей от имени новгородского веча, указывало постоянное присутствие в начальном протоколе новгородских грамот XIII-XV вв. устойчивой формулы — “весь Новгород” (“все новгородцы”). Это позволяло предполагать, что институт власти, располагавший правом выступать от лица “всего Новгорода”, существовал непрерывно с XIII по XV вв. И такое предположение подтвердили новые находки. Две обнаруженные в последние годы печати с изображением Христа Вседержителя и легендой “(Нов)городьскаъ печать” (рис.51,3) стилистически датируются XIV в. Этим же временем датируются и новонайденные печати с формулой “Новъгорочкаъ печать // и посаднича” (рис.51,4), также оттиснутые неизвестными ранее парами матриц. Таким образом, можно определенно считать, что в структуре органов управления Новгорода на протяжении длительного времени — с середины XIII в. и вплоть до январских событий 1478 г. — существовал институт власти, представлявший “Весь Новгород”. Речь может идти о так называемом Совете Господ [Янин 1970, т.2: 125-133] — высшем органе власти в Новгороде, в состав которого входили посадники и тысяцкие. Сфрагистическая регалия Совета Господ меняла свой облик, что отражало изменение статуса скрытого за печатью органа власти, а порядок употребления печати в делопроизводстве в разные отрезки времени мог быть различным.

Среди сфрагистических регалий, принадлежавших государственным учреждениям республиканского Новгорода, известны также *печати городских концов*. Они происходят из археологических находок, а также сохранились при подлинных документах середины XV в. По образцу “новгородских печатей” оформлены только буллы Людина конца, принадлежащие к разряду IV/3: на аверсе помещено изображение воина в рост, на реверс — легенда “Печать Людина конца” (рис.53,1). Прочие печати, утверждавшие

Рис.53
 Кончанские и монастырские печати Новгорода XV в. (уменьшены)
 (по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

документы “изо всих пяти концов” Новгорода Великого, оказываются в той или иной степени связаны с новгородскими монастырями. Таковы сфрагистические регалии Загородского и Неревского концов, относящиеся к разряду VI/2 (рис.53, 4, 6): на аверсе помещены изображения св.Николая Мирликийского, а на реверсе – формула принадлежности обители (“Святого Николы в Загородском конце”, “Печать святого Николы великого конца Неревского”). Печать Славенского конца относится

к разряду II/2: на реверсе помещено изображение св. Павла Исповедника (Павлов монастырь в Славенском конце Новгорода), а на аверсе — изображение голгофского креста в окружении легенды “Печать Славенского конца” (рис.53,2). Наконец, печать Плотницкого конца, принадлежащая к разряду II/1, вообще лишена указания на кончанскую принадлежность регалии — это монастырская печать, на аверсе которой помещено изображение процветшего креста, окруженного формулой принадлежности Антонию (Богородицкому) монастырю Новгорода (“Печать Онтоновская”), а на реверсе помещено изображение Богоматери в молении (рис.53,3). Вероятно, монастыри являлись административными центрами городских концов Новгорода, а кончанская сфрагистика складывалась на основе сфрагистики монастырской [Арциховский 1945: 7,8; Янин 1970, т.2: 134-138].

Прочие монастырские печати Новгорода принадлежат, по преимуществу, к разряду VI/2: на аверсе помещено изображение святого — покровителя обители, а на реверсе размещена формула принадлежности святыне. Таковы печати Варваринского (рис.54,4), Кириллова (рис.54,5), Юрьева (рис.54,2) и Николо-Вяжищского (рис.54,6) монастырей. Печать Спасо-Хутынского монастыря (рис.54,3) также относится к разряду VI/2: на аверсе помещено изображение прпд. Варлаама Хутынского, на реверсе размещена легенда “Печать Варлаама игумена святого Спаса Хуты(нского)”. Первоначально печать, вероятнее всего, являлась личной печатью архимандрита Варлаама — игумена Спасо-Хутынского монастыря начала XV в., с инициативами которого связана местная канонизация прпд. Варлаама Хутынского (†1193), однако в третьей четверти XV в. эта печать уже использовалась как монастырская [Янин 1970, т.2: 139-141]. Печать Благовещенского монастыря (рис.53,5), относящаяся, строго говоря, к разряду V/2 (аверс — изображение композиции Благовещение, реверс — легенда “Печать Благовещенская”), по сути дела, оформлена аналогично другим монастырским печатям: аверс занят изобразительным символом, указывающим на посвящение обители, а на реверсе размещена формула принадлежности святыне. Аналогичным образом оформлена и печать Спасского монастыря в Руссе, известная только по описанию: эта печать (аверс — изображение Вседержителя; реверс — легенда “Печать святого Спаса”) формально должна быть причислена к разряду I/5, хотя ее следовало бы отнести к разряду VI/2, поскольку изобразительный символ, помещенный на аверсе, указывает на посвящение обители.

Рис.54
 Монашеские печати Новгорода XV в. (уменьшены)
 (по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

Печать Спасо-Нередицкого монастыря (рис.54, 1) принадлежит к разряду II/5: на аверсе вокруг четырехконечного голгофского креста размещено начало легенды ("Печать святого Спаса"), а окончание легенды ("Нередицкого монастыря") занимает реверс буллы. Статус этой печати отличается от статуса прочих монастырских печатей Новгорода, а ближайшее соответствие ей обнаруживается в печатях Славенского и Плотницкого конюхов Новгорода. Очевидно, что высокий статус печати связан с особым положением Спасо-Нередицкого монастыря: строительство монастырского храма по княжескому заказу и территориальная

близость обители к комплексу служб великокняжеского представительства в Новгороде позволяет предполагать, что Нередицкий монастырь выполнял административные функции, сходные с функциями кончанских монастырей: здесь могло быть сосредоточено управление территориями, находившимися в ведении князей — т.н. “княжеском домене”, существование которого в Новгородской земле фиксируется письменными источниками на протяжении всего периода независимости Новгорода.

Печати должностных лиц Новгородской республики

Среди печатей должностных лиц новгородского аппарата управления в настоящее время известны не только регалии власти высших боярских магистратов (посадники, тысяцкие), но также буллы чиновников среднего звена (тиуны, старосты). Кроме того, известны достаточно многочисленные печати, на которых должностная принадлежность владельца не указана.

Печати новгородских посадников в разное время оформлялись по-разному. Среди печатей XIV в. известны буллы с изображением на аверсе креста (рис.55, 1), Христа (рис.55, 2, 3) или святого (рис.55, 4-6). Посадничьи регалии последней четверти XIV — первой четверти XV в. по преимуществу представлены буллами эпиграфического типа (рис.55, 8, 10), а в середине — третьей четверти XV в. печати новгородских посадников, как правило, несли на обеих сторонах изображения эмблем (птица, хищник, воин) и круговые легенды, содержащие имя и титул владельца (рис.55, 7, 9).

Печати новгородских тысяцких также оформлялись по-разному. В начале XIV в. на лицевой стороне этих печатей помещается изображение святого (рис.56, 1). В последней четверти XIV — первой четверти XV в. тысяцкие пользуются печатями эпиграфического типа (рис.56, 4, 5), а в середине и второй половине XV в. сфагистические регалии тысяцких, по преимуществу, несут на одной или на обеих сторонах (рис.56, 6-9) изображения эмблем (птица, хищник, воин); в первом случае легенда в виде многострочной надписи занимала реверс буллы, во втором случае круговые легенды, содержащие имя и титул владельца, были размещены вокруг изображений. Правда, тысяцкий Андрей в начале XIV в. пользовался печатью эпиграфического типа (рис.56, 2), а тысяцкий Филипп в 1370-е годы утвердил документ печатью с изображением на аверсе тезоименитого святого

Рис. 55

Печати новгородских посадников XIV-XV вв. (уменьшены)
 (по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

(рис.56, 3), а тысяцкий Михаил Андреевич в середине XV в. использовал печать (рис.56, 6), на одной из сторон которой было, как будто бы, помещено изображение тезоименитого владельца святого (архангел = арх.Михаил?). Тем не менее, общая динамика изменения стиля сфрагистических регалий тысяцких близка динамике изменения сфрагистических регалий посадников.

Печати новгородских чиновников среднего звена представлены буллами тех же сфрагистических разрядов, что и печати

Рис.56
Печати новгородских тысяцких XIV-XV вв. (уменьшены)
(по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

высших боярских магистратов: регалии власти *соцкого* (рис.57,2) и *купеческих (?) старост* (рис.57,3,4) XIV в. принадлежат к числу булл эпиграфического типа, а *вощаная печать руского¹ посадника* (рис.57,1) первой четверти XV в., относится к разряду IV/3. Но наиболее представительной серией являются печати новгородских тиунов – лиц, облаченных различными

¹ “Посадник Руский” – посадник города Руса (совр. Старая Русса) близ впадения р.Локать в оз.Ильмень.

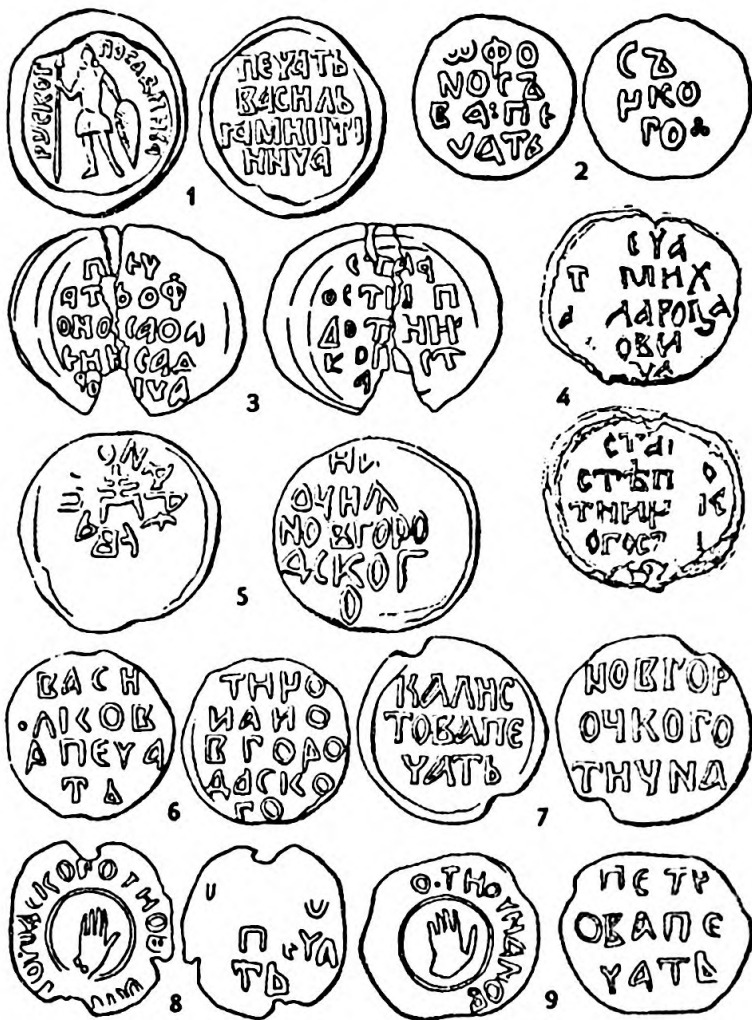

Рис.57

Печати должностных лиц Новгородской республики (уменьшены):
 1 – посадник Руссы; 2 – сочий; 3-5 – купеческие старосты; 6-9 – тиуны
 (по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

(возможно, не всегда строго фиксированными) полномочиями. Подавляющее большинство тиунских печатей принадлежит к числу булл эпиграфического типа (рис.57, 6, 7), хотя известна печать тиуна Андрея, принадлежащая к разряду II/5 (рис.57, 5), а также группа тиунских печатей разряда IV/3 (рис.57, 8, 9) с изображением на аверсе руки (перчатки?). Принятая датировка печатей новгородских тиунов охватывает конец XIII – начало XV в., и уточнению пока не поддается [Янин 1970, т.2: 111].

Рис.58

Печати должностных лиц Новгородской республики без указания должности (уменьшены)
(по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

Серийно представлены в Новгороде и именные печати без указания в легенде на должность владельца. Среди этих печатей имеются буллы, принадлежавшие посадникам (рис.58,2,6) и тысяцким (рис.58,1) [Янин 1970, т. 2: 112-122], но владельцев большинства печатей уверенно соотнести с лицами, известными по письменным источникам, не удастся. Отметим, что буллы принадлежат к тем же сфрагистическим разрядам, что и прочие

Рис.59

Печати новгородских архиепископов XIV-XV вв. (уменьшены)
(по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

чиновничьи печати Новгорода. Привлекают внимание печати, формула легенды у которых фиксирует двойную принадлежность регалии (рис.58, 7, 8) [Янин 1970, т. 2: 238]. Хотя такие печати крайне редки, они, тем не менее, представлены серией находок, и это исключает случайный характер появления булл: возможно, печати двойной принадлежности оттискивались составным комплектом матриц, когда в буллотиирии одновременно использовались две матрицы атрибутивных сторон от двух различных печатей.

Рис.60

Печати новгородских архиепископов XV-XVI вв. (уменьшены)
(по В.Л.Янину)

Печати новгородского архиепископа

подавляющее большинство печатей новгородских архиепископов относятся к разряду III/3 и являются именными сфрагистическими регалиями: на реверсе помещена многострочная легенда, содержащая имя и титул владыки (рис.59, 1-7, 9-11). Исключение составляют: вошаная прикладная печать владыки Симеона (1415-1421) с изображением благословляющей руки в окружении легенды, содержащей формулу инвокации, имя и титул владыки (рис.59, 8); печать разряда I/5 (рис.60, 1), принадлежавшая архиепископу Ионе Отенскому (1459-1470); булла владыки Евфимия I¹, относящаяся к разряду II/5 (рис.59, 10).

¹ В определении принадлежности буллы можно было бы выбирать между Евфимием I Брататым (1424-1429) и Евфимием II Вяжишским (1429-1458), но изб-

Рис.61

Анонимная печать новгородского архиепископа (1) и печати
 правительственных чиновников Новгородской республики (2-9) XIV-XV вв.
 (уменьшены)
 (по В.Л.Янину)

Всвязи с находкой печати Ефимия I принципиально важной оказывается печать разряда II/5 с формулой легенды "Печать владычня" (рис.61, 1). Время использования этой печати в делопроизводстве определено благодаря обнаружению одного из экземпляров в слое середины XIV в. [Янин 1970, т. 2:

ражение креста на аперсе печати стилистически ближе всего к изображению крестов на печатях времен святительства владыки Иоанна Хутынского (1388-1415), так что печать принадлежала, вероятнее всего, владыке Евфимию I [Янин, Гайдуков 1998а: 78].

58]. Лишенная указания на имя владыки, эта булла, как и печать Евфимия, несет на аверсе крест. Таким образом, использование в делопроизводстве новгородских архиепископов печатей с символикой суверенной (автономной) власти вряд ли можно считать случайными эпизодами. Не исключено, что речь должна идти о разных областях юрисдикции, скрытых за печатями с изображением Богоматери с одной стороны и печатями с изображением Христа или креста с другой.

Позднейшие из моливдовулов, принадлежавших новгородским архиепископам, относятся уже к XVI в. (рис.60,2,3). Заметим, что на аверсе этих печатей вместо традиционного изображения Богоматери Знамение или Воплощение помещено изображение Богоматери Печерской в окружении легенды, содержащей фрагмент богородичной литургии Иоанна Златоуста, а на реверсе размещено только имя владыки, выписанное вязью. Изображение Богоматери Печерской, впервые появившееся на печатях московских митрополитов третьей четверти XV в., в XVI и XVII вв. становится основным изобразительным символом архиерейских печатей России [Мусин 2000: 45-47] (см. ниже, глава 7), а выписанное вязью имя владыки, зафиксированное на печатях полоцких епископов и архимандритов третьей четверти XV — начала XVI в. (рис.49,2, 4, 7, 8) и на печатях псковских владычных наместников конца XV — начала XVI в. (см. ниже, Глава 6).

“Анонимные печати владычных наместников”

Наименование “анонимные печати владычных наместников” закрепилось в литературе за печатями разряда II/1. При характеристике памятников домонгольской сфрагистики уже было отмечено, что для XII-XIII вв. подобные буллы единичны, и только с рубежа XIII-XIV вв. они становятся самой представительной группой сфрагистических памятников Новгорода и Новгородской земли, оставаясь такими вплоть до конца новгородской независимости (рис.61,2-9). Большинство исследователей связывают печати разряда II/1 с абстрактными “владычными наместниками” Новгорода (напр.: [Янин 1970, т.2: 51-60; Шорин 1964: 256-267] и др.).

Высокий ранг печатей разряда II/1 подразумевает особый круг полномочий, попадающих под юрисдикцию этих сфрагистических регалий по сравнению с другими буллами иерархов русской церкви и их уполномоченных лиц. В этой связи отметим, что сфрагистический тип предполагает возможность двоякого

прочтения: печати можно расценить как атрибуты юрисдикции независимой церковной власти, то есть — независимой власти в области церковного права, но их можно расценить и иначе — в качестве регалий независимой власти, контролируемой церковью [Белецкий 1997в]. Для первой версии нет достаточных оснований, зато вторая заслуживает самого пристального внимания. Напомню, что новгородский владыка после 1158 г. подлежал избранию на вече точно так же, как подлежали вечевому избранию высшие боярские магистраты Новгорода. Точно так же, как посадники и тысяцкие, владыка мог быть смещен с должности и даже изгнан. Уже одно это свидетельствует о том, что новгородский епископ (с 1165 г. — архиепископ) находился в положении должностного лица новгородского аппарата управления, не ограничиваясь отправлением пастырских обязанностей. И так, как санкция владыки была обязательной для придания законности вечевым решениям, вероятной представляется мысль о том, что новгородский архиепископ в правовом отношении являлся первым должностным лицом новгородских структур государственного управления. Ключевые позиции в области управления давало владыке также председательское кресло в Совете Господ [Мартышин 1992: 219].

Таким образом, рассматриваемый сфрагистический разряд употреблялся в делопроизводстве, связанном с теми полномочиями новгородского архиепископа, которыми он обладал в качестве высшего должностного лица Новгородской республики. В XII-XIII вв. подобной печатью скреплялись единичные документы, требовавшие непосредственного участия владыки, а на рубеже XIII-XIV вв. произошли изменения структуры управления, материализовавшиеся появлением штата должностных лиц, несущих не персональную, а должностную ответственность за совершенные юридические действия и обладающих при этом полномочиями в самых разных областях делопроизводства — от утверждения частных актов и до скрепления международных договоров. Очевидно, что называть печати разряда II/I регалиями власти абстрактных “владычных наместников” явно недостаточно: определение “анонимные печати владычных наместников”, прочно укрепившееся в литературе, автоматически отождествляет держателей буллотириев с епархиальными чиновниками, в то время как речь должна идти о чиновниках правительственного аппарата Новгорода Великого.

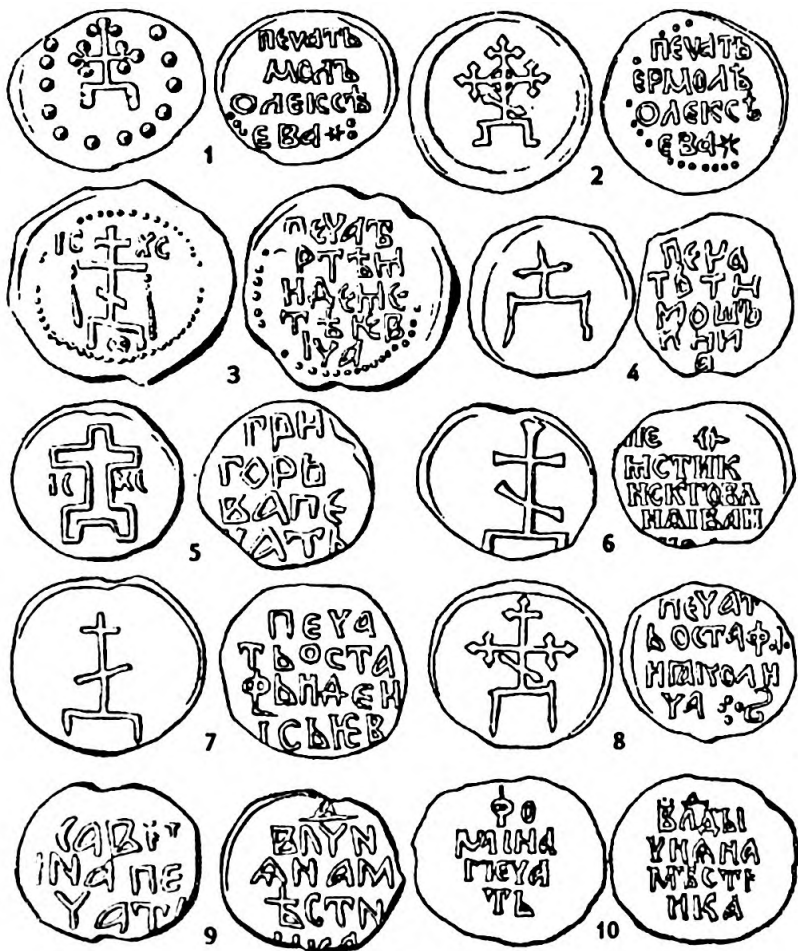

Рис.62

Печати двинских наместников XV в. (1-8) и епархиальных чиновников Новгородской республики XIV-XV вв. (9,10) (уменьшены)
(по В.Л.Янину)

Печати двинских наместников

Печати двинских наместников традиционно рассматриваются в литературе в качестве сфрагистических регалий епархиальных чиновников Новгорода. Буллы принадлежат к разряду II/5 и датируются XV в. Многие из них сохранились при подлинных документах. Однако в большинстве случаев легенда содержит формулу принадлежности, включающую только имя держателя буллотирия (рис.62, 1-5, 7, 8), так что считать владельцев печатей

Рис. 63

Печати епархиальных чиновников Новгородской республики XIV-XV вв. 1-4 — печати ладожских наместников; 5-10 — печати новоторжских наместников (уменьшены) (по В.Л.Янину, П.Г.Гайдукову)

именно епархиальными, а не правительственными чиновниками Новгорода, вряд ли правомерно (ср.: [Янин 1970, т. 2: 84]).

При подлинных двинских грамотах сохранились также печати разряда II/5, легенда которых содержит сведения не только об имени, но и о статусе владельца — “наместник владычный” (рис.62,б); эти печати определенно принадлежали чиновникам Софийской кафедры.

Печати епархиальных чиновников

Печати, безусловно принадлежавшие чиновникам Софийской кафедры, представлены в сохранившемся сфрагистическом материале буллами новоторжских и ладожских наместников, а также буллами, в формуле легенды которых отсутствует указание на территориальную принадлежность держателей буллотирия. *Печати новоторжских наместников* относятся к разряду VI/2 (рис.63,5-10): на аверсе помещено изображение святого, тезоименитого новгородскому архиепископу, а на реверсе размещена легенда, содержащая указание на должностную принадлежность владельца буллы. Судя по изображению на аверсе, полномочия новоторжских наместников определялись непосредственно новгородским архиепископом, личными представителями которого были наместники. Известны печати времен архиепископов Давида (1309-1325), Моисея (1326-1330, 1352-1359), Василия Калики (1331-1352), Алексия (1360-1388), Иоанна Хутынского (1389-1415) и Евфимия I Брататого (1424-1429) [Янин 1970, т. 2: 61-66]. Рядом с изображением святого иногда помещено имя, не соответствующее изображению (Сава, Микита) и, возможно, обозначающее имя наместника [Янин 1970, т. 2: 62]. Отметим, что у ряда печатей в центральной части реверса между букв надписи помещено изображение креста (рис.63,5,7). Интересно также, что матрицы печати новоторжского наместника времен архиепископа Василия Калики (1331-1352) переделаны из матриц, первоначально изготовленных для печати разряда II/1 — изображение св.Василия Кесарийского переделано из изображения Богоматери, а буквы легенды размещены вокруг голгофского креста (рис.63,7) [Янин 1970, т. 2: 63-64].

Древнейшие из дошедших до нас *печатей ладожских наместников* датируются концом XIII в. и относятся к разряду VI/2 (рис.63,1): на аверсе помещено изображение св.Климента, тезоименитого архиепископу Клименту (1274-1299), а на реверсе размещена легенда, содержащая указание на статус владельца буллы. Однако в XIV в. тип наместничьей регалии меняется — на смену буллам разряда VI/2 приходят буллы разряда II/5 (рис.63,2,3): легенда на реверсе сохраняет прежнюю формулу, а на аверсе размещено изображение креста в окружении надписи, содержащей имя и титул новгородского архиепископа. Очевидно, что в это время статус ладожского наместника изменился — чиновники, первоначально являвшиеся личными представителями новгородского владыки, получили заметно большую

самостоятельность в своих действиях, сохранив в то же время принцип должностной ответственности за совершавшиеся юридические действия. Позднейшие из печатей ладожских наместников, относящиеся к XV в., лишены круговой надписи на аверсе, зато в формуле легенды на реверсе появляется имя наместника (рис.63, 4), что переводит буллу в разряд именных, указывая на новое изменение в положении держателя буллотирия: на смену должностной ответственности приходит ответственность персональная [Белецкий, Петренко 1994: 189-193]¹. Очевидно, что полномочия ладожских наместников первоначально совпадали с полномочиями наместников новоторжских, а затем постепенно изменялись и к XV в. уже соответствовали полномочиям двинских владычных наместников.

Среди печатей новгородских епархиальных чиновников известны немногочисленные буллы эпиграфического типа (рис.62, 9, 10), формула легенды у которых включает сведения об имени и статусе владельца, но не содержит указания на место службы чиновника. Все известные печати такого типа утратили связь с документами еще в древности, так что установить место службы владельца не удастся.

Городищенский архив Новгорода (предварительные замечания)

Как уже отмечалось, по своему происхождению новгородское сфрагистическое собрание неоднородно. С территории новгородского ("Рюрикова") городища или с берегов Сиверсова канала, при рытье которого часть городища была уничтожена, происходит 37% всех печатей из Новгорода. Значительная

¹ В.Л.Янин и П.Г.Гайдуков [1998а: 79-83] опубликовали несколько новых экземпляров печатей ладожских наместников лучшей, по сравнению с предыдущей публикацией сохранности, и это позволило уточнить предварительные персонафикации ряда булл. Однако на предлагавшуюся мною схему развития сфрагистической регалии ладожских наместников новонайденные буллы, вопреки мнению оппонентов, влияния не оказали: в любом случае, наиболее ранними печатями ладожских наместников остаются буллы разряда VI/2, им на смену приходят буллы разряда II/5, в легенде на которых имя наместника отсутствует, а завершает линию развития регалии именная булла разряда II/5, датировать которую началом XIV в. можно только при очень большом желании: контурная передача изображения креста находит себе соответствие в печатях начала XV в., а пикообразные завершения мачты креста и концов перекладины находят себе соответствие в изображениях крестов на печатях разряда II/1, относящихся к периода святительства архиепископов Алексия, Иоанна, Симсона, Феодосия и Ефимия I [Янин 1970, т. 2: 57]. Сказанное позволяет мне остаться при прежней версии развития регалий.

часть новгородских булл (более 48 %) топографически в пределах города не локализована. Вне городищенского комплекса найдено около 300 печатей, то есть — 15 % от общего количества. Часть из этих булл обнаружена в Новгородском кремле или близ городских монастырей; эти буллы, вероятнее всего, скрепляли документы, хранившиеся в ведомственных (владычном, монастырских) архивах Новгородской республики. Однако большинство печатей, найденных за пределами городища, обнаружено при раскопках городских кварталов средневекового Новгорода или же происходит из случайных находок в черте города; именно эти печати утверждали документы, хранившиеся, по меткому выражению В.Л.Янина, “за иконой или в ларце горожанина” [Янин 1970, т.1: 157].

Традиционно считают, что находившееся на городище обширное собрание документов, остатками которого являются печати, принадлежало новгородским князьям. Правда, эта гипотеза никем всерьез не доказана и опирается на общеисторические соображения: городище являлось резиденцией князя и его аппарата, здесь, следовательно, должен был размещаться комплекс служб княжеского двора, в числе которых, таким образом, был и обширный архив [Янин 1970, т.1: 157]. Очевидно, что в обоснование вывода о принадлежности городищенского архива князьям положена “цепочка наведений”¹ — далеко не самый надежный из существующих в науке принципов аргументации. Высказывалась также альтернативная гипотеза, согласно которой городищенский комплекс печатей представляет собой остатки республиканского архива Великого Новгорода, продолжавшего функционировать после присоединения Новгорода к Москве, а в конце XVI в. вывезенного за ненадобностью на городище, оставленного там без присмотра и со временем погибшего [Шаскольский 1972: 213-228]. Существование двух различных гипотез относительно принадлежности архива связано с тем, что до настоящего времени не предпринимались попытки проанализировать собственно городищенский сфрагистический комплекс.

Оценить состав и хронологию городищенского архива можно путем сравнения² трех сфрагистических комплексов: 1)

¹ “Цепочка наведений” — понятие, использованное Н.П.Лихачевым и обозначающее систему доказательств, при которой каждая новая гипотеза опирается на сумму предыдущих гипотез, причем последние рассматриваются уже в качестве установленных фактов.

² При анализе городищенского архива не учитываются находки пломб, подавляющее большинство которых до настоящего времени не опубликовано.

Рис.64

Домонгольские печати Новгорода. Сравнительные характеристики массовых (10 экз. и более) сфрагистических разрядов

1 — печати с изображениями святых на обеих сторонах; 2 — печати греко-русского типа с изображением святого, тезоименитого владельцу; 3 — печати с изображением святого, тезоименитого владельцу и легендой типа “Господи, помози”; 4 — печати с изображениями композициями и святого; 5 — печати греко-русского типа с изображением святого, нетезоименитого владельцу; 6 — печати епископов и архиепископов; 7 — печати с изображениями эмблемы (княжеского знака) и святого; 8 — печати с изображениями креста и святого; 9 — печати с изображениями парных святых и святого

печати, безусловно найденные на городище или на берегах Сиверсова канала, 2) печати, безусловно не связанные с городищенским комплексом и 3) печати, места находок которых в черте Новгорода не установлены. Сравнение трех комплексов по составу серийно представленных печатей домонгольского времени показывает (рис.64), что качественный состав их одинаков, однако количественные характеристики различаются. Очевидно, что разнотипные документы домонгольского времени были по-разному представлены в городищенском архиве и в городских кварталах Новгорода. При этом ни состав городищенского комплекса печатей, ни состав комплекса печатей, безусловно найденных вне городища, не находят себе соответствия в составе сфрагистических находок, в черте Новгорода не приуроченных.

Еще отчетливее различия между тремя сфрагистическими комплексами прослеживаются по составу серийно представленных печатей XIII-XV вв. (рис.65). Как и в случае с домонгольскими печатями, качественный состав всех трех комплексов одинаков, а количественный принципиально различается. Очевидно, что формирование городищенского архива и домашних архивов горожан происходило по разным законам.

Заметим, что количественные характеристики и домонгольских печатей, и печатей XIII-XV вв., не приуроченных в черте Новгорода, сколько-нибудь отчетливой картины не дают, так что среди нелокализованных печатей явно присутствуют как буллы, найденные на городище, так и буллы, не имеющие отношения к городищенскому комплексу. Следовательно, для характеристики архива нельзя использовать печати, места находок которых в пределах Новгорода и его округи не установлены. Разумеется какая-то часть этих находок также происходит с городища¹, однако отмечавшаяся в литературе “фактурная разница” между буллами с городища и прочими новгородскими печатями [Янин 1970, т. I: 7] — характеристика слишком субъективная, чтобы на ее основе делать уверенные выводы: при изучении состава и хронологии городищенского сфрагистического комплекса

¹ “Заметным недостатком лихачевского собрания (печатей — С.Б.) является отсутствие точной документации его материалов. Паспорта печатей ограничены указанием общего места находки: “Новгород”, “Киев” и т.д. Однако очевидно, что подавляющее большинство булл происходит из Новгорода, а подавляющее большинство новгородских булл — с Городища” [Янин 1970, т. I: 7].

Рис.65

Печати Новгорода XIII-XV вв. Сравнительные характеристики массовых (15 экз. и более) сфрагистических разрядов

- 1 — печати с изображениями эмблемы и святого; 2 — печати с изображением святого, тезоименитого владельцу; 3 — печати новгородских тиунов; 4 — печати с изображениями Христа и святого; 5 — печати с изображениями святых на обеих сторонах; 6 — “Печати новгородские” и “Печати Великого Новгорода”; 7 — печати с изображениями креста и Богоматери; 8 — печати новгородских архиепископов; 9 — печати новгородских посадников; 10 — печати с изображением святого, тезоименитого владельцу; 11 — печати новгородских тысяцких; 12 — печати великокняжеских тиунов

следует опираться только на печати, безусловно найденные на городище¹.

Древнейшие печати, найденные вне комплекса городищенского архива, датируются рубежом X-XI и первой половиной XI в., а позднейшие принадлежали в.кн. Ивану III Васильевичу (†1505). Таким образом, письменные документы, скрепленные подвешными металлическими печатями, поступали в Новгород на протяжении более пяти столетий.

Начало формирования комплекса документов, составлявших городищенский архив, можно определенно датировать рубежом XI-XII вв.: об этом свидетельствуют находки печатей, принадлежавших в.кн. Владимиру Мономаху (†1125) и протопроедру Евстафию, главе боярского совета при кн. Мстиславе Владимировиче в период новгородского княжения последнего (1088-1094, 1096-1117)². На вероятность того что архив начал формироваться не позднее рубежа XI-XII вв., указывают также находки печатей Ратибора — тмутараканского наместника, киевского тысяцкого, одного из ближних бояр в.кн. Всеволода Ярославича (†1093), а затем и его сына, Владимира Мономаха: деятельность Ратибора началась в 70-е годы XI в. и завершилась во втором десятилетии XII в.³ Позднейшие из поступивших в городищенский архив документов были скреплены печатями Ивана III, занимавшего московской стол в 1462-1505 гг., однако единичность найденных печатей по сравнению с количеством известных печатей его отца и деда, свидетельствует, что документы, скрепленные печатью Ивана III, поступали в состав архива далеко не весь период княжения последнего; по-видимому, речь может идти о первых годах пребывания Ивана III на великом московском княжении.

Состав печатей, утверждавших городищенские документы, достаточно пестрый. В XII-XIII вв. в архив попадали документы,

¹ Разумеется, далеко не все городищенские печати скрепляли документы, хранившиеся в одном и том же архивохранилище. Как показали раскопки последних лет, в жилых постройках XII в. на городище также найдены печати, так что какая-то часть городищенских булл связана с документами, находившимися в домашних архивах людей, живших на территории городища (пользуюсь случаем поблагодарить Е.Н. Посова и К.А. Михайлова, сообщивших мне сведения о ситуации находки печатей при раскопках Рюрикаова городища). Однако установить, какие именно из булл, найденных за десятилетия собирательской деятельности на территории городища, принадлежат именно к разрушенному архивохранилищу, а какие — нет, теперь уже невозможно, так что городищенские находки приходится рассматривать как единый сфрагистический комплекс.

² См. Главу 3.

³ См. Главу 3.

скрепленные князьями и чиновниками княжеского аппарата, посольские верительные грамоты, грамоты, утвержденные иерархами церкви, новгородскими посадниками и ктиторами монастырей. Во второй половине XIII-XV вв. в составе архива оседали документы, скрепленные князьями, чиновниками княжеского аппарата, новгородскими архиепископами и чиновниками Софийского аппарата, посадниками, тысяцкими и тиунами, а также правительственными чиновниками Новгорода. Очевидно, что архив хранил документы, утвержденные должностными лицами самого разного уровня — от новгородских тиунов до великих князей. Наряду с буллами должностных лиц, осуществлявших управление в Новгороде и Новгородской земле, в составе архива серийно представлены печати лиц, не имевших прямого отношения к новгородским властным структурам. Иными словами, городищенский архив формировался не только за счет актов, утвержденных печатью в самом Новгороде, но также и из числа актов, определенно поступавших в Новгород извне.

Разнообразие документов, составляющих архив и различные источники поступления документов “на вечное хранение” свидетельствуют о том, что мы имеем дело не с архивом великокняжеских чиновников и не с ведомственным архивом одной из властных структур Новгорода, а с пестрым собранием разновременных документов, среди которых были многочисленные акты, связанные с внутренним управлением Новгородской республики, а также документы межгосударственных отношений. Можно догадываться, что до нас дошли следы далеко не всего разнообразия документов, составлявших архив: в подъемном материале на городище собраны только металлические печати, в то время как не только западные соседи Новгорода, но также митрополичья и великокняжеская канцелярии Москвы в XV в. уже почти полностью перешли на печати вошанные, сохранявшиеся лишь до тех пор, пока сохранялись сами документы. Вероятность того, что в составе городищенского собрания документов могли быть акты, утвержденные вошанными печатями, достаточно высока.

Таким образом, начало формирования городищенского архива относится к рубежу XI-XII вв. и совпадает по времени с появлением в Новгороде выборных посадников [Янин 1962], то есть — принципиально нового института власти, положившего начало сложению будущего республиканского устройства Новгородской республики. Поступление документов в архивохранилище продолжалось на протяжении четырех столетий и завершилось незадолго до присоединения Новгорода к Москве.

Долговременный характер формирования архива и пестрота документов, накопленных в его составе свидетельствуют о том, что обширное собрание городищенских печатей не может быть ничем иным, кроме как остатками государственного архива Новгородской республики.

Изучая русские средневековые архивы, академик Л.В.Черепнин [1948: 225-239] убедительно доказал, что государственный архив Новгородской республики в Москву вывезен не был: сохранившиеся до нашего времени подлинные новгородские документы XIII-XV вв. первоначально находились в тверском княжеском архиве и были вывезены в Москву после потери Тверским княжеством самостоятельности (1485 г.). Черепнин полагал, что “новгородский государственный архив погиб и вряд ли случайно. Возможно, что его намеренно уничтожила московская рука, не желая хранить те документы, которые не отвечали политическим позициям Москвы конца XV в.” [Черепнин 1948: 353]. В свете изложенного, такое предположение весьма вероятно, хотя, возможна и иная версия гибели архива: в конце 1460-х или начале 1470-х годов, когда опасность потери новгородской независимости стала реальностью, государственный архив Новгорода, мог быть вывезен за пределы территории города и укрыт на городище; впоследствии сведения о месте сокрытия архива оказались утрачены в связи с депортацией или же из-за физического уничтожения лиц, знавших о местонахождении архива, а спрятанные на городище документы, остались, подобно монетным и монетно-вещевымкладам, неотребованы.

ГЛАВА 6 СФРАГИСТИКА ПСКОВА XIV – XV ВВ.

Псков находится на северо-западе России близ границ с Эстонией, располагается при впадении в р. Великую ее правого притока Псковы. Впервые упомянутый на страницах летописи под 903 г., город Псков входит в число десяти древнейших городов России, основанных в конце IX в. Вдомонгольское время город город и его округа периодически входили в состав Новгородской земли. В 1307 г. Псков в одностороннем порядке объявил о выходе из под юрисдикции Новгорода, однако новгородцы признали за псковичами право самоуправления только в 1342 г. (т.н. “Болотовский договор”, впервые упомянутый в летописи под 1348 г.). Вплоть до 1468 г. Псков являлся столицей небольшого государства с республиканской формой правления, после 1468 г. перешел на положение протектората в.кн.Ивана III Васильевича, а в 1510 г. был окончательно присоединен к Москве.

Псковские средневековые печати: общие сведения

Коллекция металлических печатей из Пскова в настоящее время приближается к 800 экз. Большая часть находок хранится в Отделе истории русской культуры и Отделе нумизматики Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург), а также в фондах Псковского музея-заповедника (Псков), единичные буллы находятся также в Отделе нумизматики Российского исторического музея (Москва) и в частных собраниях Санкт-Петербурга и Пскова.

Печати домонгольского времени сравнительно немногочисленны и принадлежат к общерусским сфрагистическим типам. Собственно псковская сфрагистика начинает формироваться только с XIV в. Однако, в отличие от республиканских печатей Новгорода, в легендах на большинстве печатей Пскова XIV-XV вв. отсутствуют указания на принадлежность регалий, так что соотнесение различных сфрагистических разрядов с известными по письменным источникам институтами власти Псковской республики представляет определенную трудность. Принадлежность республиканских печатей Пскова удастся установить благодаря сведениям Псковской Судной грамоты (ПСГ) — важнейшего источника по истории властных структур Пскова последней трети XV в. [ПСГ 1914; Алексеев 1997].

Вечевые печати Пскова

Вече — высшая инстанция представительной власти в Пскове, властная структура, выступающая от лица “Господина Пскова”, правомочная осуществлять административную деятельность и судопроизводство в тех областях, которые неподсудны другим судебным инстанциям (преступления, перечисленные в ст. 5 ПСГ)¹. В сохранившихся международных договорах Пскова конца XV в. есть сведения о том, что “за всю Псковскую державу” к грамотам привешивалась “Печать Святой Троицы”. Это дало возможность установить, что вечевой печатью республиканского Пскова являлись т.н. *троицкие печати* — буллы разряда III/3, на аверсе у которых помещено изображение Богоматери Знамение, а на реверсе размещена легенда “Печать Троицка” или “Печать Стыж Троица” (рис.66, 8, 9). У позднейшей из троицких печатей на аверсе имеется круговая легенда “Печать [Господарства Пск]овскога” (рис.66, 9).

Изображение Богоматери на аверсе вечевых печатей Пскова XV в. вызывает удивление: такой изобразительный символ характерен для архирейской сфрагистики средневековой Руси, считать же Псковскую боярскую республику теократическим государством нет оснований. Решение загадки было получено при изучении псковских печатей разряда II/1 (рис.66, 1-7). Ранние буллы этого разряда по своему оформлению аналогичны новгородским печатям, однако отличаются от них по матрицам, так что буллотипии псковских печатей разряда II/1 наверняка изготавливались в самом Пскове. Связующим звеном между псковскими печатями разряда II/1 XIV в. и печатями троицкими XV в. являются буллы рубежа XIV-XV вв., на аверсе у которых имеются колончатые надписи “Троіц(ка)” (рис.66, 5) или “Печ(а)ть Троіц(ка)” (рис.66, 6, 7), размещенные по сторонам от креста. Таким образом, троицкие печати оказываются производных от новгородских печатей с изображениями креста и Богоматери.

В том, что вечевые печати Пскова XV в. восходят в своем оформлении к печатям правительственных чиновников Новгорода, нет ничего удивительного: Псков долгое время входил в состав Новгородской земли и только после подписания Болотовского договора (1342 г.) получил права автономии. Очевидно, после Болотовского договора псковские степенные посадники,

¹ Разбивая ПСГ на статьи по Ю.Г.Алексееву [1980].

Рис.66
 Вечные печати Пскова (уменьшены)
 (по С.В.Белецкому, И.О.Колосовой)

утверждавшие документы от лица веча, были в правовом отношении приравнены к новгородским правительственным чиновникам и начали представлять Псков перед Новгородом точно так же, как в назначенные из Новгорода в Псков в предшествующий период правительственные чиновники представляли Новгород перед псковичами.

Печати Господы

Господа, по данным ПСГ, являлась судебной коллегией в составе князя, посадника и сотского и осуществляла функции

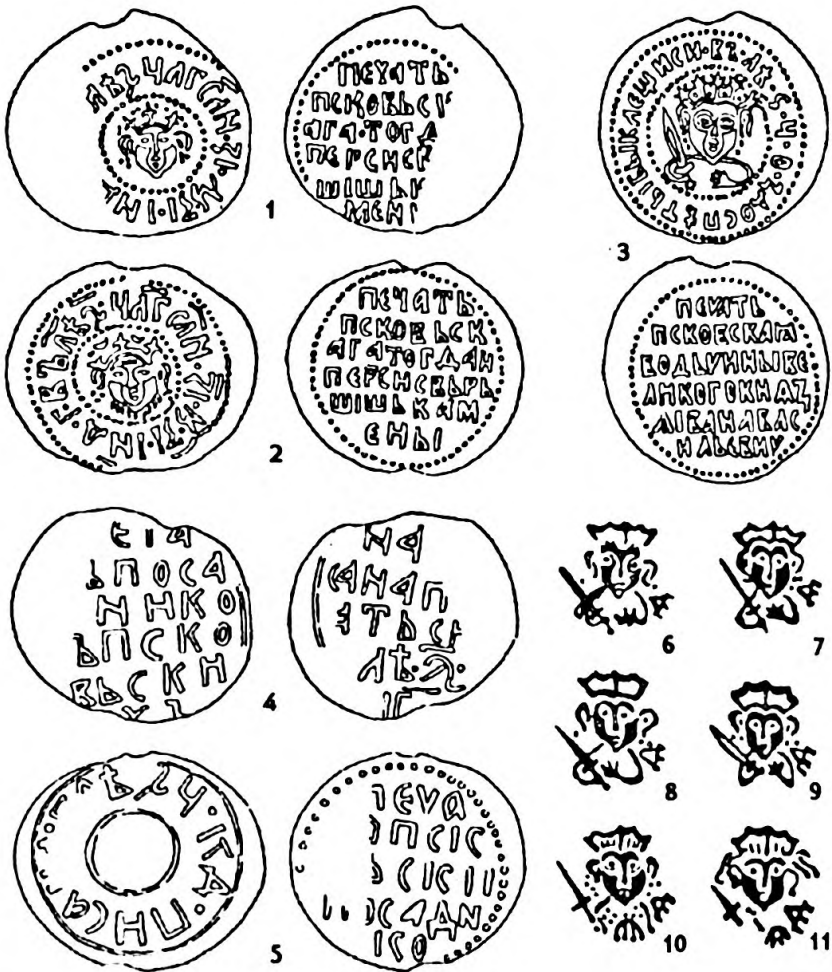

Рис.67

Печати псковские (1-3) и печати псковских посадников (4,5). Изображения на псковских монетах (6-11). 1-5 — уменьшены, 6-11 — увеличены (по В.Д.Белецкому, С.В.Белецкому, А.С.Мельниковой, И.О.Колосовой)

исполнительной власти Пскова, в том числе — судопроизводство по уголовным и большинству гражданских дел. С деятельностью псковской Господы могут быть связаны т.н. *печати псковские* — количественно самая представительная сфрагистическая группа Пскова XV в., объединяющая печати разряда IV/3. На аверсе у ранних булл помещено изображение мужской головы в короне, окруженное надписью “Влѣ(то) 6924, с(о)лн(ца круг) 17, л(у)н(ы круг) 17, инд(икта) 3”, на реверсе размещена легенда, содержащая, кроме формулы принадлежности, также

текст летописного типа — “Печать псковская, тогда и Перси свършышь камены” (рис.67, 1-2). Дата, содержащаяся в круговой легенде на аверсе печати 6933 г., обозначает время введения сфрагистической регалии в делопроизводство (1424/25 г.), соотношенное с завершением масштабных строительных работ по переустройству “здания псковского веча”¹ (1420-1424 гг.).

В 1468 г. печать псковская подверглась “редактированию”: на аверсе новой буллы (рис.67, 3) было помещено изображение мужской головы в короне, из подбородка у которой растут тонкие ручки, в правой руке меч; вокруг изображения размещена надпись “Въ лѣ(то) 6977 доспе(ты) бы(ша) клещи си(и)”, то есть — “В 1468/69 году был изготовлен данный буллотирый”; на реверсе разместилась формула принадлежности — “Печать псковская вотьчины великого князя Ивана Васильевич(а)”. Очевидно, что введение нового типа печати псковской (*печать 6977 г.*) материализовало собой юридическое признание Псковом зависимости от в.кн. Ивана III.

Изображение на печатях 6933 и 6977 гг. находит себе соответствие в изображениях на аверсе псковских монет XV в. Помещенная на ранних псковских монетах рядом с этим изображением монограмма букв *Д* и *Т* (рис.67, 6-11), по мнению большинства исследователей, является сокращением от имени “Довмонт-Тимофей”². Литовец Довмонт, крещеный Тимофеем, был псковским князем в последней трети XIII в., а уже в середине XIV в., то есть — всего через несколько десятилетий после смерти (+1299), он был признан месночтимым святым и воспринимался горожанами как святой покровитель Пскова. Таким образом, изображение “князя” на монетах и печатях стало фактическим образительным символом Псковской боярской республики XV в.

Печати псковских посадников

Посадник, по данным ПСГ, являлся высшим должностным лицом в структуре органов представительной власти

¹ Перси — подковообразная в плане южная крепостная стена Псковского кремля, внутреннее пространство которой было занято вечевой площадью города.

² По своему оформлению аверс псковских монет чрезвычайно близок оформлению реверса древнейших монет России — златников и сребреников Владимира I Святославича (+1015) [Сотникова 1995: 173, 177]. Однако считать знак на псковских монетах аналогичным княжескому знаку, размещенному над плечом “князя” на монетах Владимира Святославича, не приходится: к моменту начала псковской монетной чеканки древнерусские княжеские знаки в форме двузубцев и трезубцев (т.п. “знаки Рюриковичей”) уже полтора столетия как вышли из употребления.

республиканского Пскова: он обладал правом законодательной инициативы, являлся членом Господы, но был также уполномочен осуществлять особое от “княжого суда” судопроизводство. Печати псковских посадников — единственная группа печатей Пскова XV в., в легенде на которых указана должностная принадлежность держателей буллотирия. Все известные посадничьи печати относятся к эпиграфическому типу. Наиболее ранняя из них (рис.67,4) содержит в тексте легенды формулу принадлежности и дату, обозначающую время введения печати в делопроизводство — 6913 г.(1404/05). К более позднему времени относится печать (рис.67,5), на реверсе у которой помещена формула принадлежности, а на аверсе размещена круговая надпись, содержащая дату — 6924 г.(1415/16).

Стилистические различия между оформлением матриц аверса и реверса у *печати 6924 г.* указывают на то, что матрицы разновременны, причем более ранней из них является матрица реверса, стилистически близкая печатям псковским. В этой связи обращает на себя внимание пустой кружок в центре аверса печати 6924 г. — в этом месте на печатях 6933 и 6977 гг. было размещено изображение “князя”. Можно предполагать, что первоначально печать 6924 г. была эмблематичной¹; в процессе использования булла, очевидно, прошла редактирование, при проведении которого с нее была “снята” республиканская эмблема. Если лишение печати эмблематичности свидетельствует о понижении статуса института власти, то наиболее вероятным временем редактирования печати 6924 г. являются события 1468/69 г. — момент признания Псковом вотчинности к великому московскому князю.

Печати владычных наместников Пскова

Епископская кафедра в Пскове была основана только в XVI в. В период существования Псковской республики Псков и Псковская земля находились в составе Новгородской епархии и в церковном отношении подчинялись новгородскому владыке, представителем которого в Пскове являлся владычный наместник — высшее должностное лицо в структуре органов церковной власти Пскова, правомочный осуществлять независимое судопроизводство по делам церкви или лиц, связанных с церковью.

¹ На это указывает также описание посадничьей печати, сохранившейся в копии XVII в. с грамоты XV в.: “А у данной печать свищовая вислая, а на одной стороне глава челоука, а на другой стороне *печать посадничья псковская*” (курсив мой — С.Б.) [Марасникова 1966: 61, №21].

Рис.68

Печати владычных наместников Пскова (уменьшены)
(по В.Д.Белецкому, С.В.Белецкому, И.О.Колосовой)

По условиям Болотовского договора (1342 г.), псковский владычный наместник избирался из числа псковичей и, фактически, представлял не владыку перед Псковом, а Псков перед владыкой. Эта особенность церковного управления в Пскове существовала не только на протяжении всего периода существования Новгородской республики, но сохранялась вплоть до окончательного присоединения Пскова к Москве (1510 г.). Единственным исключением стал короткий — между 1437 и 1442 гг. — период, когда церковное управление в Пскове осуществлял псковский архимандрит, являвшийся представителем не новгородского архиепископа, а непосредственно московского митрополита.

Особенностью наместничьих печатей Пскова является размещение на аверсе буллы изображения композиции Ветхозаветной Троицы, символизирующее главную святыню Пскова — собор Св.Троицы в Псковском кремле. Древнейшей из дошедших

до нашего времени печатей псковских владычных наместников является булла начала XIV в., несущая на реверсе формулу “Плесковъшкаг(о) намешник(а)” (рис.68,1). После признания Новгородом в 1342 г. независимости Пскова, ей на смену пришла печать с легендой “Печать архиеп(иско)па Новгородьско-го” (рис.68,2), свидетельствующая о том, что “представителем Святой Троицы” с этого времени стал уже не епархиальный чиновник, а сам новгородский архиепископ (в лице своего псковского наместника). В годы святительства новгородского архиепископа Симеона (1415-1421) формула легенды на наместничьей печати Пскова претерпевает новые изменения — теперь в нее включается не только титул, но и имя владыки.

От короткого периода существования в Пскове архимандритии, подчиненной московскому митрополиту Исидору, до нас дошел фрагмент наместничьей печати, на аверсе у которой было помещено изображение Ветхозаветной Троицы, а на реверсе легенда “(Григ)риа, (наме)стник(а ми)тропо(лита...)” (рис.68,4). Показательно, что при традиционном оформлении аверса сфрагистической регалии легенда на ней принципиально отличается от легенды на наместничьих печатях предшествующего времени: формула включает титул и имя наместника, что свидетельствует не только о должностной, но и о персональной ответственности держателя буллотирия за совершавшиеся им юридические действия.

После 1442 г. Псков и Псковская земля вновь перешли под контроль новгородского архиепископа. В это время печать псковского владычного наместника претерпела новое изменение: в титул новгородского архиепископа было включено упоминание Пскова (рис.68,3,5,7). Теперь особенностью делопроизводства псковской канцелярии владычных наместников стало использование двух типов печати — постоянной (матрицы которой привозили из Новгорода) и временной, применявшейся в периоды от избрания на Софийскую кафедру нового владыки и до первого посещения (т.н. “подъезда”) владыкою Пскова. Особенностью временной печати являлось изготовление в Пскове новой матрицы реверса (с легендой, содержащей имя и титул нового владыки) при сохранении матрицы аверса от старой печати, утратившей со сменой владыки юрисдикцию. Временная печать могла использоваться достаточно длительное время (до нескольких лет), а в периоды кратковременного святительства архиепископов Сергия (конец 1483 — июнь 1484 гг.) и Серапиона I (1506-1509 гг.), не успевших совершить в Псков традиционную визитацию, постоянной печати у владычных наместников Пскова не было.

Рис. 69

Пригородские печати Пскова (уменьшены)

1, 2 — Остров; 3, 4 — Изборск; 5 — Воронач; 6 — Велье; 7 — Красный городок;
8-10 — Юрьев (по С.В.Белецкому, Л.Е.Грушиной, В.И.Кильдюшевскому)

Пригородские печати Пскова. Печати Юрьевские

Среди печатей Псковской республики XIV-XV вв. имеется группа так называемых *пригородских печатей*, объединяющая разнотипные буллы, легенда на которых прямо или косвенно указывает на принадлежность сфрагистической регалии одному из псковских пригородов. В настоящее время из 12 псковских пригородов известны печати пяти — Изборска, Воронача, Велья, Острова и Красного городка. Принадлежность печати пригороду прямо обозначена в легендах на двух разновременных печатях

города Остров, на печати города Велье и на печати Красного городка: “Печать островская” XIV в. принадлежит к разряду II/5 (рис.69, 1); “Печать С(вя)т(о)го Сп(а)с(а) Красногородска” XV в. (рис.69, 7) — к разряду VI/2; островская (рис.69, 2) и велейская (рис.69, 6) печати XV в. — к эпиграфическому типу. В формуле легенд на красногородской печати и печатях эпиграфического типа содержатся даты: на островской печати помещена дата 6928 г. (1419/20), на велейской — 6923 г. (1414/15), на красногородской — 3 мая 6973 г. (1464); в последнем случае дата соответствует летописной дате строительства красногородской крепости, а печать оформлена по образцу печати псковской 6933 г.

Печати еще двух пригородов — Изборска (рис.69, 3, 4) и Вороначи (рис.69, 5) — относятся к разряду II/5. На реверсе у этих печатей была помещена формула принадлежности святыне: на двух печатях Изборска, названного в летописях “Дом святого Николы” (по Никольскому храму — главной святыне Изборска) легенда гласит “Печать с(вя)т(о)го Николѣ”; а на печати города Вороначи, названного в летописи “Дом святого Егория (по Георгиевскому/Егорьевскому храму — главной святыне Вороначи) — “Печѣ(т)ь с(вя)т(о)г(о) Е(г)ори(ѣ)”.

Хотя в письменных источниках упоминаются пригородские посадники Пскова, прямых сведений о самоуправлении пригородов нет ни в летописях, ни в ПСГ. В этой связи обращает на себя внимание еще одна группа чиновников Псковской республики, обладавшая по ПСГ правом судопроизводства. Речь идет о *судьях* — должностных лицах, отправлявшие судопроизводство в т.н. “судийном суде”. В ПСГ зафиксирована независимость “судийного суда” от суда князя (Господа), посадника и владычного наместника, и, что особенно существенно, указано на правовое соответствие судей погородским чиновникам. Таким образом, есть основание предполагать, что судийный суд ПСГ — это орган судопроизводства, в юрисдикции которого находились псковские пригороды, а пригородские печати — это печати судийного суда.

Совершенно особой группой печатей, найденных только в Пскове, являются т.н. *печати юрьевские* — буллы, связанные с городом Юрьевым в Ливонской земле (совр. Тарту, Эстония) [Янин 1960: 260, 261]. К XIV в. относятся печати разряда II/5 (рис.69, 8, 9), оформленные аналогично печатям Изборска и Вороначи, а в XV в. им на смену приходит печать эпиграфического типа (рис.69, 10), стилистически чрезвычайно близкая печати островской 6928 г., а также оформлению реверса у печатей псковских 6933 г. и печати псковских посадников 6924 г. Таким

образом, связь печатей юрьевских с памятниками псковской сфрагистики представляется безусловной, а орган управления, пользовавшийся печатями юрьевскими, располагал в Пскове такими же правами, как и другие органы власти, связанные с пригородским управлением. Все сказанное дает основание считать, что печати юрьевские, как и пригородские печати, связаны с судийным судом Пскова, а в юрисдикции чиновников, пользовавшихся этими печатями, могло находиться судопроизводство “по русским делам” в Юрьеве. Отметим, что в Юрьеве существовал особый русский конец, а факты деятельности псковских судей в Юрьеве зафиксированы на страницах псковских летописей.

“Архив” актовых печатей из раскопок в Пскове

Сфрагистическое собрание Пскова так же неоднородно, как и сфрагистическое собрание Новгорода. Более 70% всех известных к настоящему времени печатей псковского происхождения приходится на комплекс т.н. “архива” — обширного скопления моливдовулов, обнаруженного при археологических раскопках 1960-1962 гг. [Белецкий В., Белецкий С. 1995а]. Остатки двухкамерной постройки, содержавшей “архив”, находятся в юго-западном углу Довмонтова города Псковского кремля (рис.70): печати обнаружены в северном помещении постройки в слое пожара начала XVI в. Исследованный раскопками комплекс насчитывает 564 моливдовула и 2 заготовки. Наличие заготовок свидетельствует о том, что мы имеем дело не с погибшим архивохранилищем, а с документацией, хранившейся в помещении действовавшей канцелярии.

Подавляющее большинство печатей, составляющих “архив”, датируется XV — началом XVI вв. Среди наместничьих печатей в этом комплексе отсутствуют буллы не только XIV, но и первой половины XV вв., и наиболее ранними являются печати времен святительства новгородского архиепископа Евфимия II, находившиеся в делопроизводстве с 1448 по 1458 гг. Начало поступления в “архив” документов, скрепленных “печатью псковской”, относится ко времени не ранее 1456-1458 гг. Таким образом, начало формирования комплекса документов, составляющих “архив”, можно определять в пределах второй половины 1450-х годов. Верхняя хронологическая граница периода формирования “архива” определяется присутствием в составе комплекса печатей владичьих наместников, скреплявших документы в период святительства новгородского архиепископа Серапиона I (1506-1509 гг.). Таким образом, верхняя хронологическая

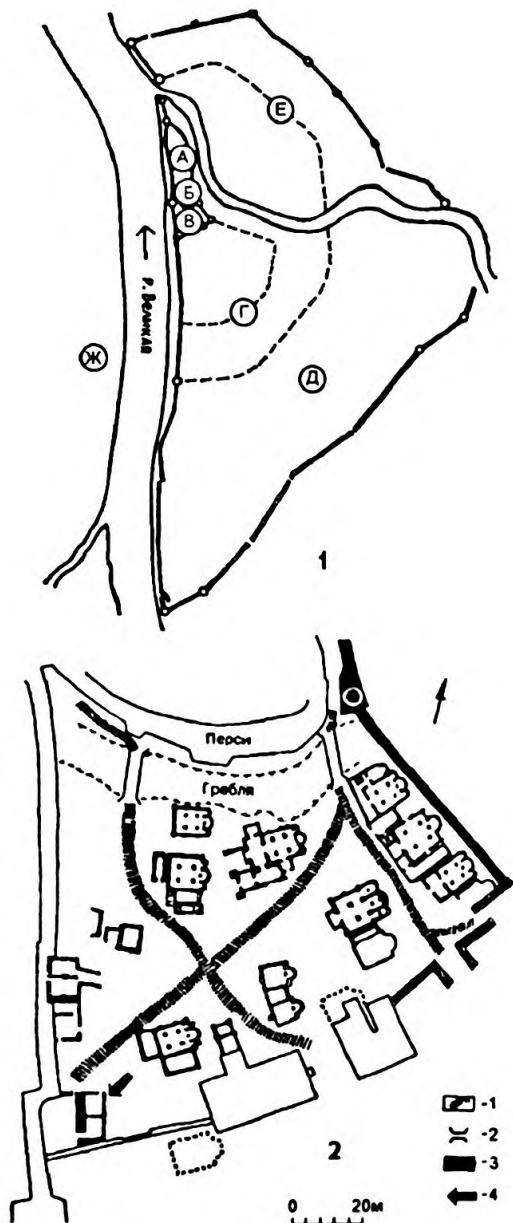

Рис.70

1 — план-схема Псковской крепости (А — Кром; Б — вечерная площадь; В — Довмонтов город; Г — Средний город; Д — Полонище; Е — Запсковье; Ж — Завеличье); 2 — план исследованных раскопками построек на территории Довмонтова города (1 — трассы улиц; 2 — местоположение мостов через ров-Греблю; 3 — фундаменты построек, раскрытых при археологических раскопках 1956-1990 гг.; 4 — местонахождение "архива")

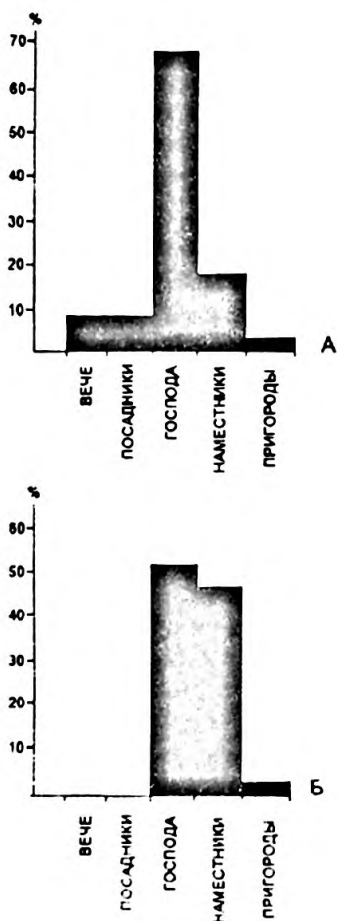

Рис.71

Печати Пскова. Сравнительная характеристика состава "архива" из раскопок в Довмонтовом городе (Б) и состава сфрагистических находок, не связанных с комплексом "архива" (А)

граница формирования "архива" приближается к моменту окончательного включения Пскова в состав Московского государства (январь 1510 г.). "Архив" находился в постройке в момент пожара: об этом свидетельствуют следы оплавленности на многих найденных печатях, а также мельчайшие капли расплавленного свинца, найденные в постройке вместе с печатями. После пожара постройка так и не была восстановлена, что объясняется, вероятнее всего, потрясениями, пережитыми псковичами в начале 1510 г.

Важнейшим и наиболее сложным является вопрос о принадлежности исследованного раскопками комплекса конкретному

органу власти Пскова второй половины XV – начала XVI вв. При сравнении “архива” с печатями, найденными в Пскове вне этого комплекса, оказывается, что состав “архива” не соответствует ни количественному, ни качественному соотношению памятников сфрагистики, найденных в городских кварталах Пскова (рис. 71): в составе “архива” отсутствуют “троицкие печати” и печати псковских посадников, что свидетельствует об избирательном характере поступления документов в “архив”. Уже одно это обстоятельство не позволяет расценивать “архив” (и, соответственно, канцелярию, размещавшуюся в юго-западном углу Довмонтова города) в качестве государственного архива Пскова. Но не менее важно и другое: в составе “архива” количественное соотношение “печатей псковских” и печатей владычных наместников принципиально иное по сравнению с соотношением этих же печатей, найденных в черте города: если среди печатей, найденных в городских кварталах, “печатей псковских” больше, чем печатей владычных наместников в три раза, то в составе “архива” эти сфрагистические разряды представлены почти поровну — 51% и 47% соответственно. Заметное смещение акцента на печати владычных наместников наводит на мысль о том, что при формировании комплекса “архива” важную роль играло поступление документов, утвержденных в канцелярии владычных наместников.

Сказанному, казалось бы, противоречит значительное число найденных в составе “архива” печатей Господы: численно документы, прошедшие утверждение в княжьем суде Пскова, даже преобладают над документами, утвержденными владычной канцелярией. Поступление в один и тот же “архив” документов, скрепленных печатями различных и не взаимозаменяемых институтов власти средневекового Пскова, противоречит выводу о ведомственной принадлежности рассматриваемого комплекса служб. Недоумение снимается при обращении к ст. 107 ПСГ, конституировавшей не только область юрисдикции владычных наместников и наместничьего суда в Пскове, но также и круг дел, подсудных смешанному суду князя и наместника, а также наместника и судий¹. Если считать, что в смешанном суде документ проходил двойное утверждение, то приблизительно равное количество печатей Господы и владычных наместников свидетельствует не о равном количестве документов, вышедших из двух различных

¹ “... А будет один человек простой истец мирянин, а [не] церковный человек с церковным, то судить князю и посаднику с владычным наместником вопчи, також и судиям” [ПСГ, ст. 107].

канцелярий, а о том, что комплекс “архива” состоял, по преимуществу, из документов, скрепленных двумя печатями — печатью Господы и печатью владычного наместника. Иными словами, “архив” оказывается иллюстрацией к ст. 107 ПСГ: подавляющее большинство документов, составлявших этот комплекс, прошли двойное утверждение в органах смешанного светского и церковного судопроизводства, а сама канцелярия, исследованная раскопками 1960-1962 гг., вероятнее всего, действительно являлась канцелярией владычных наместников Пскова или, по крайней мере, одним из помещений, занятых под ее службы.

Употребляемое понятие “канцелярия владычных наместников” в письменных источниках отсутствует. Крайне заманчиво было бы попытаться отождествить исследованные раскопками 1960-1962 гг. руины постройки с одним из названных псковскими летописями зданий, в которых размещались правительственные учреждения Пскова. Речь идет о т.н. “поповской избе”, упомянутой в летописях под 1481 г.: “Тоя же осени поставиша священники в Домантове стене избу священником и диаконом копиться”. Однако данное отождествление маловероятно: во-первых, исследованная раскопками постройка начала функционировать не позднее конца 1450-х годов, то есть — более чем за два десятилетия до строительства “поповской избы”; во-вторых, раскопанная постройка погибла в пожаре начала XVI в. и более не восстанавливалась, в то время как “поповская изба”, по сведениям письменных источников, продолжала функционировать вплоть до начала XVIII в. Таким образом, вопрос об отождествлении исследованного раскопками комплекса с конкретным административным учреждением Пскова конца XV — начала XVI в. пока остается открытым.

ГЛАВА 7 РУССКАЯ СФРАГИСТИКА XVI – XVII ВВ.

Государственные великокняжеские и царские печати

Важнейшим событием в великокняжеской сфрагистике Москвы конца XV в. стало введение в делопроизводство красновощаной печати с изображениями конного копейного воина, поражающего дракона на аверсе и двуглавого орла под двумя коронами на реверсе (рис. 72, 1). На обеих сторонах печати размещены круговые легенды, составляющие формулу титула великого московского князя: “Івань Б[о]жією Милостію Господарь всеѧ Русі і великіи кн[ѧ]зъ // и великыи кн[ѧ]з[ь] влад[имирскіи] и моск[овскіи] і нов[городскіи] і пск[овскіи] і тве[рскоі] і уго[рскіи] и вѧт[скіи] і пер[мскіи] и бол[гарскіи]”. Впервые эта печать, обычно обозначаемая в литературе как “двойная кормчая”¹, зафиксирована при грамоте 1497 г.

Вопрос о времени появления нового типа печати Ивана III активно обсуждался (подробную библиографию см.: [Соболева 1991: 215-216]). Сейчас можно считать установленным, что печать была введена в делопроизводство в 1490 г. [Кучкин 1999: 24-38].

Строго говоря, новым для русской сфрагистики этот тип печати считать не приходится: по своему оформлению двойные кормчие могут быть отнесены к разряду IV/1, хорошо известному с домонгольского времени. Не явилось чем-то принципиально новым и изображение конного копейного воина, занимавшего аверс печати — это изображение встречается на московских великокняжеских печатях на протяжении всего XV в. (рис. 37, 1, 3; 38, 5; 39, 1; 40, 2) и в XV-XVII вв. воспринималось современниками в качестве московского герба. Событием в русской эмблематике стало появление на печати московского великого князя двуглавого орла² — одного из самых дискуссионных изобразительных символов эпохи русского средневековья.

¹ Принято считать, что первоначальной функцией двойной кормчей или кормленной печати являлось скрепление грамот, дававших получателю право на кормление, то есть — на выплату содержания из государственных доходов.

² Изображение двуглавого орла известно с глубокой древности: оно встречено уже в памятниках изобразительного искусства народов Передней Азии (II тыс. до Р.Х.), известно в государствах Сасанидов и Сельджуков, являлось широко распространенным элементом декора в орнаментике балканских государств и стран Западной Европы. Смысл этого изображения объясняют по-разному — совместным правлением двух правителей, притязанием на управление двумя государствами, олицетворением идеи всемирной империи и т.п.

Рис.72

Великокняжеские печати конца XV — начала XVI вв. (уменьшены)
 1 — в.кн.Иван III (при документе 1497 г.); 2,3 — в.кн.Василий III
 (2 — при документе 1504 г.; 3 — при документе 1514 г.)
 (по СГГД)

Традиционной для отечественной науки является гипотеза, согласно которой включение двуглавого орла в систему изобразительных символов Московского государства явилось следствием женитьбы Ивана III в 1472 г. на Зое (Софье) Палеолог, племяннице последнего византийского императора Константина XI: двуглавого орла рассматривают в качестве герба Византийской империи, а соединение его в одной сфрагистической регалии с московским копейщиком связывают с провозглашением в начале XVI в. концепции “Москва — третий Рим” — новой официальной политической доктрины Московского государства.

Действительно, после падения Византии в 1453 г. московские великие князья прямо называли себя наследниками византийских императоров, а изображение двуглавого орла было в эпоху средневековья широко распространено в Византии. Однако этот изобразительный символ никогда не был официальным гербом Византийской империи, так что Московское государство, по меткому определению Н.П.Лихачева, “не могло заимствовать непосредственно из Византии того, чего та не имела” [Лихачев 1911: 1]. Да и сам факт появления двуглавого орла на государственной печати только через два десятилетия после бракосочетания Ивана III и Зои Палеолог свидетельствует против гипотезы о включении двуглавого орла в состав государственных символов Москвы именно вследствие женитьбы московского великого князя на племяннице византийского императора.

Значительно существеннее то, что двуглавый орел использовался в качестве юридического символа в западноевропейских странах и, в частности, с середины XV в. являлся гербом Священной Римской империи. Н.П.Лихачев отмечал желание Ивана III “во всем равняться — в титулах, и в формулах грамот, и во внешности булл — цесарю и королю римскому” и связывал включение двуглавого орла в состав изобразительных символов печати Ивана III с посольством императора Священной Римской империи в Москву [Лихачев 1915]. По-видимому, появление двуглавого орла на печати Ивана III явилось следствием знакомства великого московского князя с атрибутами государственной власти в империи Габсбургов (см. напр.: [Alef 1966; Hellmann 1969; Stökl 1972]). Разумеется, речь не идет о простом копировании изобразительного элемента, символизирующего имперский характер власти: всем своим обликом новая печать Ивана III была ориентирована на печати западноевропейских монархов [Соболева 1991: 208], отражая “идею равенства державы Ивана III Васильевича с другими европейскими государствами и, прежде всего, с империей Габсбургов” [Alef 1966: 12; Соболева, Артамонов 1993: 23].

Тип государственной печати, введенный в конце 1480-х годов, в дальнейшем становится традиционным: по образцу печати Ивана III была изготовлена печать меньшего диаметра для его сына и наследника московского престола Василия Ивановича (рис. 72, 2), а со вступлением Василия III на престол в великокняжеской канцелярии Москвы была изготовлена новая печать, полностью соответствующая печати Ивана III (рис. 72, 3). По образцу двойной кормчей были оформлены золотые буллы Василия III

1

2

Рис.73

Великокняжеские печати XVI в.

1-2 — золотые буллы в.кн.Василия III (1 — при документе 1517 г.; 2 — при документе 1514 г.)
(по "Сборнику снимков")

(рис.73, 1-2), так что новый тип великокняжеской печати оказался универсальным.

Двойная кормчая, которую в литературе иногда называют *Малой Государственной печатью*, использовалась в делопроизводстве московской великокняжеской (с 1547 г. — царской) канцелярии не только при Иване IV (рис.74, 1,3) и Федоре Иоановиче (рис.80, 1) — непосредственных преемниках Василия III, но и позднее — при Борисе Годунове (рис.82, 2), Лжедмитрии I (рис.85, 3), Василии Шуйском (рис.87, 2) и при первых Романовых (рис.90, 1, 2). Только однажды — в 60-е годы XVI в. — была

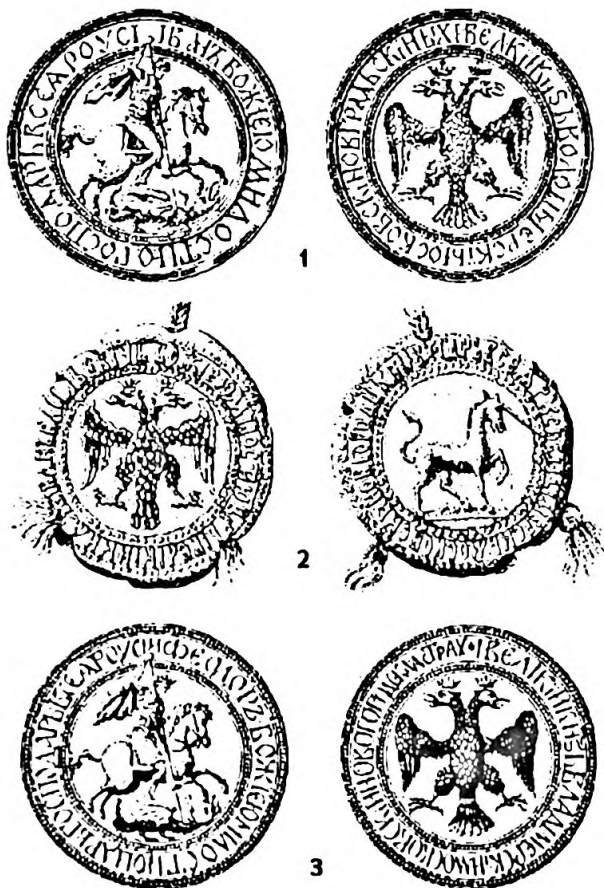

Рис.74

Великокняжеские (царские) печати XVI вв. (уменьшены)
 1-3 — ц. и в.кн. Иван IV (1 — при документе 1539 г.; 2 — при документе
 1569 г.; 3 — при документе 1584 г.)
 (по СГГД, П.Иванову)

предпринята попытка изменить оформление двойной кормчей: изображение двуглавого орла было вынесено на аверс печати, а реверс оказался занят изображением единорога (рис.74,2). Однако новый тип печати не прижился, и уже в 70-е годы XVI в. в царской канцелярии Москвы вернулись к традиционному оформлению двойной кормчей.

В годы царствования Ивана IV в делопроизводстве царской канцелярии использовались, наряду с двойной кормчей, печати других типов, причем в письменных источниках имеются сведения об изготовлении матриц для некоторых из них. Так, в 1561 г.

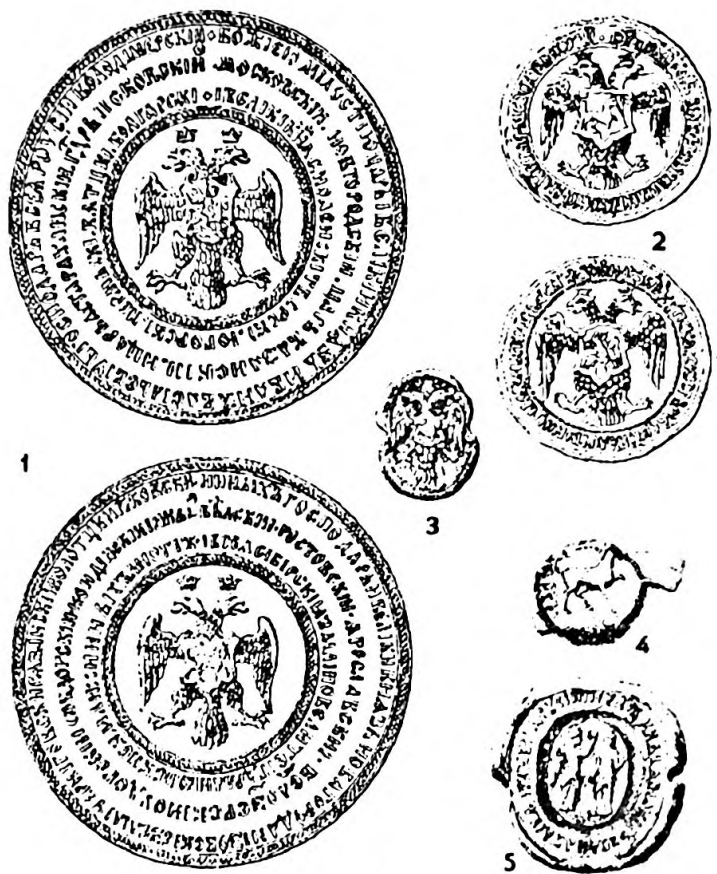

Рис.75

Царские печати XVI в. (уменьшены)

1-5 — ц.Иван IV (1 — золотая булла при документе 1562 г.; 2 — золотая булла 1563-1579 г.; 3 — при документе 1566 г.; 4 — при документе 1557 г.;

4 — при документе 1557 г.)

(по СГГД, П.Иванову, "Сборнику снимков")

была изготовлена печать "орел двоголавной, а среди его человек на коне, а на другой стороне орел же двоголавной, а среди его инорог"; возможно, речь идет о паре матриц, использованных для скрепления документов золотой буллой (рис.75, 1). Отличительной особенностью еще одной золотой буллы стало иное размещение по сторонам печати единорога и конейщика, помещенных в гербовые щиты на груди орлов (рис.75, 2). При документах сохранились также оттиски односторонней прикладной печати (*Малая Государственная печать*) с изображением двуглавого орла, на груди у которого в гербовом щите

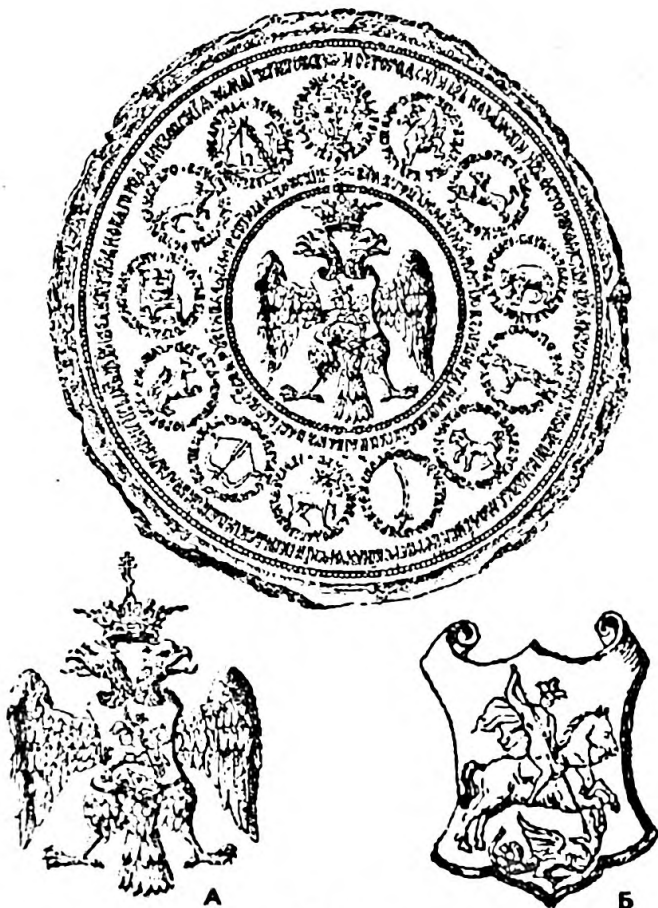

Рис.76

Большая Государственная печать ц.Ивана IV. Аверс. (уменьшена)
 А — изображение орла (увеличено); Б — изображение копейщика (увеличено)
 (по "Сборнику снимков")

размещалось изображение единорога (рис.75,3), и оттиски перстневой печати (рис.75,5). Но наибольшую известность получила *Большая Государственная печать*, введенная в делопроизводство в конце 1570-х годов [Соболева 1991: 210-214]: в центре аверса помещено изображение двуглавого орла, на груди у которого в гербовом щите изображен копейщик (рис.76), вокруг орла между двумя круговыми легендами размещены 12 территориальных эмблем в окружении самостоятельных легенд (рис.77) — "Печать Царства Казаньскаго", Печать Псковьскаѧ", "Печать великаго княжества Тверского", "Печать Пермскаѧ", "Печать Болгарскаѧ", "Печать Черниговскаѧ", "Печать

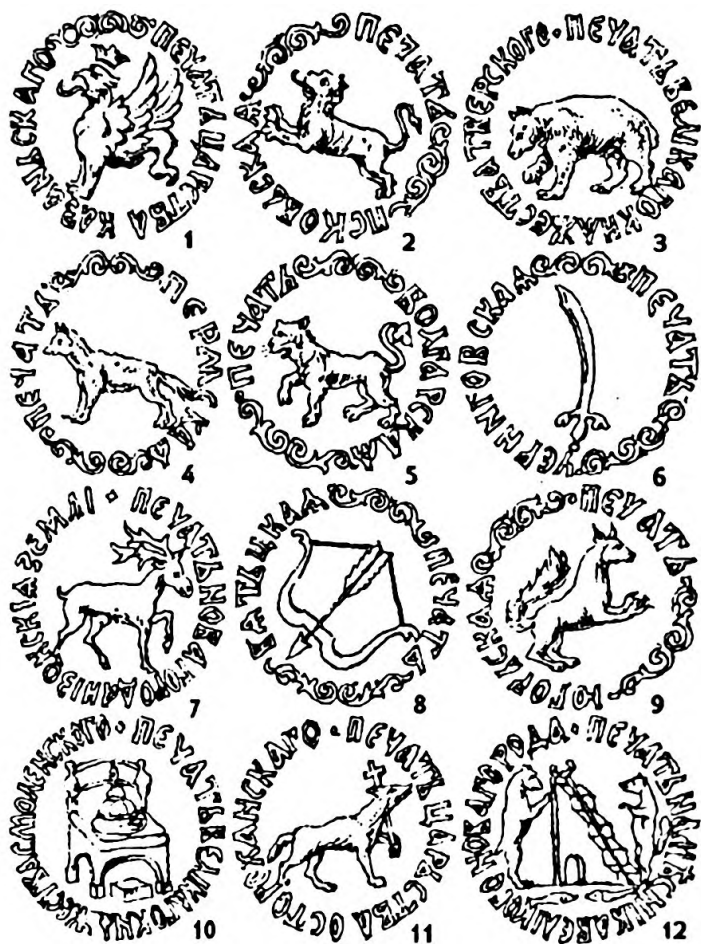

Рис.77

Территориальные эмблемы на аверсе Большой Государственной печати
ц.Ивана IV (увеличены)
(по "Сборнику снимков")

Новгорода Низовскіа земли", Печать Вальцкаа", "Печать Югорскаа", "Печать Великаго княжества Смоленскаго", "Печать царства Остороханскаго", "Печать намѣсника Великого Новгорода"; в центре реверса помещено изображение двуглавого орла, на груди у которого в гербовом щите изображен единорог (рис.78), вокруг орла между двумя круговыми легендами размещены еще 12 территориальных эмблем в окружении самостоятельных легенд (рис.79) — "Печать Полотцкаа", "Печать Ярославскаа", "Печать Удорскаа", "Печать Кондинскаа", "Печать архиепископа Рижскаго", "Печать города Ревеле", "Печать магістра

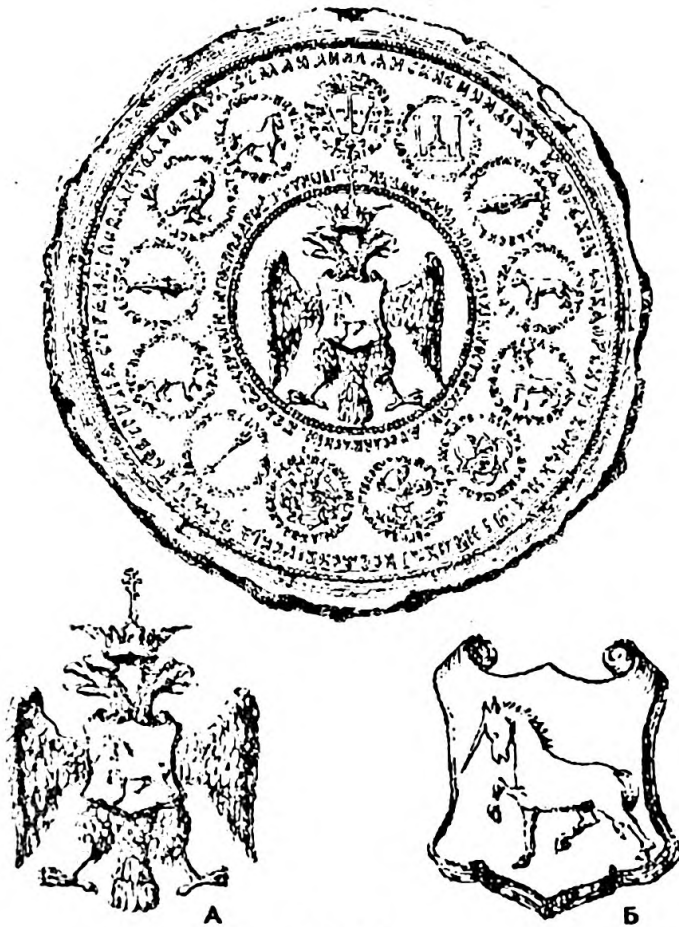

Рис.78

Большая Государственная печать ц.Ивана IV. Реверс

А — изображение орла (увеличено); Б — изображение единорога (увеличено)
(по "Сборнику снимков")

Лифляндскіа землі", "Печать Сибирская", "Печать Белозерская",
"Печать Ростовская", "Печать Рязанская". Четыре круговых
надписи на печати в совокупности содержат полный царский
титул: "Б(о)га в Тр(ои)цы славим, а(минь). М(и)л(ос)т(ю) (Бо-
жией), великии г(осу)д(а)рь, ц(а)рь и великии кн(а)зь Иванъ Васи-
льевич) Всеа Русии: Владимерскіи, Московскіи / Ноугородскіи,
ц(а)рь Казанскіи, ц(а)рь Астороханскіи, г(оспо)д(а)рь Псковскіи
і великии кн(а)зь Смоленскіи, Тверскіи, Югорскіи, Пермьскіи,
Вятцкіи, Болгарскіи и иныхъ. Г(оспо)д(а)рь и великии кн(а)зь Но-
вогорода Низовскіа землі, Черниговскіи // Рязанскіи, Полотцкіи,

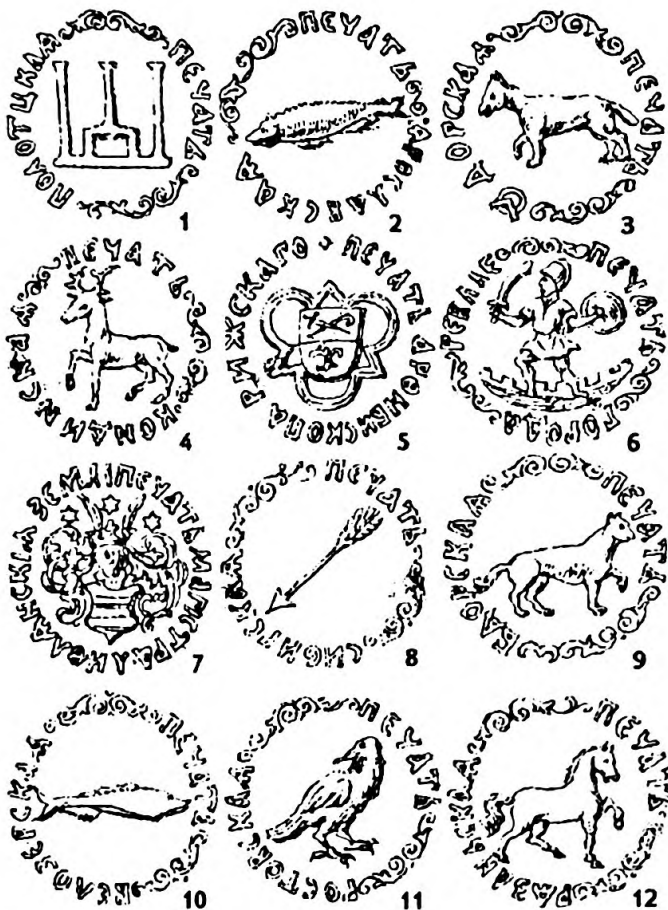

Рис. 79

Территориальные эмблемы на реверсе Большой Государственной печати ц.Ивана IV (увеличены)
(по "Сборнику снимков")

Ростовськіи, Арславськіи, Белозерськіи и господарь отчины / земли Лиоланские и иных, Удорськіи, Убдорськіи, Кондинськіи и иных, и Всеа Сибирськіи земли и Сѣверныа страны повелитель и г(оспо)д(а)рь". Территориальные эмблемы на печати имеют вид зверей (в том числе, фантастических), рыб, оружия и регалий власти, причем большинство этих изобразительных символов не находит исторических корней в предшествующей сфрагистике и эмблематике соответствующих земель [Соболева 1981: 155-159; 1991: 210-214]. Таким образом, территориальные эмблемы Большой Государственной печати Ивана IV, символизирующие единство земель, составлявших Московское государство,

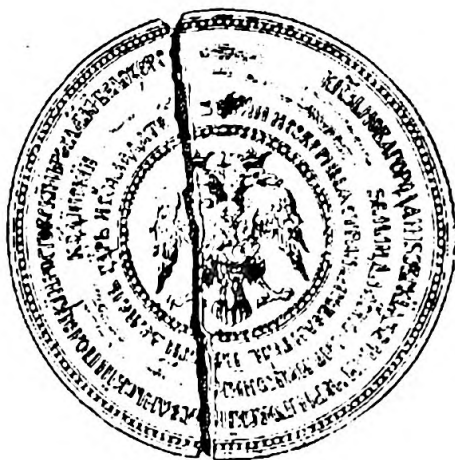

Рис.81

Большая Государственная печать ц. Федора Иоанновича (уменьшена)
(по "Сборнику снимков")

царствования Ивана Грозного¹. При сравнении формулы царского титула и состава территориальных эмблем выясняется, что для двух элементов, содержащихся в начале титула — "...Владимерскіи, Московскіи..." — отсутствуют изобразительные эквиваленты среди территориальных эмблем. Однако изображение конного копейщика, являвшееся к моменту создания Большой Государственной печати изобразительным символом Московского

¹ Чаще всего изображение единорога рассматривается в литературе либо как личная эмблема Ивана IV, либо в качестве христианского символа (с отсылкой к текстам Псалтыри [Соболева, Артамонов 1993: 24,25]

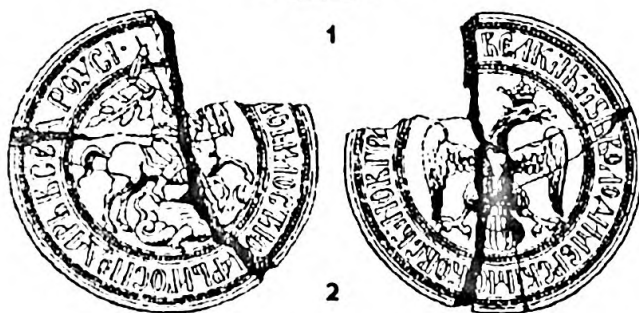

Рис.82

Царские печати XVI в. (уменьшены)

1-2 — ц. Борис Федорович Годунов (1 — при документе 1598 г.;
2 — при документе 1599 г.)
(по СГГД, "Сборнику снимков")

княжества, помещено на аверсе печати (в гербовом щите на груди орла), так что этот элемент титула изобразительный эквивалент имеет. Следовательно, остается только один элемент титула ("...Владімерскіи..."), не имеющий изобразительного эквивалента, и только один символ (изображение единорога), не находящий соответствия в формуле титула. Весьма вероятно, что изображение единорога, помещенное на Большой Государственной печати в гербовом щите на реверсе, было призвано символизировать Владимирское княжество, то есть — являлось

Рис.83

Золотая булла (уменьшена) ц. Бориса Федоровича Годунова
(при документе 1602 г.)
(по "Сборнику снимков")

такой же территориальной эмблемой-новообразованием, как и большинство других изобразительных символов печати.

В годы царствования Федора Иоановича наряду с двойной кормчей (рис.80,1) существовала Большая Государственная печать (рис.81), причем матрица аверса ее использовалась и для скрепления документов прикладной печатью (рис.80,2). Двойная кормчая и Большая Государственная печати (рис.82) известны и от периода правления Бориса Федоровича Годунова, а золотая булла Годунова повторяла тип Большой Государственной печати (рис.83). Прикладная печать царевича Федора

Рис.84

Печать царевича Федора Борисовича при документе 1604 г. (увеличена)
(по "Сборнику снимков")

Борисовича по своему оформлению соответствовала аверсу двойной кормчей (рис.84).

Эпоха Смутного времени представлена в доступном сфрагистическом материале выразительной серией разнообразных печатей-оттисков. От короткого периода правления Лжедмитрия I до нас дошли двойные кормчии (рис.85,3), Малая (рис.85,2) и Большая (рис.86,1) Государственные печати, а также золотая булла (рис.86,2); все эти печати повторяют уже известные сфрагистические типы предшествующего времени, а некоторые документы Лжедмитрий I утвердил прикладной печатью, оттиснутой матрицей аверса Большой Государственной печати Ивана IV. Отметим прикладную печать Лжедмитрия I, использовавшуюся в делопроизводстве в 1604 г. (рис.85,1): в круговой легенде на этой печати содержится формула "Дмитр Ивановичъ, Божью Милостию, царевичъ Московски"; печать употреблялась Самозванцем в период, предшествующий походу на Москву, а матрица печати была явно изготовлена западноевропейским (польским?) торевтом. В годы царствования Василия Ивановича Шуйского существовали обе основные государственные

1

2

3

Рис.85

Печати Лжедмитрия I

1 — при документе 1604 г.; 2 — при документе 1605 г.; при документе 1603-1606 г. (1, 3 — уменьшены, 2 — увеличена)
(по СГГД, "Сборнику снимков")

печати — двойная кормчая (рис.87,2) и Большая Государственная (рис.87,1).

Визготовлении матриц для прикладных печатей Лжедмитрия II (рис.85,1,3) и печати, скрепившей послания Марины Мнишек (рис.85,2), угадывается участие западноевропейских торевтов: в первом случае мы сталкиваемся с латинизированным начертанием букв и грамматическими ошибками в круговой легенде, содержащей, к тому же, только титул владельца; во втором случае на груди орла вместо традиционного гербового щита с изображением копейщика или единорога помещена

1

2

Рис.86

Печати Лжедмитрия I (уменьшены)

1 — при документе 1606 г.; 2 — золотая булла при документе 1605-1606 г.
(по СГД, "Сборнику снимков")

стилизованная лилия. Заметим, что в формуле легенды на этой печати ("Пічаты Дми ... Руси") угадывается начало имени "Дмитрий", так что матрица печати принадлежала не самой Марине, а одному из ее мужей — Лжедмитрию I или Лжедмитрию II.

К числу сфрагистических редкостей относится *земская печать*, использовавшаяся в делопроизводстве Первого и Второго ополчений: в центре поля печати помещено изображение одноглавого орла, окруженного надписью: "Великіе Россііскіе л(е)рж(а)вы Московско(го) г(осу)л(арства) печа(т) земскаж"

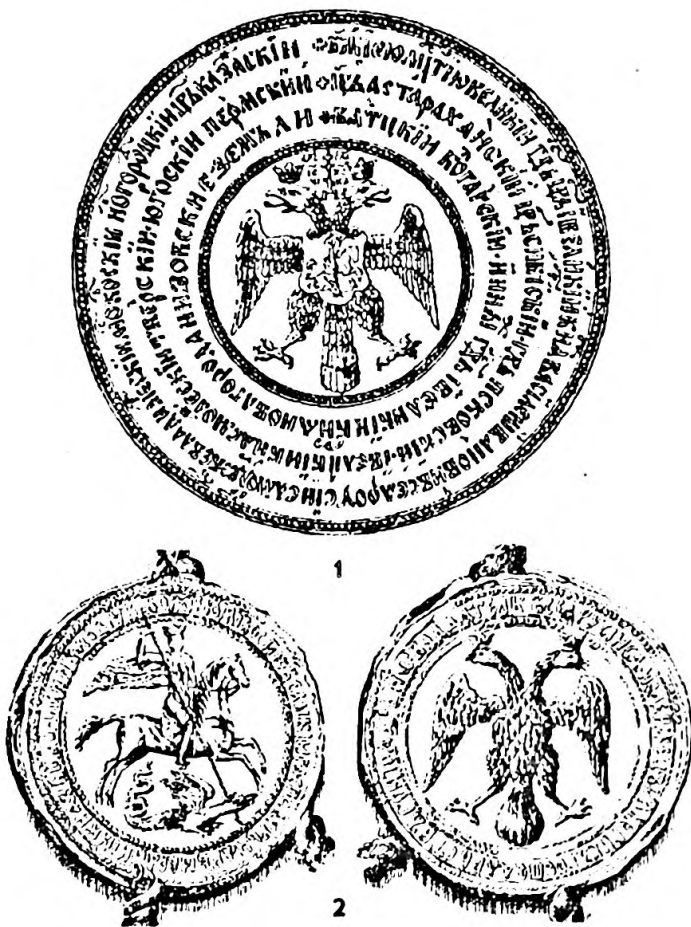

Рис.87

Печати ц.Василия Ивановича Шуйского (уменьшены)
 1 — при документе 1606 г.; 2 — при документе 1608 г.
 (по СГГД, "Сборнику снимков")

(рис.89, 1-2). Земская печать могла и прикладываться и привешиваться к документам, в последнем случае аверс и реверс оттискивались одной и той же матрицей [Лихачев 1914: 6]. Часть документов Первого ополчения скреплялась также личной печатью Прокопия Ляпунова, а документы Второго ополчения могли утверждаться личной перстневой печатью князя Дмитрия Пожарского.

Государственная сфрагистика Московского царства стабилизировалась после избрания на царство Михаила Федоровича Романова. В это время использовались двойные кормчии

Рис.88

Печати Лжедмитрия II

(1 — при документе 1609 г., написанном Мариной Мнишек;
2 — при документе 1609 г.) 1, 3 — уменьшены, 2 — увеличена
(по СГГД, П.Иванову)

(рис.90, 1-2), Малая (рис.90,3) и Большая (рис.91) Государственные печати, причем все перечисленные сфрагистические регалии, хотя и включали изменения в титуловании и иконографии изображений, но оформлялись в традициях предшествующего царствования. Традиционно оформлялась вначале и Большая Государственная печать Алексея Михайловича (рис.92-93), однако в 1667 г. для скрепления Андрусовского договора с Польшей была изготовлена матрица новой Большой Государственной печати (рис.94), описание которой было оформлено

Рис.89

Печати Первого (1) и Второго (2) ополчений (увеличены)
(по Н.П.Лихачеву)

в виде царского указа. Кроме новой иконографии изображения орла и нового царского титула, размещенного в круговой легенде, особенностью этой печати является размещение по сторонам от орла шести схематичных изображений “городов”, иллюстрирующих царский титул, причем каждое из изображений сопровождается пояснительным инициалом: слева — “В(еликая)”, “М(алыя)”, “Б(елыя)”, справа — “В(осточных)”, “З(ападных)”, “С(еверных)”. Считать Большую Государственную печать 1667 г. принципиально новой для русской сфрагистики, однако, не приходится, поскольку принцип включения в оформление печати изобразительных эквивалентов для царского титула уже известен по Большой Государственной печати Ивана IV.

Печати центральных и местных государственных учреждений

Печати, использовавшиеся в делопроизводстве центральных и местных государственных учреждений Московского государства представлены в доступном для изучения материале значительно хуже, чем печати царской канцелярии. К числу наиболее ранних относится *печать Ливонской земли*, матрица которой была изготовлена в 1564 г. (рис.95, 1): поле печати занимает двуглавый орел с гербовым щитом на груди, подпирающий лапами “*гербъ печать мастера Ливоньского*” и “*гербъ печать Юриевского бискупа*”, вокруг орла размещена круговая легенда, содержащая формулу принадлежности “*Царского величества боярина и воеводы наместника земли Ливоньскіе сіе печать*”.

Древнейшая из известных *печатеі Царства Казанского* (рис.95, 2) сохранилась при документе конца XVI в., более поздняя печать скрепляла документ конца XVII в. (рис.95, 3);

Рис.90

Царские печати XVII в. 1-3 — ц. Михаила Федоровича (1 — при документе 1625 г.; 2 — при документе 1627 г.; 3 — при документе 1625 г.); 4 — печать инокини Марфы Ивановны, матери ц. Михаила Федоровича (1-3 — уменьшены, 4 — увеличена)
(по СГГД, П. Иванову)

помешенное на печатях изображение крылатого коронованного дракона соответствует изобразительному символу Казанского царства на Большой Государственной печати Ивана IV. На печати Царства Астраханского, сохранившейся при документе 1636 г. (рис.95,5), отчетливо читается только изображение короны.

Рис.91
 Большая Государственная печать ц. Михаила Федоровича
 (при документе 1636 г.)
 (по "Сборнику снимков")

К XVI в. обычно относят две сохранившиеся серебряные печати матрицы с изображением хищника семейства кошачьих и круговой легендой "Печать Государства Псковско(го)" (рис.95,4). На печати Княжества Смоленского, скреплявшей документ середины XVII в., помещено изображение птицы, сидящей на пушке (рис.95,6), рядом с изображением имеется пояснительная надпись "Птица Гама(юн)".

Сохранившиеся печати московских приказов относятся к XVII в. Таковы: печати Большого Дворца (рис.95,7,8) — одного из центральных правительственных учреждений, в ведение

Рис.92
 Большая Государственная печать ц.Алексея Михайловича (уменьшена)
 (при документе 1654 г.)
 (по "Сборнику снимков")

которого входило управление дворцовыми учреждениями и вотчинами; печать приказа Большой Казны (рис.95,9), являвшегося центральным финансовым учреждением, контролировавшим сборы доходов (таможенные пошлины, питейные и оброчные деньги); печать Земского приказа (рис.95,14) отвечавшего за порядок и благочиние в государстве, а также ведавший борьбой с пожарами в Москве; печать Малороссийского приказа (рис.96), отвечавшего за отношения с Украиной, имевшей автономное управление. Подмечено, что изображения на печатях правительственных учреждений иллюстрируют функции приказа: портал

Рис.93
 Большая Государственная печать ц.Алексея Михайловича (уменьшена)
 (при документе 1656 г.)
 (по "Сборнику снимков")

здания на печати Земского приказа, весы на печати приказа Большой Казны, гетманская булава на престоле и подходящие к престолу с двух сторон украинские казаки с характерными оселедцами на бритых головах.

Сохранился также ряд таможенных печатей эпиграфического типа (Нижегородская, Соликамская и др.) и печатей употреблявшихся в делопроизводстве городов и острогов Сибири (рис.95, 10-13, 15-17); все они датируются XVII в.

Рис.94

Большая Государственная печать ц.Алексея Михайловича (уменьшена)
(при документе 1668 г.)
(по "Сборнику снимков")

Печати светских должностных и частных лиц

Печати светских лиц сохранились при многих документах (рис.97-100). Наряду с печатями князей и бояр, занимавших высокие должности в аппарате управления государства (окольничий, дворецкий, стольник, наместник, воевода и др.), широко представлены печати, принадлежащие чиновникам среднего звена (подьячни, тиуны, писцы, старосты, приказчики, судьи), а также частным лицам без указания статуса владельца печати.

Рис.95

Печати центральных и местных государственных учреждений России XVI-XVII вв. 1 — печать Ливонской земли (при документе 1564 г.); 2,3 — печать Казанского царства (2 — при документе 1596 г.; 3 — при документе 1693 г.); 4 — печать Государства Псковского (оттиск матрицы XVI в.); 5 — печать Астраханского царства (при документе 1636 г.); 6 — печать Смоленского княжества (при документе 1664 г.); 7-8 — печати Приказа Большого двorca (7 — при документе 1638 г.; 8 — при документе 1685 г.); 9 — печать Приказа Большой казны (при документе 1657 г.); 10 — печать Съезжей избы Шенкурского острога (при документе 1692 г.); 11 — печать Енисейского острога (при документе 1671 г.); 12 — печать Красноярского острога (при документе 1644 г.); 13 — печать города Симбирска (XVII в.); 14 — печать Земского Приказа (при документе 1682 г.); 15 — печать Якутского острога (при документе 1682 г.); 16 — печать города Верхотурья (при документе 1689 г.); 17 — печать города Кузнецка (при документе 1694 г.) (1-4 — уменьшены, 5 — увеличена)
(по "Сборнику снимков", СГГД, П.Иванову)

Рис.96

Печать Малороссийского Приказа (при документе 1654 г.) (по СГГД)

Иногда формула легенды сокращалась до инициалов, как на печати князя Семена Ивановича Шаховского (рис.98, 12). Уникальна печать писца и межевщика Федора Измайлова, сохранившаяся при документе 1622 г. (рис.99, 11): шестистрочная надпись на печати представляет собой фрагмент псалма “Не ревнуй лукавнующимъ, ниже завиди творящимъ безаконіе”. Заметим, что в XVI-XVII вв. должностные лица пользуются анэмблематичными печатями, несущими формулу принадлежности (рис.97, 7, 12; 98, 2, 5, 10) или указания (рис.97, 5). Однако большинство печатей представляют собой оттиски позднеантичных гемм, вставленные в перстневую или иную оправу, так что изображения на печатях оказываются достаточно случайными.

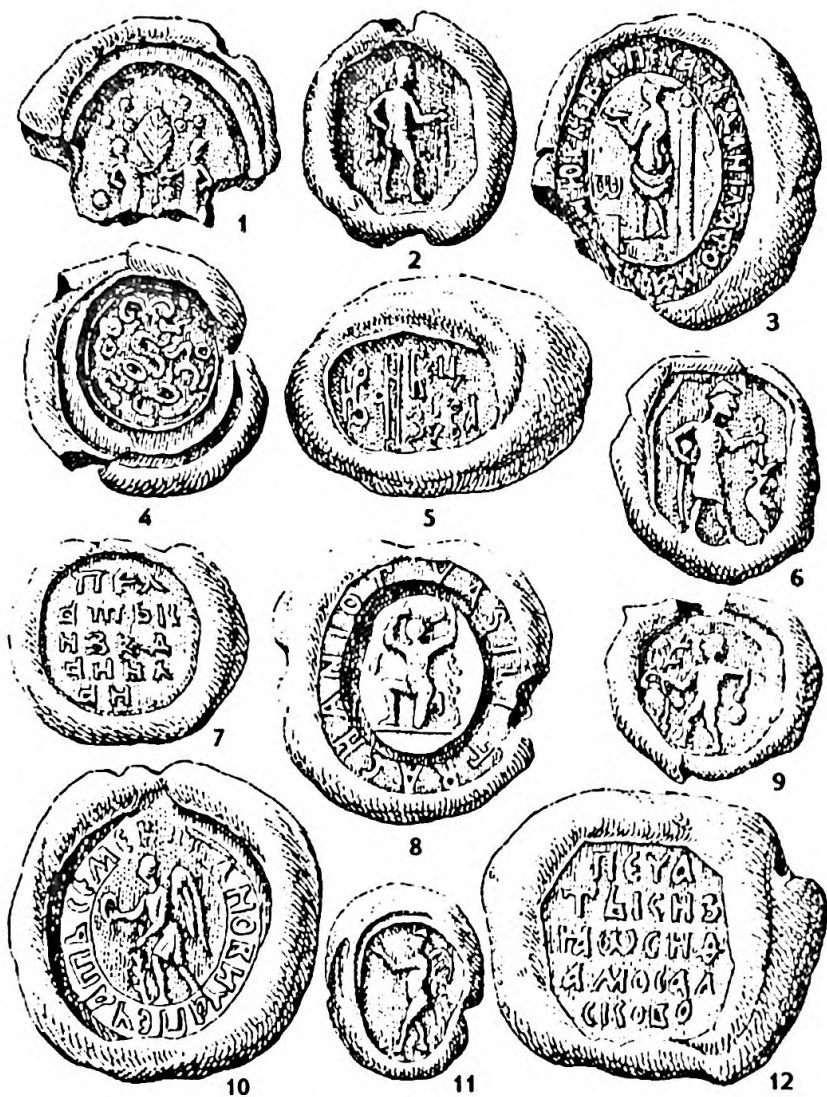

Рис.97

Княжеские и боярские печати XVI в. (по П.Иванову, увеличены)

- 1 — боярина И.Г.Морозова (при документе 1541 г.); 2 — боярина князя Д. Ф. Паленкого (при документе 1554 г.); 3 — боярина дворенкого Д.Р.Юрьева (при документе 1549 г.); 4 — окольничего Д.А.Чеботова (при документе 1554 г.); 5 — окольничего боярина И.И.Беззубцова (при документе 1545 г.); 6 — двинского наместника князя Д.М.Жижемского (при документе 1547 г.); 7 — князя Д.А.Друцкого (при документе 1575 г.); 8 — боярина В.Ю.Траханиота (при документе 1568 г.); 9 — воеводы князя И.М.Ворожынского (при документе 1587 г.); 10 — воеводы князя С.И.Гундорова (при документе 1555 г.); 11 — дворенкого, князя Ф.И.Хворожитина (при документе 1576 г.); 12 — нижегородского межевщика князя О.Д.Мосальского (при документе 1563 г.)

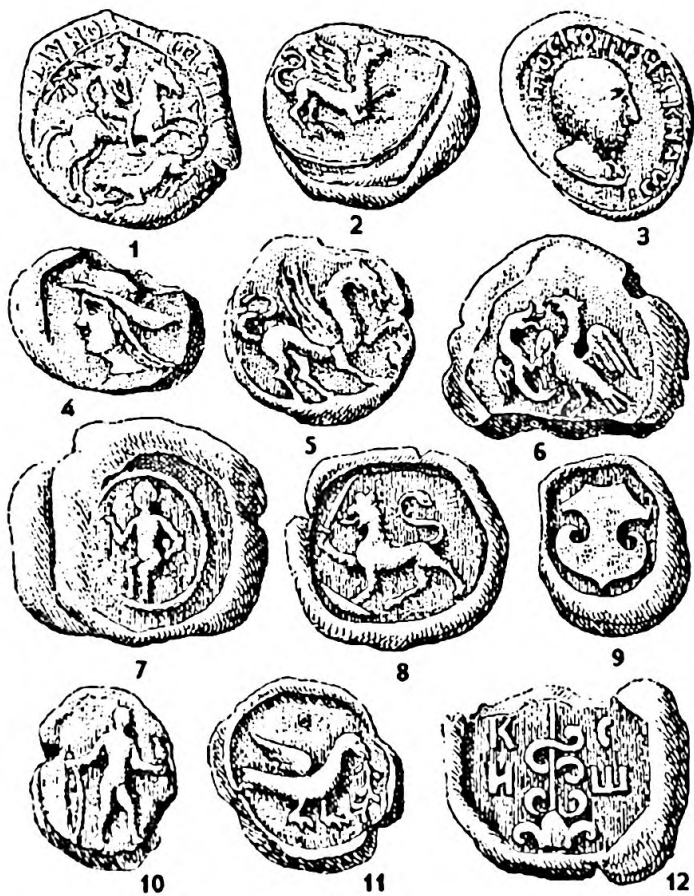

Рис.98

Княжеские и боярские печати XVII в. (по П.Иванову, увеличены)

1 — боярина и дворецкого С.В.Годунова (при документе 1605 г.); 2 — стольника и воеводы князя С.В.Елецкого (при документе 1611 г.); 3 — воеводы князя А.В.Приимкова-Ростовского (при документе 1616 г.); 4 — воеводы князя А.Д.Ростовского-Приимкова (при документе 1619 г.); 5 — стольника и воеводы князя В.Г.Ромодановского (при документе 1625 г.); 6, 8, 9 — князя В.Р.Волконского (6, 9 — при документах 1625 г.; 8 — при документе 1630 г.); 7 — межевщика князя И.Л.Шаховского (при документе 1629 г.); 10 — стольника и воеводы князя В.П.Ахмашукова-Черкасского (при документе 1632 г.); 11 — воеводы князя В.П.Кропоткина (при документе 1632 г.); 12 — воеводы князя С.И.Шаховского (при документе 1631 г.)

Печати иерархов русской церкви и церковнослужителей

Печати епископов и митрополитов Руси XVI-XVII вв. оформлялись в традициях, сформировавшихся еще в XIV-XV столетиях: аверс, по преимуществу, занят изображением Богоматери,

Рис 99

Печати должностных лиц XVI-XVII вв. (по П. Иванову, увеличены)

- 1 — подьячего Якова Семенова Шелкалова (при документе 1535 г.); 2 — двинского тиуна Ковурца Лаврентьева (при документе 1535 г.); 3 — подьячего Федора Фатьянова (при документе 1545 г.); 4 — переяславского городского приказчика сульи Давыда Иванова Макарьева (при документе 1552 г.); 5 — писца-мешевщика Федора Васильева Ржевского (при документе 1552 г.); 6 — белозерского дозорного писца-межевщика Елизара Григорьева Старого (при документе 1580 г.); 7 — писца-межевщика Федора Ефимьева Кошки (при документе 1612 г.); 8 — губного старосты Бежецкого Верха Ивана Иванова Воронина (при документе 1582 г.); 9 — подьячего Истомы Емельянова (при документе 1601 г.); 10 — воеводы Перфилия Секиры (при документе 1620 г.); 11 — писца-межевщика Федора Иванова Измайлова (при документе 1622 г.); 12 — дозорщика Павла Игнатьева Лошакова (при документе 1615 г.)

а на реверсе размещена легенда, содержащая стереотипную формулу указания (рис. 101, 3, 6; 102, 5; 103, 4-6; 104, 1-3, 6; 105, 2-4). Как правило, на печатях изображена Богоматерь в типе Печерской (рис. 101, 3-6; 102, 2, 4, 5; 103, 4-6; 104, 1-3, 6; 105, 1, 2, 4), хотя

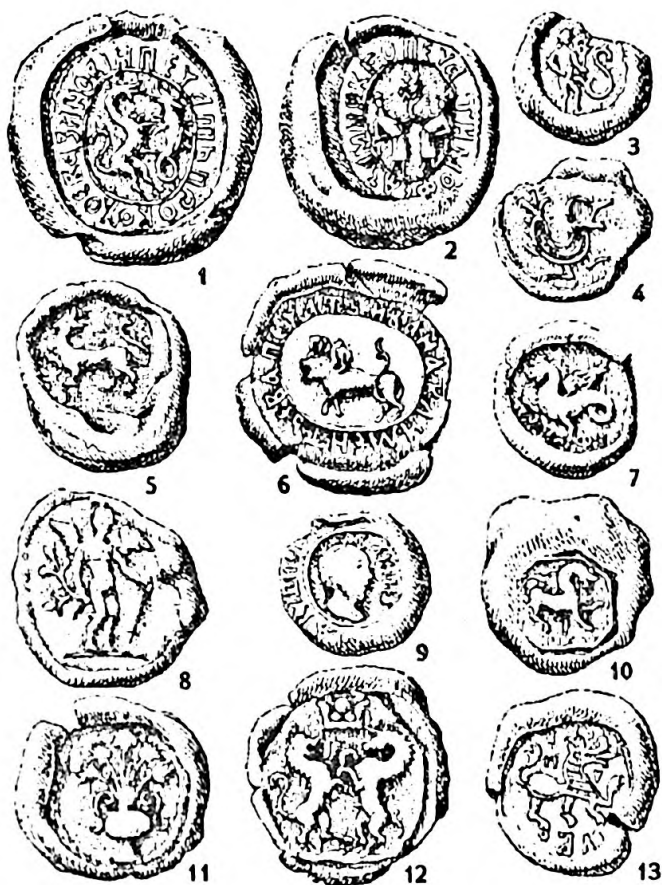

Рис. 100

Печати частных лиц XVI-XVII вв. (по П. Иванову, увеличены)
 1 — Прокофия Зиновьевича (при документе 1501 г.); 2 — Тимофея Петровича
 замышкого (при документе 1501 г.); 3 — Федора Непогодьева сына Зубатого
 (при документе 1573 г.); 4 — Ивана Черникова сына Онучина (при документе
 1573 г.); 5 — Поярка Ильина Ивашина (при документе 1545 г.); 6 — Ивана
 Кирсея Клементьева сына Ольгова (при документе 1511 г.); 7 — Васюка
 Гаврилока Бобкова (при документе 1519 г.); 8 — Василия Семенова Самарина
 (при документе 1620 г.); 9 — Шарана Семенова Якушкина (при документе 1605
 г.); 10 — Афанасия Ильича Шнишкина (при документе 1678 г.); 11 — Романа
 Васильева Жукова (при документе 1655 г.); 12 — Ивана Петрова Майорова (при
 документе 1662 г.); 13 — Гаврилы Иванова Бобринцева-Пушкина (при документе
 1617 г.)

встречены и изображения Богоматери Воплощение (рис.105.,3), более характерные для архиерейской сфрагистики предшествующего времени, а на печати архиепископа Псковского и Изборского Пафнутия, сохранившейся при грамоте 1626 г., помещено

Рис. 101

Печати митрополитов Московских и Всея Руси (по СГГД, П. Иванову) (уменьшены)

1 — Даниил (при документе 1522 г.); 2, 3 — Макарий (2 — при документе 1561 г.; 3 — при документе 1563 г.); 4 — Антоний (при документе 1580 г.); 5 — Афанасий (при документе 1565 г.); 6 — Дионисий (при документе 1584 г.); 7 — Варлаам (при документе XVI в.)

изображение Богоматери Одигитрии (рис. 102, 5). Традиционным¹ изобразительным символом на аверсе архиерейских печатей является также изображение благословляющей руки (рис. 101, 1; 102, 3; 103, 1-3; 104, 4), причем символика этого изображения прямо названа в круговой легенде на печати митрополита московского Даниила: “Рука митрополита Даниила Всея Руси” (рис. 101, 1). После собора 1564 г. повелением Ивана IV, высшим церковным иерархам было предоставлено право

¹ Самой ранней архиерейской печатью с изображением благословляющей руки является, как будто бы, односторонняя прикладная печать новгородского архиепископа Симеона, занимавшего Софийскую кафедру в 1415-1421 гг. (см.: рис. 59, 8).

Рис.102

Печати митрополитов и архиепископов XVI-XVII вв. (по СГГД) (уменьшены)
 1 — архиепископ Новгородский и Псковский Пимен (при документе 1565 г.); 2, 3 — архиепископ Новгородский и Псковский Александр (2 — при документе 1580 г., 3 — при документе 1584 г.); 4 — митрополит Новгородский и Великолуцкий Макарий (при документе 1626 г.); 5 — архиепископ Псковский и Изборский Пафнутий (при документе 1626 г.)

использовать печать красного воска с изображением на аверсе Богоматери, а на реверсе — благословляющей руки и легенды с именем и титулом владыки (рис.101,4,5; 105,1). Этот же тип печати был усвоен первому московскому патриарху Иеву (рис.106,1) и стал затем традиционным типом русской патриаршей вислой печати (рис.106,2,3).

В делопроизводстве иерархов русской церкви использовались и односторонние прикладные печати, однако для скрепления

Рис. 103

Печати митрополитов и архиепископов XVI-XVII вв. (по СГГД) (уменьшены)
 1 — архиепископ Казанский и Свяжский Иеремей (при документе 1580 г.);
 2 — архиепископ Казанский и Свяжский Тихон (при документе 1584 г.); 3 —
 митрополит Казанский и Астраханский Гермоген (при документе 1589 г.); 4 —
 архиепископ Ростовский и Ярославский Давыд (при документе 1580 г.); 5 —
 митрополит Ростовский и Ярославский Варлаам (при документе 1626 г.); 6 —
 архиепископ Ростовский и Ярославский Евфимий (при документе 1584 г.)

документа подобными печатями могла использоваться одна из матриц двусторонней печати (рис. 101, 2, 7; 102, 1; 104, 5; 105, 5).

Особняком среди прочих находятся две архиепископские печати, скреплявшие документы 1613 и 1626 гг. Печать, сохранившаяся

Рис. 105

Печати митрополитов, архиепископов и епископов XVI-XVII вв. (по СГГД)
(уменьшены)

- 1 — митрополит Сарский и Подонский Геласий (при документе 1589 г.); 2 — митрополит Сарский и Подонский Киприан (при документе 1626 г.); 3 — епископ Коломенский и Каширский Иосиф (при документе 1589 г.); 4 — архиепископ Тобольский и Всея Сибири Макарий (при документе 1626 г.); 5 — архиепископ Тверской и Каширский Пафнутий (при документе 1626 г.); 6 — архиепископ Арсений Еласонский (при документе 1613 г.); 7 — епископ Владимирский и Берестейский Иосиф (при документе 1626 г.)

Из десяти печатей, скреплявших грамоту, семь были утрачены уже к началу XIX в., а три остальные так сильно раскрошились, что уверенно установить владельца уже не удастся.

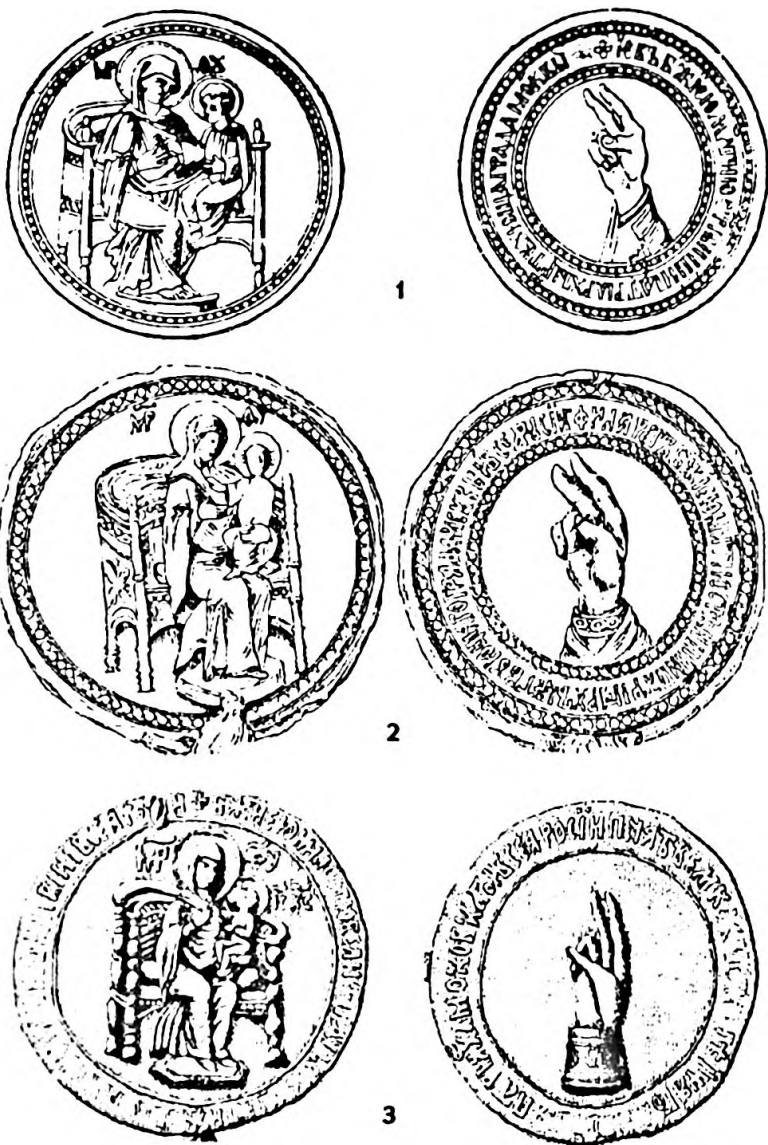

Рис. 106

Печати Патриархов Всея Руси XVI-XVII вв. (по СГГД, П.Иванову) (уменьшны)
 1 — Иев (при документе 1589 г.); 2 — Филарет (при документе 1628 г.); 3 —
 Питирим (при документе 1662 г.)

Фрагментарно сохранившаяся легенда — “Б(о)жіе(ю мило-
 стию смиренны А)рс(е)ни(и...)” — не исключает того, что
 печать принадлежала архиепископу Арсению Елассонскому,

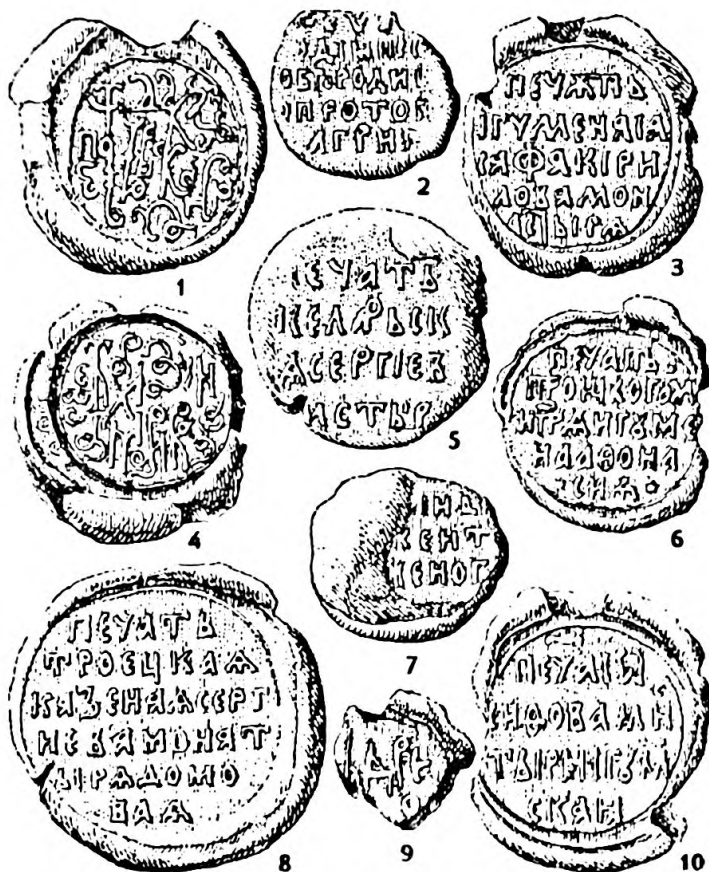

Рис. 107

Печати монастырей и церковнослужителей XVI-XVII вв. (по П. Иванову) (увеличены)

- 1 — архимандрит Чудова монастыря Левкий (при документе 1558 г.); 2 — протопоп соборной церкви владимирского Рождественского монастыря Григорий (при документе 1674 г.); 3 — игумен Кириллова монастыря Иосаф (при документе 1569 г.); 4 — архимандрит московского Новооспасского монастыря Вассиан (при документе 1574 г.); 5 — келарская печать Троице-Сергиева монастыря (при документе 1582 г.); 6 — игумен устюжского Троицкого монастыря Афанасий (при документе 1652 г.); 7 — архимандрит владимирского Рождественского монастыря Викентий (при документе 1674 г.); 8 — казенная домовая печать Троице-Сергиева монастыря (при документе 1582 г.); 9 — старец Троице-Сергиева монастыря Андриан Апостолов (при документе 1562 г.); 10 — игуменская печать Иосафова монастыря (при документе 1645 г.)

который “на Москве безотступно живет у царских гробов, у Архангела” [Лихачев 1914: 20]. В таком случае изображенный на аверсе архангел должен был символизировать Архангельский собор Московского кремля.

Односторонняя или же со стертým реверсом печать черного воска с изображением на аверсе композиции Успение Богоматери (рис.105,7) скрепляла (наряду с другими печатями) утвердительную грамоту 1626 г.,данную российскими митрополитами и епископами патриарху Филарету. Эта печать могла принадлежать либо архиепископу астраханскому и терскому Анофрию,либо архиепископу вологодскому и великопермскому Нектарию,либо, наконец, епископу владимирскому и берестейскому Иосифу. Предполагая, что изображение композиции Успения символизирует кафедральный Успенский собор,печать следует атрибуировать епископу Иосифу,кафедра которого находилась в Успенском соборе г. Владимира Волынского. Отметим,что печать имеет овальную форму,нехарактерную для печатей иерархов Московской патриархии.

Изображения на печатях низшего духовенства и церковнослужителей в XVI-XVII вв. были, как и у светских чиновников, по преимуществу, лишены изображений, а легенда содержала стандартную формулу указания, включавшую имя и должность владельца печати (рис.107).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятый обзор русской допетровской сфрагистики позволяет сделать несколько существенных выводов. Очевидно, что традиция оформления письменного документа, скрепленного подвесной печатью, пришла на Русь в X в. из Византии, однако древнерусская сфрагистика не была заимствована в готовом виде: она формировалась на основе слияния элементов византийского делопроизводства и традиционного (северо-европейского?) права, материализованного в своеобразных сфрагистических памятниках — т.н. “геральдических подвесках”, верительных знаках, удостоверявших полномочия княжеских представителей.

В XI-XII появляются все известные к настоящему времени группы сфрагистических символов и большинство сфрагистических разрядов. Таким образом, именно в домонгольское время складывается “язык” древнерусской сфрагистики, то есть — приемы передачи информации, использовавшиеся при оформлении русских средневековых печатей. С этого же времени в делопроизводстве используются свинцовые заготовки разного размера, что свидетельствует о формировании осознанного отношения к документам различного ранга.

Более половины известных к настоящему времени сфрагистических разрядов домонгольской Руси, представлены единичными буллами. Очевидно, что в XI-XII вв. происходил активный поиск оптимальных форм печатей, наиболее адекватно соответствовавших возникавшим властным структурам и зарождавшимся институтам управления. Однако к середине XIII в. этот процесс был еще далек от завершения.

Резкое сокращение числа известных сфрагистических разрядов, фиксируемое в XIII в., безусловно, требует объяснения. Велик соблазн сопоставить полученные наблюдения с монголо-татарским нашествием. Тем не менее, это сопоставление мнимое: из обихода вышли типы печатей, материализовавшие своим появлением эпизоды в истории властных структур средневековой Руси. Поэтому считать изменения в составе сфрагистических регалий следствием произошедшего в середине XIII в. распада российской государственности вряд ли правомочно. Равным образом, нет оснований связывать с конкретными историческими событиями и сокращение числа сфрагистических разрядов, произошедшее в первой половине XIV в.: в это время из делопроизводства были выведены разряды, объединяющие

анэпиграфические буллы. Фактически, большинство средневековых русских печатей начиная с XIV в. несут на одной или на обеих сторонах легенду, содержащую сведения о личности владельца печати либо об институте власти, регалией которого являлась печать, а сфрагистические разряды, объединяющие анэпиграфические печати, составляют исключение: по сути дела, речь может идти о печатях только одного такого разряда (II/1), поскольку даже на печатях разряда IV/1 изображения сопровождаются круговыми надписями.

Как будто бы находит себе объяснение и факт исчезновения в XIII в. из обихода подвесных металлических пломб. Разгадка заключается в том, что с XII-XIII вв. на Руси получает широкое распространение практика использования разнообразных (в том числе — перстневых) печаток. И металлические пломбы, и печатки для оттискивания по воску и вошаной мастике принадлежали, по преимуществу, чиновникам княжеского аппарата, так что с исчезновением металлических пломб институт княжеских уполномоченных не прекратил свое существование, а сменил тип сфрагистических регалий: вместо подвесных пломб стали использоваться воско-мастичные прикладные печати. При этом переход от преобладания металлических пломб к преобладанию прикладных печатей растянулся во времени по крайней мере на полтора столетия.

Существенно, что переход от преобладания печатей, лишенных надписей, к преобладанию печатей, на одной или на обеих сторонах у которых имелись легенды, также происходил постепенно и растянулся во времени на несколько десятилетий — с конца XIII до середины XIV в. По-видимому, и сокращение разнообразия актов печатей в делопроизводстве, и переход к преобладанию печатей, несущих легенды — это явления одного порядка. Вряд ли мы сильно ошибемся, предположив, что названные события знаменуют собой начавшийся процесс унификации русских средневековых печатей. И если в XIV-XV вв. результаты унификации только угадываются, то к рубежу XV-XVI в. складывается новый тип великокняжеской московской печати, а к середине XVI вв. уже формируются основные типы государственных сфрагистических регалий, сохранявшиеся впоследствии на протяжении всего периода существования Московского царства. В годы царствования Ивана IV был взят под контроль процесс оформления местных сфрагистических типов (создание Большой Государственной печати с включением в ее оформление новображозонных территориальных эмблем). По сути

дела, к этому времени неподконтрольным государству оставался только процесс выбора личных печатей, однако случайный характер изображений на большинстве из них не вызывает сомнений.

Памятники сфрагистики Российской империи и более позднего времени до настоящего времени остаются в основном не опубликованы, поэтому их можно охарактеризовать только в самых общих чертах. В оформлении Государственной печати основным изобразительным символом остается двуглавый орел, в гербовом щите на груди у которого помещен копейщик (при Петре I иногда заменявшийся на Андреевский крест, позднее — и на другие изображения), а круговая легенда включает императорский титул. Позднее в оформлении Государственных печатей вносились изменения также не принципиального характера по сравнению с печатями первых Романовых. К XIX в. из оформления печатей государственных и центральных учреждений, по преимуществу, исчезают аллегорические изобразительные символы, и им на смену приходит изображение государственного орла, на печатях местных учреждений помещается изображение городского герба города, а, зачастую, печати являются анэмблематичными. Личные печатки были весьма разнообразными: наряду с дворянскими гербовыми печатками использовались печатки эпиграфического типа и печатки со случайными изображениями. В XVIII-XIX вв. наряду с прикладными вошчаными печатями зафиксированы также случаи оттискивания закопченной на пламени свечи печати-матрицы по бумаге [Каменцева, Устюгов 1963: 47]. В XIX в. с появлением каучуковых штемпелей основным материалом для оттиска становится штемпельная краска.

Очевидно, что государственная сфрагистика России продолжала развитие в прежнем направлении, стремясь к полному единообразию типа печатей в масштабах государства, однако процесс выбора личных печатей оставался неподконтрольным государству.

Изменения внесенные в тип Государственной печати Временным правительством коснулись деталей в изображении орла, лишившегося оружия (короны, скипетр, держава) и щитового герба с копейщиком, кроме того, на печать было помещено изображение Таврического дворца — здания, где размещалась Государственная дума России.

Первые печати государственных учреждений, введенные в делопроизводство после октябрьского переворота, относятся,

по преимуществу, к эпиграфическому типу. Процесс их изготовления первоначально носил стихийный характер, и только 19 июня 1918 г. был утвержден тип государственной гербовой печати — с гербом РСФСР (позднее — с гербами СССР и союзных республик) вокруг которого размещалась легенда, содержащая формулу указания. Кроме гербовых печатей в делопроизводстве СССР использовались также печати анэмблематичные (эпиграфического типа), несущие формулу принадлежности или (реже) указания. Личные печати в эти десятилетия не употреблялись¹ за исключением личных печатей, использование которых было регламентировано профессиональной деятельностью владельцев (врачи, сотрудники музеев и т.п.). На протяжении всех десятилетий существования советского государства употребление гербовых печатей было строго регламентированным, а значительное число учреждений, не получивших права гербовой печати, употребляли исключительно анэмблематичные печати. Таким образом, именно при советской власти было, наконец, в масштабах государства достигнуто полное единообразие как в оформлении, так и в процедуре использования сфрагистических регалий.

После распада СССР в государственном делопроизводстве сохранились основные типы печатей предшествующего времени (на гербовых печатях была только заменена государственная символика). Однако с начала 1990-х годов в делопроизводстве начали использоваться разнообразные печати частных лиц и организаций, не связанных с системой государственных учреждений. Эти печати пока никем не исследовались, так что ни о какой систематизации говорить не приходится. Очевидно только, что существующая ныне ситуация в российской сфрагистике поразительно напоминает ситуацию, существовавшую в русской сфрагистике с конца XV и вплоть до начала XX в., когда в делопроизводстве одновременно использовались строго регламентированные государственные печати и разнообразные личные печати должностных и частных лиц, не попадавшие под процесс государственной унификации.

¹ Если не считать редчайших примеров использования кустарно изготовленных личных печаток в частной переписке. Заметим, что подобные печати юридической силы не имели, а их использование строго прескалось органами государственной власти.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев Ю.Г.* 1980. Псковская Судная грамота и ее время. Развитие феодальных отношений на Руси XIV-XV вв.Л.
- Алексеев Ю.Г.* 1997. Псковская Судная грамота. Текст, комментарии, исследование. Псков.
- Артамонов М.И.* 1958. Саркел — Белая Вежа // Материалы и исследования по археологии СССР, № 62, М.-Л.
- Артемьев А.Р.* 1999. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII — XVIII вв. Владивосток.
- Арииховский А.В.* 1945. Городские концы в древней Руси // Исторические записки. Т.16.
- Белецкий В.Д., Белецкий С.В.* 1995а. “Архив” из раскопок в Довмонтовом городе Пскова (состав, хронология, атрибуция) // Древности северо-запада России. Сборник материалов научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Г.П.Гроздилова. СПб.
- Белецкий В.Д., Белецкий С.В.* 1995б. Псковская сфрагистика [каталог, вступительная статья] // Древности северо-запада России. К 90-летию со дня рождения Г.П.Гроздилова. Каталог выставки. СПб.
- Белецкий С.В.* 1985. Печать князя Олександрова // Советская археология. № 1.
- Белецкий С.В.* 1994а. Сфрагистика Пскова XIV-XV вв. (Материалы для истории властных структур в средневековом городе) / Автореф. дисс.... докт. ист. наук. СПб.
- Белецкий С.В.* 1994б. “Печати псковские” // Сфрагистика средневекового Пскова. Вып. 1. СПб.
- Белецкий С.В.* 1994в. Вечевые печати Пскова // Сфрагистика средневекового Пскова. Вып. 2. СПб.
- Белецкий С.В.* 1994г. Памятники средневековой русской сфрагистики (проблема систематизации) // Памятники средневековой культуры. Открытия и версии. СПб., с.33-53.
- Белецкий С.В.* 1997а. Памятники древнерусской актовой сфрагистики (проблема принципиальной атрибуции) // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Сб. статей памяти В.Д.Белецкого. СПб.-Псков.
- Белецкий С.В.* 1997б. О значении изображения креста на древнерусских актовых печатях // Ладога и религиозное сознание. Третье чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Белецкий С.В.* 1997в. Печати с изображениями креста и Богоматери (проблема принципиальной атрибуции) // Музей в современной культуре. СПб.
- Белецкий С.В.* 1998. К атрибуции печати № 23 Корпуса актовых печатей древней Руси // Нумизматический сборник. 1998. К 80-летию В.М.Потина. СПб.
- Белецкий С.В.* 2000. Знаки Рюриковичей. Часть первая: X-XI вв. // Исследования и музеефикация древностей северо-запада. Вып. 2. СПб.

- Белецкий С.В., Грушина Л.Е.* 1997. Две актывые печати XV в. из Изборска // Новые исследования археологов России и СНГ. Материалы пленума ИИМК РАН 28-30 апреля 1997 г. СПб.
- Белецкий С.В., Петренко В.П.* 1994. Печати и пломбы из Старой Ладуги (свод) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб.
- Бліфельд Д.І.* 1977. Давньоруські пам'ятки Шестовиці, Київ.
- Болсуновский К.В.* 1894. Дрогичинские пломбы. Ч.1. Киев.
- Валк С.Н.* 1978. Николай Петрович Лихачев // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. IX. Л.
- Вилинбахов Г.В.* 1981. Всадник русского герба // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXI. Л.
- Государственное древлехранилище хартий и рукописей.* Опись документальных материалов фонда № 135. М., 1971.
- Гордиенко Э.А.* 1989. Розетка на печатях князя Изяслава Ярославича // История и культура древнерусского города. М.
- Гуревич Ф.Д.* 1981. Древний Новогрудок: посад-окольный город. Л.
- Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.
- Евгений (Болховитинов).* 1818. Примечания на граммату Великого князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславовича удельного князя Новгородского, пожалованную новгородскому Юрьеву монастырю // Вестник Европы, № 15-16.
- Ершевский Б.Д.* 1984. Классификация, типология и хронология дрогичинских пломб // Археология и история Пскова и Псковской земли. [Вып. 4]. Псков.
- Зиборов В.К.* 1995. О новом экземпляре печати Александра Невского // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб.
- Иванов П.И.* 1858. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М.
- Йорданов И.* Печатите на предславските владетели. 893-971. София, 1993.
- Искусство Византии в собраниях СССР.* Каталог выставки. Т. 2. Искусство эпохи иконоборчества. Искусство IX-XII вв. М. 1977.
- Каменцева Е.И., Устюгов Н.В.* 1963. Русская сфрагистика и геральдика. М.
- Карамзин Н.М.* 1818. История государства Российского. Т. III.
- Карамзин Н.М.* 1819. История государства Российского. Т. IV.
- Каштанов С.М.* 1982. Современные проблемы европейской дипломатики // Археографический ежегодник за 1981 г. М.
- Клейнберг И.Э.* 1976. Договор Новгорода с Готским берегом и немскими городами 1262-1263 гг. (по данным отчета послос немецкого купечества 1292 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VII. Л.
- Климанов Л.Г.* 1993. Николай Петрович Лихачев — коллекционер "сказочного размаха" // Из коллекций академика Н.П. Лихачева. Каталог выставки. СПб.

- Климанов Л.Г.* 1991. Ученый и коллекционер, “известный всей России, еще более Европе” // Репрессированная наука. Л.
- Климанов Л.Г.* 1999. Византийские отражения в сфрагистике. Коллекция металлических печатей VII-XX ввекв Н.П.Лихачева в Западно-европейской секции Архива СПбФ ИРИ РАН.СПб.
- Кучкин В.А.* 1999. Великокняжеская печать с двуглавым орлом грамоты 1497 г. // Вопросы истории, № 4-5.
- Лакиер А.Б.* 1855. Русская геральдика. СПб.
- Лакиер А.Б.* 1990. Русская геральдика. Подготовка текста и послесловие Н.А.Соболевой. М.
- Лапшин В.А.* 1977. Костяная печать-матрица из раскопок в Твери // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти Василия Дмитриевича Белецкого. 1919-1997. Т.1. СПб.-Псков.
- Лапшин В.А., Чуков Т.А., Курбатов А.В., Персов Н.Е., Черных И.Н.* 1997. Раскопки в Тверском кремле // Новые исследования археологов России и СНГ. Материалы пленума ИИМК РАН 28-30 апреля 1997 г. СПб.
- Лихачев Н.П.* 1911. Некоторые старейшие типы печати византийских императоров. М.
- Лихачев Н.П.* 1914. Земская печать Московского государства в Смутное время. М.
- Лихачев Н.П.* 1915. История образования русской государственной печати // Биржевые ведомости, 15 мая, № 14843.
- Лихачев Н.П.* 1928. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып.1 // Труды музея палеографии. 1. Л.
- Лихачев Н.П.* 1930. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып.2 // Труды музея палеографии. 2. Л.
- Лихачев Н.П.* 1991. Моливдовулы греческого востока. М.
- ЛСА — Лихачев Н.П.* Сфрагистический альбом. Рукопись / РА ИИМК РАН, ф.35, оп.2, д.444.
- Макаров Н.А., Чернецов А.В.* 1988. Сфрагистические материалы из Белоозера // Древности славян и Руси. М.
- Марасинова Л.М.* 1966. Новые псковские грамоты XIV-XV вв. М.
- Мартышин О.В.* 1992. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М.
- Медведев И.П.* 1988. В.Н.Бенешевич как “душеприказчик” Н.П.Лихачева // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVI. СПб.
- Михайлов К.А.* 1996. “Печать Ярослава” в контексте североевропейской художественной традиции // *Archaeologia Petropolitana*, 1/1996, СПб.
- Молчанов А.А.* 1976. Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VII. Л.
- Молчанов А.А.* 1984. Об атрибуции лично-родовых знаков князей-Рюриковичей // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVI. Л.
- Молчанов А.А.* 1986. Верительные знаки киевских князей и древнескандинавские *jartegnir* // Тезисы докладов X Всесоюзной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. М.

- Молчанов А.А.* 1987. Новгородская посадничья булла XI-XV вв. (к вопросу о типологической эволюции сфрагистических атрибутов высшей республиканской администрации Новгорода) // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III, вып. 16. М.
- Молчанов А.А.* 1988. Печать Святослава Игоревича (к вопросу о сфрагистических атрибутах документов внешней политики древней Руси X в.) // Внешняя политика древней Руси. Юбилейные чтения, посвященные 70-летию со дня рождения В.Т.Пашуто. М.
- Молчанов А.А.* 1996. "Верительные знаки" в древнескандинавских сагах // Ладога и Северная Европа. Вторые чтения памяти Анны Мачинской. СПб.
- Монгайт А.Л.* 1959. Абу Хамид ал-Гарнати и его путешествие в русские земли. 1150-1153 гг. // История СССР, № 1.
- Мусин А.Е.* 1997. История Ладоги как памятник российских церковно-государственных отношений // Современность и археология. СПб.
- Мусин А.Е.* 2000. Архирейская сфрагистика на Руси в XI-XVII вв. (опыт комплексного осмысления) // Геральдика в прошлом, настоящем и будущем. Материалы конференции к 20-летию Геральдического семинара при Государственном Эрмитаже. СПб.
- Нимчук В.В.* 1990. Древнерусские печати "дѣньслово" — "дѣньслово" // VI Международный конгресс славянской археологии. Тезисы докладов, подготовленные советскими исследователями. М.
- (*Новиков Н.*) Древняя российская вивлиофика или Собрание разных древних сочинений, яко то: российские посольства в другие государства, редкие грамоты, описание свадебных обрядов и других исторических и географических достопамятностей и многие сочинения древних российских стихотворцев, издаваемая помесечно Николаем Новиковым. М., 1788, ч. I-III; 1791, ч. XVI, XVIII.
- Орешников А.В.* 1903. Материалы к русской сфрагистике // Труды Московского нумизматического общества. Т. III, вып. 1.
- ПВЛ* — Повесть временных лет. Ч. I. Текст и перевод. М.-Л. 1950.
- Полубояринова М.Д.* 1971. Костяная печать из Серенска // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. № 125. М.
- Прохоров Г.М.* 1998. Как А.С. Орлов разоблачал академика Николая Петровича Лихачева // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVI. СПб.
- ПСГ* — Псковская Судная грамота. Изд. Императорской Археографической комиссии. СПб., 1914.
- Рыбаков Б.А.* 1963. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М.
- Седова М.В.* 1988. Сложение местной иконографии медного литья во Владимиро-Суздальской Руси // Древности славян и Руси. М.
- Снимки древних русских печатей государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц.* М., 1882.
- Соболева Н.А.* 1976. О методике изучения сфрагистического материала XV-XVIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VIII. Л.
- Соболева Н.А.* 1981. Росийская городская и областная геральдика XVIII-XIX вв. М.

- Соболева Н.А.* 1991. Русские печати. М.
- Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Символы России. М.
- Собрание Государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел.* Ч.1-3. М., 1813-1828.
- Сотникова М.П.* 1995. Древнейшие русские монеты X-XI вв. Каталог и исследование. М.
- Хорошкевич А.Л.* 1972. Печати полоцких грамот XIV-XV вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. IV. Л.
- Хорошкевич А.Л.* 1993. Символы русской государственности. М.
- Хорошкевич А.Л.* 1995. "Конные печати" Александра Невского и традиции средневековой сфрагистики // Князь Александр Невский и его эпоха. Исследования и материалы. СПб.
- Черепнин Л.В.* 1948. Русские феодальные архивы XIV-XV вв. Ч. I. М.-Л.
- Шандровская В.С., Янин В.Л.* 1991. Н.П. Лихачев и его труд "Моливдовулы греческого востока" // Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого востока. М.
- Шаскольский И.П.* 1972. Судьба государственного архива Великого Новгорода // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. IV. Л.
- Шмидт С.О.* 1998. К 60-летию со дня кончины академика Н.П. Лихачева // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XXVI. СПб.
- Шорин П.А.* 1964. Анонимные печати новгородских архиепископов // Советская археология. № 3.
- Янин В.Л.* 1960. Вислые печати Пскова // Советская археология. № 3.
- Янин В.Л.* 1962. Новгородские посадники. М.
- Янин В.Л.* 1970. Актовые печати древней Руси X-XV вв. Т. I-II. М.
- Янин В.Л.* 1978. Печать новгородского епископа Ивана Попьяна (1100-1130) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. IX. Л.
- Янин В.Л.* 2001. У истоков новгородской государственности. Великий Новгород.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* 1998а. Актовые печати древней Руси X-XV вв. Т. III. М.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* 1998б. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1997 г. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 12. Новгород.
- Янин В.Л., Гайдуков П.Г.* 2000. Древнерусские вислые печати, зарегистрированные в 1998-1999 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 14. Новгород.
- Alef G.* 1966. Adoption of the muskovite Two-headed eagle: A discordant view // *Speculum*. Vol. 41. No 1.
- Hellmann M.* 1969. Moskau und Byzanz // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. N.F. Wiesbaden. Bd. 17. H. 3.
- Stökl G.* 1972. Testament und Siegel Ivans IV. Opladen.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	3
<i>Глава 1. Источниковедение памятников русской средневековой сфрагистики</i>	11
Виды сфрагистических памятников древней Руси	11
Регламентация материала для печати-оттиска	19
Диаметр и вес моливдовула	21
Судьба матриц актовой печати на Руси	23
Систематизация памятников сфрагистики	24
<i>Глава 2. Начало русской сфрагистики (X — начало XI в.)</i>	35
<i>Глава 3. Сфрагистика домонгольской Руси (XI — первая половина XIII в.)</i>	39
Печати греко-русского типа	39
Печати с кириллической легендой	48
Печати с изображениями “правителя” и святого	56
Печати с изображением “розетки”	57
Печати с изображениями святых на обеих сторонах	58
Печати с изображением на аверсе креста	60
Печати с изображением на аверсе Христа	62
Печати с изображениями княжеского знака	63
Печати с изображениями Композиции	66
Печати с изображением двух святых	68
Пломбы	71
<i>Глава 4. Русская сфрагистика второй половины XIII — XV в.</i>	75
Княжеские печати	76
Печати светских должностных и частных лиц	97
Печати иерархов русской церкви и церковнослужителей	98
<i>Глава 5. Сфрагистика Новгорода XIII — XV вв.</i>	99
Новгородские средневековые печати: общие сведения	99
Печати высших органов власти Новгорода	100
Печати должностных лиц Новгородской республики	107
Печати новгородского архиепископа	112
“Анонимные печати владычных наместников”	115
Печати двинских наместников	116
Печати епархиальных чиновников	117
Городищенский архив Новгорода (предварительные замечания)	120

Глава 6. Сфрагистика Пскова XIV – XV вв.	128
Псковские средневековые печати: общие сведения	128
Вечевые печати Пскова	129
Печати Господы	130
Печати псковских посадников	132
Печати владычных наместников Пскова.....	133
Пригородские печати Пскова. Печати Юрьевские.....	135
“Архив” актовых печатей из раскопок в Пскове.....	138
Глава 7. Русская сфрагистика XVI – XVII вв.	143
Государственные великокняжеские и царские печати	143
Печати центральных и местных государственных учреждений	162
Печати светских должностных и частных лиц.....	167
Печати иерархов русской церкви и церковнослужителей.....	171
Заключение	182
Литература	186

Подписано в печать 20.10.2001
 Бумага офсетная. Формат 60×90 1/16 Гарнитура Times.
 Усл.печ.л. 11,2 Усл.изд.л. 12.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии Петербургкомстата.
 197376, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 39.
 Тираж 300 экз. Заказ № 464.